

**Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»**

Дзюба Е.В.

Концепт «ум» в русской лингвокультуре

Монография

Екатеринбург 2011

УДК 81'27
ББК Ш 100.3
Д 43

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор

А.П. ЧУДИНОВ (Уральский государственный педагогический университет)

Доктор филологических наук, профессор

В.И. КАРАСИК (Волгоградский государственный педагогический университет)

Кандидат филологических наук, доцент

О.Н. КОНДРАТЬЕВА (Кемеровский государственный университет)

Д 43

Дзюба Е.В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре: Монография. Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. — 224 с.

ISBN 978-5-7186-0452-8

В монографии излагаются некоторые вопросы современной концептуальной лингвистики, называются основные подходы к рассмотрению концептуальных структур, описываются методики изучения концептов. С помощью комплексных методов исследования анализируется концепт *ум* как уникальный феномен русской лингвокультуры.

Монография адресуется филологам и широкому кругу исследователей, интересующихся вопросами когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

ISBN 978-5-7186-0452-8

© Дзюба Е.В., 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

На рубеже XX – XXI вв. человек оказался в объемном информационном пространстве, которое необходимо упорядочить, осмыслить, структурировать. Эти процессы получения, переработки, воспроизведения, передачи информации стали предметом изучения целого ряда наук: теории искусственного интеллекта, антропологии, психологии, социологии, философии, коммуникативно-когнитивной прагматики, герменевтики и, наконец, лингвистики, в частности – когнитивной, исследующей процессы познания мира человеком, систематизации знаний с помощью категорий языка, вербализации этих знаний и представлений и т.д.

Важность изучения названных ментальных процедур в течение уже нескольких десятилетий подчеркивают зарубежные и отечественные исследователи (А. Вежбицка, Р. Джакендорф, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Э. Рош, Ж. Фоконье, Ч. Филлмор и др.; Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, Д.О. Добровольский, А.А. Залевская, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, В.В. Колесов, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина, А.П. Чудинов и др.).

В задачи когнитивной науки, как отмечает автор фундаментальных для отечественной когнитивной лингвистики работ Е.С. Кубрякова, «входит и описание / изучение систем представления знаний и процессов обработки и переработки информации, и – одновременно – исследование общих принципов организации когнитивных способностей человека в единый ментальный механизм, и установление их взаимосвязи и взаимодействия» [Кубрякова 2004: 8–9].

В свою очередь исследователи Воронежской когнитивно-семантической школы З.Д. Попова и И.А. Стернин замечают: «Когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций» [Попова, Стернин 2006: 9]. При этом вся система знаний и представлений человека о мире и се-

бе самом особым образом структурирована, она строится из неких фрагментов, сегментов, взаимодействующих друг с другом, вступающих в определенные отношения: отношения включения (например, *любовь и счастье*), отношения антиномичности (*жизнь – смерть, ум – глупость*), причинно-следственные отношения (*преступление – наказание, грех – вина*) и т.д. Фрагменты системы представлений человека называются *концептами*. Концепт, как отмечает Е.С. Кубрякова в «Кратком словаре когнитивных терминов», отражает представления «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких *квантов* знания...» [Кубрякова и др. 1996: 90].

В настоящее время активно изучаются отдельные концепты на материале одного или нескольких языков (например, концепты *красота, вина, приватность* и др.), иногда внимание исследователей сосредоточивается на «концептах-парах», находящихся в разных смысловых отношениях (например, оппозиционных отношениях: *любовь – ненависть, свет – тьма* и т.п.; отношениях включения: *ум – разум, семья – жена – муж – дети – любовь* и т.д.). Однако при достаточной разработанности в науке вопросов специфики, сущности и структуры отдельного концепта остаются мало изученными вопросы взаимодействия концептов одного смыслового поля. Работы, посвященные рассмотрению целых ментальных пространств, а не отдельных концептов, немногочисленны, среди них можно назвать исследования М.В. Пименовой и О.Н. Кондратьевой, изучающих концепты сферы «внутренний человек» (*дух, душа, сердце*) [Пименова 2001; Кондратьева 2004а, 2004б], Н.А. Красавского, рассматривающего концепты эмоциональной сферы в русском и немецком языках [Касавский 2008]. Данное направление изучения неких объединений концептов в их смысловых связях представляется автору исследования перспективным, так как описание разных ментальных пространств (например, концептов эмоциональной, интеллектуальной сфер, сфер «Внутренний мир человека», «Внешний мир человека» и под.) позволит более адекватно реконструировать национальную картину мира, прибли-

зит ученых к более полному описанию национальной концептосферы, о которой писал Д.С. Лихачев.

Однако в задачи данного исследования не входит описание всех концептов интеллектуальной сферы в русской лингвокультуре, это является скорее его перспективой. Данное исследование является лишь частью работы, которая в дальнейшем предполагает, во-первых, описание структуры каждого концепта смыслового поля «Интеллект» (например, в структуре концепта *ум* будут описаны субконцепты *память, воображение, способность, одаренность, знание, образованность* и др.), во-вторых, описание концептов интеллектуальной сферы в их смысловых связях (оппозиционных: *ум/разум – глупость, ум – тупость, умный – дурак* и т.д.; градационных: *глупый – тугодумный – тупой – дурак* или *разумный – рассудительный – умный – мудрый* и др.). В-третьих, концепты интеллектуальной сферы будут рассмотрены в диахроническом аспекте, в обязательной связи данной концептосферы с типом культуры, который доминирует в тот или иной промежуток времени. Представление народа, например, об интеллектуальных способностях человека, безусловно, зависит от его самосознания (от представления о самом себе, о своем месте в мире), от осознания свободы или зависимости своего разума от каких-либо высших сил, от окружающей действительности, в той или иной степени преобразованной силой человеческого разума и т.п. Анализ изменения смыслового наполнения и взаимосвязи концептов интеллектуальной сферы в диахронном аспекте позволит проследить изменение картины мира русского человека с древних времен до наших дней. Материалом для такого исследования станут лексикографические источники, тексты некоторых фольклорных жанров (сказки, пословицы и поговорки) и «ключевые» для данной проблематики художественные и публицистические тексты разных временных периодов.

В данной работе осуществляется попытка описания одного, но ключевого (центрального, ядерного) концепта сферы «Интеллект» – концепта *ум* в русской лингвокультуре. Успешные попытки описания данного феномена в отдельности или как составной единицы более широкого понятия (например, понятий *внутренний человек, homo sapiens*) в русской и/или иных

лингвокультурах предпринимались такими исследователями, как О.Г. Дубровская [Дубровская 2002], О.Н. Кондратьева [Кондратьева 2004а, 2004б, 2005], Т.В. Леонтьева [Леонтьева 2003], А.А. Мишин [Мишин 2007], Л.Б. Никитина [Никитина 1996, 2000, 2006], М.В. Пименова [Пименова 2001] и др.

Специфика данного исследования заключается в рассмотрении концепта *ум* в историческом аспекте – в соответствии с определенным типом культуры, который накладывает отпечаток на все стороны жизни человека, в т.ч. духовную и ментальную. Концепт *ум* является константной ментальной единицей, складывающейся в русском сознании на протяжении многих веков. Однако исследователю интересны не только те значения, которые являются универсальными. Каждая историческая эпоха вносит свои компоненты смысла в структуру той или иной культурной константы, способствует актуализации одних компонентов и затуханию других. Для понимания специфики национальной ментальности не менее важны компоненты смысла, которые заложены в исторической памяти народа.

При изучении современного представления о феномене *ум* в русском языковом сознании проводится анализ научной концепции интеллекта на материале психологических исследований и наивного представления народа об уме, отраженного в паремиологическом фонде и в данных ассоциативного эксперимента – опроса носителей русского языка.

Для определения специфики этнокультурной составляющей концепта использовался метод компаративного анализа, при котором сопоставлению подвергались пословицы и поговорки трех языков (русского, французского и английского) единого смыслового поля «Интеллект». Это позволило определить место концепта *ум* в ментальности того или иного народа, указать смысловую близость этого концепта с другими единицами национальной концептосферы, выявить этноспецифические компоненты смысла, актуальные в той или иной лингвокультуре.

При сопоставительной работе были использованы материалы выполненных под руководством автора дипломных сочинений. Соавтором фрагмента исследования, посвященного сопоставлению концепта *хитрость* в русской и *ruse* во француз-

ской лингвокультурах, является Ю.С. Вильдяева. Совместно с Е.О. Тарасенко написан параграф «Концепт «ум» в русском, английском и французском языках».

Материалы исследования обсуждались на научно-практических конференциях и семинарах, проводимых УрГПУ, УрГУ им. А.М. Горького, УГТУ-УПИ (Екатеринбург, Россия), Цилиньским институтом русского языка (г. Чань-Чунь, Китай) и другими организациями. При проведении исследования учитывались замечания А.П. Чудинова, В.И. Карасика, О.Н. Кондратьевой, Н.Б. Руженцевой, С.А. Ереминой, Л.С. Соболевой, Д.Р. Шарафутдинова, А.М. Плотниковой и других филологов.

ЧАСТЬ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИИ

§ 1. Современные направления лингвоконцептологии

Концепт является ключевым понятием теории концептуальной лингвистики. В зависимости от аспекта и методов изучения концепта, в зависимости от рассматриваемых способов презентации концептуальных смыслов выделяют разные направления изучения концептуальных структур.

В.Я. Тихонова в своей диссертации «Концепт *борьба* в русской языковой картине мира» [Тихонова 2005] предлагает выделить такие подходы к изучению концепта: психологический (С.А. Аскольдов, Д.С. Лихачев); логический (Н.Д. Арутюнова и др.); философский (В.В. Колесов и др.); лингвокультурологический (Ю.С. Степанов, В.А. Маслова, В.В. Воробьев, В.Н. Телия и др.); интегративный (С.Х. Ляпин, Г.Г. Слышкин, С.Г. Воркачев и др.); лингвоантропологический (М.П. Одинцова, О.С. Иссерс, Л.Б. Никитина и др.); когнитивный (Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, Н.Н. Болдырев и др.) [Тихонова 2005]. Нельзя не согласиться с автором, предлагающим такую классификацию. Однако в данной работе будут охарактеризованы наиболее активно развивающиеся в настоящее время направления изучения концептуальных структур: логическое, когнитивно-семантическое, когнитивно-дискурсивное, лингвокультурологическое.

Логическое направление предполагает изучение концепта как логической единицы языка, общего для всех понятия, «по средневековой терминологии – универсалии» (С.А. Аскольдов-Алексеев). Концепты, познавательный характер которых ограничивается мышлением, изучаются целым рядом современных исследователей, работающих с материалом естественного языка. Так были изучены концепты *истина* [Арутюнова, 1991; Лукин, 1993], *долг* [Булыгина, Шмелев, 1991], *свобода* [Кошелев, 1991], *человек и личность* [Розина, 1991], *вопрос* [Рябцева, 1991], *причина* [Степанов, 1991] и т.д. Эти и многие другие исследования логических концептов были представлены в целой

серии сборников научных трудов под общим названием «Логический анализ языка».

Основные вопросы концептуализации и категоризации, природа и структура концепта, типы концептов, способы представления знаний и т.п. изучаются специалистами **когнитивно-го направления** (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, А. Вежбицка, В.З. Демьянков, А.А. Кретов, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.). Ученые Воронежской лингвистической школы З.Д. Попова и И.А. Стернин (одна из самых известных публикаций – монография «Семантико-когнитивный анализ языка» [Попова, Стернин 2006: 10–13]) обозначили направление своих исследований как семантико-когнитивное, которое предполагает «исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средство их моделирования от семантики языка к концептосфере» [Попова, Стернин 2006: 12].

В последние годы ученые-когнитивисты стали рассматривать структуры представления знаний с точки зрения **когнитивно-дискурсивного подхода**. При этом под дискурсом понимается «текст, погруженный в ситуацию общения» [Карасик 2000: 5]. Преимущество такого подхода, как замечает А.П. Чудинов, заключается в том, что «дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний» [Чудинов 2006: 40].

Теоретические вопросы дискурсивного анализа были рассмотрены в работах Р. Водак [Водак 1997], В.И. Карасика [Карасик 2002], Ю.Е. Прохорова [Прохоров 2006], Г.Г. Слышкина [Слышкин 2000], Е.И. Шейгал [Шейгал 2000] и мн.др. Отдельные концепты или целые концептуальные области политического дискурса стали предметом изучения в исследованиях Е.И. Шейгал [Шейгал 2001; 2002], Н.М. Чудаковой [Чудакова 2005], Т.Д. Фоминой [Фомина 2006] и др.

Изучению когнитивной (концептуальной) метафоры в политическом дискурсе посвящены работы А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [Баранов, Караулов 1991], В.З. Демьянкова [Демьянков 2002], И.М. Кобозевой [Кобозева 2001], Е.Р. Левен-

ковой [Левенкова 2009], А.П. Чудинова [Чудинов 2001, 2003, 2006 и др.] и представителей его научной школы: Э.В. Будаева [Будаев 2006], Т.С. Вершининой [Вершинина 2002], А.А. Касловой [Каслова 2003], Е.В. Колотниной [Колотнина 2001], А.Ю. Перескоковой [Перескокова 2005], А.Б. Ряпосовой [Ряпосова 2002], А.М. Стрельникова [Стрельников 2005], О.А. Шаовой [Шаова 2005] и др.).

Концепты педагогического дискурса стали предметом диссертационных исследований Е.Г. Кабаченко [Кабаченко 2007], Ю.Ю. Пospelовой [Пospelова 2008], С.Л. Смысловой [Смыслова 2007], Н.В. Гавриловой [Гаврилова 2007], И.А. Калужной [Калужная 2007], И.А. Караваевой [Караваева 2007], Е.Н. Заречневой [Заречнева 2009] и др.

В настоящее время концептуальные структуры изучаются также в научном (медицинском, агротехническом, юридическом и т.д.), художественном, публицистическом, рекламном и других дискурсах.

Ю.С. Степанов активно развивает другое направление: изучение концептов культуры. Так, в работе «Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования» были описаны концепты *быть, знание, вера, любовь, мир, наука, Русь, родная земля, слово, хлеб* и др. [Степанов 1997]. При этом ученый использует широкий – не только языковой – материал из области философии, социологии, истории, археологии, политологии и других гуманитарных наук. Это направление в силу широты изучаемого материала (способов и средств репрезентации концептуальных смыслов) называется культурологическим.

Однако многие специалисты ограничиваются лишь лингвистическим материалом при изучении концептов культуры и представляют, таким образом, **лингвокультурологическое направление** изучения концепта.

Предметом лингвокультурологии является концепт в его двунаправленности:

Культура ← Ментальный мир человека → Язык
(концептуальные структуры)

С одной стороны, концепт, по определению Ю.С. Степанова, представляет собой «основную ячейку культуры в ментальном мире человека» [Степанов 1997: 41], с другой стороны, важнейшим средством материализации и объективизации концепта является язык. При этом, как отмечает Е.А. Пименов, формой языковой экспликации лингвокультурного концепта могут быть: 1) лексемы, 2) различные фразеологические образования (идиомы, пословицы, поговорки, афоризмы), 3) тексты [Пименов 2004: 90]. Они составляют языковую модель концепта. Выявление культурологических особенностей образов, которые заложены в формах языковой экспликации, даёт возможность частично или целиком восполнить недостаток той информации, которая, по мнению Е. А. Пименова, является главной составляющей концептуальной модели мира, выраженной через языковую модель мира [Пименов 2004: 90].

Значительных результатов в исследовании лингвокультурных концептов добились представители Волгоградской и Кемеровской научных школ. Так, в Волгоградском государственном педагогическом университете ведет работу Научно-исследовательская лаборатория «Язык и личность» (см. исследования В.И. Карасика, Г. Г. Слышкина, Е. И. Шейгал и др.), в Кемеровском государственном университете осуществляет успешную научную деятельность Лаборатория когнитивной лингвистики и концептуальных исследований (ЛКЛиКИ) (см. работы Е.А. Пименова, М.В. Пименовой, О.Н. Кондратьевой, Н.М. Сергеевой и др.).

Результатом многолетнего труда названных и других исследователей стало издание многотомной «Антологии концептов» и целой серии сборников научных статей «Концептуальные исследования», в которых современные ученые предлагают описание лингвокультурных концептов.

Серьезный вклад в развитие теоретической и практической лингвокультурологии внесли также С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.А. Маслова, Е.Ю. Прохоров, В.Н. Телия, В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян и др.

Поскольку лингвокультурный концепт, изучаемый на материале того или иного национального языка и культуры, отражает специфику национального сознания, мышления народа-

носителя данного языка, концепт рассматривают как «главную единицу культурологии и основную единицу культурной и межкультурной коммуникации» [Зацепина 2006: 20; Зусман 2005: 43]. Известны работы сопоставительного характера, направленные на изучение двух или нескольких лингвокультур в том или ином аспекте [Голованивская 2009, Дубровская 2002, Зацепина 2006, Красавский 2008, Мишин 2007, Пименова 2001, Тюленева 2008, Тихонова 2006 и др.].

Отдельное место в лингвокультурологии занимает **область изучения художественных концептов**. Их особое положение обусловлено, во-первых, тем, что художественные концепты обладают высокой степенью индивидуальности и свидетельствуют об уникальности (не универсальности) системы представлений автора художественного текста о мире; во-вторых, художественные концепты чаще всего представлены образной формой, которая обладает не меньшей значимостью, чем ее содержание, т.е. эстетически самоценна. Однако художественные концепты отнюдь не остаются лишь единицей художественной модели мира автора текста. По словам Д.С. Лихачева, писатели и поэты своим творчеством вносят серьезный вклад в формирование общей концептосферы национального языка [Лихачев 1997].

Художественные концепты изучались многими исследователями, вот некоторые примеры: концепт *жизнь* в поэзии А.С. Пушкина и концепт *счастье* в творчестве Н. Тэффи изучался Л.Г. Бабенко [Бабенко 2000; Бабенко 2004], концепт *любовь* и его словесное воплощение в поэзии А. Ахматовой рассматривался в диссертации Т.Н. Даньковой [Данькова 2000], концептуальная метафора *жизнь – движение* в творчестве Ф.Сологуба была изучена Н.А. Кузьминой [Кузьмина 1996], описание концептуальной картины мира и ее отражения в произведениях Н.С. Лескова было осуществлено М.Л. Левченко [Левченко 2000], метаязыковая концептуализация сферы «творчество» в эстетической и художественной системе В.В. Набокова была описана в диссертационном исследовании Л.Н. Рагузовой [Рагузова 2000], концепт счастья в романах «Машенька» В. Набокова и «Вечер у Клэр» Г. Газданова изучался В.Г. Русаковым [Русakov 2000], концепты *жизнь* и *смерть* в поэзии

М.Цветаевой были предметом исследования Е.В. Дзюбы [Дзюба 2001], концепт *ревность* в художественной прозе Ф.М. Достоевского рассмотрен Н.А. Юшковой [Юшкова 2003], концепт *жизнь–смерть* в идиолекте Михаила Зощенко изучался Т.А. Бычковой [Бычкова 2004], концепт *дом* в художественной картине мира М. И. Цветаевой стал предметом диссертации О.А. Фещенко [Фещенко 2005], художественные концепты *жизнь* и *смерть* в идиостиле Н.А. Заболоцкого рассматривались в работе Е.В. Туктангуловой [Туктангулова 2006], концептуализацией *света* и *тьмы* в языковой картине мира Ф.М. Достоевского занималась В.В. Колесникова [Колесникова 2008], художественный гиперконцепт *пространство* в поэзии конца XX века проанализирован Д.В. Калужениной [Калуженина 2008] и т.д. Особое место в разработке многих теоретических и практических вопросов изучения художественных концептов занимают работы Н.С. Болотновой [Болотнова 1994, 2000а, 2000б] и представителей ее школы, а также В.А. Пищальниковой [Пищальникова 1984, 1991, 1993, 1998].

Обобщенные данные об основных направлениях изучения концептов и способов репрезентации концептуальных структур можно представить в виде таблицы (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Современные направления лингвоконцептологии

| Наименование направления | Объект исследования | Материал исследования | Ведущие представители |
|---------------------------------|--|---|---|
| Логическое | Языковые концепты | Данные естественного языка | Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, Р.И. Павилёнис и др. |
| Лингвокультурологическое | Лингвокультурные концепты / лингвокультуры | Национальные языки, произведения фольклора, пословично- | С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, М.В. Пименова, |

| | | | |
|-------------------------|--|--|---|
| | | поговорочный фонд, произведения национальной литературы | Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов и мн. др. |
| | Художественные концепты | Художественный текст (поэтический, драматургический, прозаический) | Н.С. Болотнова и представители Томской школы, В.А.Пищальникова и др. |
| Когнитивное | «Соотношение семантики языка с концептосферой народа» [Попова, Стернин, 2006: 13] | Национальные языки, лексико-фразеологическое поле слов-концептов, данные ассоциативных экспериментов | А.П.Бабушкин, Н.Н.Болдырев, Е.С.Кубрякова, З.Д. Попова, И.А.Стернин и др. |
| Когнитивно-дискурсивное | Концептуальные структуры в разных видах дискурса (научном, педагогическом, политическом и др.) | Речевые произведения отечественной и зарубежной публицистики | А.Н.Баранов, В.З. Демьянков, Ю.Н.Караулов, И.М. Кобозева, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др. |

§ 2. Основные понятия лингвоконцептологии

Несмотря на стремительное развитие науки о концепте в последние годы, некоторые вопросы концептуальной лингвистики по-прежнему остаются дискуссионными. Среди ученых нет единого мнения даже в отношении терминологической номинации ключевого понятия данного направления науки. Так, некоторые лингвокультурологи предлагают использовать понятие *логоэпистема* (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова) или *лингвокультурема* (В.В. Воробьев, Е.В. Бусурина, Г.А. Кажигалиева, И.С. Потапова и др.). В данном исследовании используется термин *концепт*, употребляемый большинством специалистов. По словам С.Г. Воркачева, этот термин оказался наиболее жизнеспособным, так как по частоте употребления он значительно опередил все прочие терминологические новообразования [Воркачев 2003: 5].

Некоторые другие вопросы теории концепта: статус концепта, его структура, особенности объективации в языке, типология и др. – также не имеют однозначного решения. Поэтому здесь необходимо определить границы интерпретации основных понятий теории концептуальной лингвистики: природа концепта, его сущность, отличие концепта от понятия и значения, особенности, свойства и структура концепта; концептосфера и ментальное пространство.

Теория концепта складывалась не без научных споров. Однако вряд ли здесь необходимо излагать историю данного вопроса, так как это успешно было рассмотрено в работах З.Д. Поповой [Попова 2001], Н.М. Сергеевой [Сергеева 2004], Л.Г. Зубковой [Зубкова 2000], Н.А. Кобриной [Кобрина 2000] и др.

В настоящем исследовании будет коротко освещено то, как складывались некоторые положения теории концептуальной лингвистики.

Проблема определения **природы концепта**, т.е. источников информации, участвующих в формировании концептуальных структур, в конце XX века был предметом дискуссии для многих ученых. Одни исследователи высказывали мнение, что единицами и средством познания являются только логиче-

ские формы, то есть отражательный процесс ограничивается логическим мышлением, иные формы, участвующие в познании, исключаются; язык способен лишь отражать систему знаний и представлений человека. Другие ученые подчеркивали активное участие языка в формировании концептуальных структур.

Представителем первого направления является В.Г. Колшанский. Исследователь отрицает способность языка (тем более других – иррациональных – структур) к отражению действительности и связывает этот процесс только с мышлением человека. Роль языка в когнитивном процессе, по мнению исследователя, ограничивается сферой выражения концептуальных структур. «Язык не познает мир, а, следовательно, не создает какой-либо картины мира... Язык только выражает мыслительные процессы познания и отображения действительности...», – отмечает В.Г. Колшанский [Колшанский 1990: 34].

Частично с мнением исследователя нельзя не согласиться. Действительно, объективно существующий язык сам по себе не может познавать действительность и ее отображать. Эти ментальные процедуры способен осуществлять субъект познания – носитель языка. Однако нельзя также утверждать, что язык абсолютно не влияет на формирование знания, ведь он участвует в процессе категоризации полученных знаний, формировании системы упорядоченных представлений и знаний в сознании человека. Язык также способен репрезентировать эти ментальные (концептуальные) структуры, благодаря чему исследователь имеет возможность (хоть и весьма относительную) их реконструировать. А.П. Бабушкин подчеркивает: «Информация поступает к человеку по разным каналам; знания аккумулируются в голове человека в виде определенных структур. Хотя каждая когнитивная дисциплина имеет свой собственный объект исследования, именно через язык можно получить доступ к наиболее объективному анализу этих структур» [Бабушкин 2001: 52].

Мнение о том, что границы сферы источников информации значительно шире, чем только логические структуры, отстаивают Дж. Андерсон, К. Джонсон, Г. Кларк, Дж. Лакофф, А.Пайвио, В. Чейз, Дж. Энгелькемп и другие зарубежные ученые; а также отечественные исследователи: А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов, С.Д. Кацнельсон, Н.Г. Комлев, Е.С. Кубрякова,

Р.И. Павиленис, М. Павлова, Ю.Г. Панкрац, В.А. Пищальникова, В.И. Постовалова, А.А. Уфимцева, З.А. Харитончик и др. Эти исследователи выделяют следующие источники информации: язык в его когнитивной функции; социально-культурный и исторический опыт народа-носителя языка; практические и житейские знания; воображение как психическую способность индивида; сенсорную, моторную и даже волевою стороны субъекта познания. Так, Р.И. Павиленис утверждает, что «еще до знакомства с языком человек в определенной степени знакомится с миром, познает его... Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система как система определенных представлений человека о мире. Построение такой системы до усвоения языка есть небывалый этап ее образования» [Павиленис 1983: 101].

Однако и здесь не наблюдается единства точек зрения. Исследователи разделились на два лагеря. Первый из них представляет ученый А. Пайвио, который, выделяя различные типы знания – вербальный и образный, – считает их «разными символическими системами», структурно и функционально независимыми, нигде в сознании человека не пересекающимися. Другая группа ученых (Дж. Андерсон, Г. Кларк, В. Чейз и др.) предполагают, что «языковые и неязыковые знания репрезентируются в человеческой памяти ... единой пропозициональной формой» [Панкрац 1992: 83]. Иначе говоря, различного рода знания переплетены в сознании человека, они «существуют в виде пропозициональных деревьев, каждое из которых включает некоторый набор узлов памяти..., репрезентирующих понятия (концепты)...» [Там же: 88].

Вторая точка зрения представляется автору настоящей работы наиболее оправданной. Одно из веских доказательств правильности этого вывода – распространенное в языке явление синестезии («переноса части значения ЛСВ одного канала перцепции на другую модальность» [Житков 1999: 29]). Ср.: *теплый ветер – теплая атмосфера; режущий предмет – режущая боль – режущий глаз цвет; сладкий вкус – сладкий аромат – сладкая встреча – сладкие слезы – сладкая жизнь* и т.д. Смешение разных сенсорных значений, таким образом, подтверждает

идею о совмещении в сознании человека разнородной информации.

Более того, указанная «переплетенность» знаний различного рода, то есть знаний, полученных по различным каналам, является основой совмещения явлений различных логических порядков – абстрактного и конкретного, мысленно и чувственно воспринимаемых. В этом совмещении кроется суть метафорического процесса, который является важнейшим способом познания путем сравнения нового (выявления общего) с уже познанным. Дж. Лакофф в своих работах [1981, 1988, 1990, 1996] заострил внимание на метафорическом характере человеческой концептуализации: «В те области, для которых в сфере человеческого мышления не обнаруживается доконцептуальной структуры, мы переносим ее аналог, используя естественно-языковую метафору. Метафора дает нам возможность понимать те области опыта, которые не обладают собственной доконцептуальной структурой... Привлечение метафоры для понимания опыта является одним из величайших триумфов человеческого мышления [Лакофф 1988]. Таким образом, воображение человека, способность совмещать явления разных «логических порядков» (В.Н. Телия) становится важным средством познания мира [см. об этом подробнее: Гудмен 1990: 194 – 201; МакКормак 1990: 359; Ортони 1990: 219 – 236; Рикер 1990: 416 – 435; Потенция 1997: 72; Рябцева 1991; Складаревская 1993; Телия 1988; Чудинов 2001, 2003, 2006 и др.].

Другим источником знания и представления человека о мире является опыт сенсорного «общения» с окружающей действительностью. В.И. Постовалова, определяя границы языковой и концептуальной картины мира, отметила большую широту охвата информации последней. «В концептуальной картине мира, – пишет В.И. Постовалова, – существуют зоны как вербального выражения концептов, так и невербального. Ведь более 90% информации о мире человек получает через зрительные ощущения и живое созерцание...» [Постовалова 1988: 53]. Эту мысль развивают и другие исследователи: Е.С. Кубрякова [Кубрякова 1992], М. Павлова [Павлова 1998], В.А. Пищальникова [Пищальникова 1991], Б.А. Серебрянников [Серебрянников 1988] и др. Так, Е.С. Кубрякова отметила, что «ощущения, кото-

рые возникают у человека при его взаимодействии со средой, приходят к нему по разным каналам – зрительному, слуховому, тактильному и т.д.» [Кубрякова 1992: 15]. Далее происходят, по мнению исследователя, ментальные процессы преобразования сенсорных ощущений, в результате которых последним придается символический характер. В свою очередь «эти трансформированные символические образования и являются представлениями, репрезентациями чего-то» [Там же]. К этому мнению присоединяется А.П. Бабушкин, подчеркивающий, что «...проблема ступеней и форм познания мира сводится к существованию иерархической лестницы, ведущей от чувственного к рациональному (ощущения – восприятия – представления – понятия), при этом понятия рассматриваются как высшая, итоговая ступень познания» [Бабушкин 2001: 52 – 53].

Итак, в когнитивном процессе «принимают участие все стороны психической деятельности человека, начиная с ощущений, восприятий, представлений и кончая высшими формами – мышлением и самосознанием человека» [Постовалова 1988: 20]. Язык же обрабатывает эту информацию, полученную различными путями, участвует в процессе ее категоризации и выражает эту уже переработанную информацию (т.н. концептуальные структуры) в речевой / текстовой форме. То есть язык, во-первых, помогает разными средствами (чаще лексическими, а именно: образными, метафорическими) выразить имеющиеся представления, сенсорные ощущения (с помощью лексики цвето-, термо-, звукообозначений); во-вторых, участвует в «подведении нового опыта ... в концептуальной системе человека под привычные рубрики человеческой классификации» [Кубрякова 1988: 146]. Иными словами, язык, с одной стороны, является источником информации наряду с другими не менее важными, с другой стороны, становится средством упорядочения полученных знаний и средством вербального их воплощения.

Исследователи отмечают наличие особого «ментального уровня репрезентации, на котором информация, передаваемая с помощью средств естественного языка сопоставляется с информацией, поступающей из различных органов чувств... Именно на этом уровне ментальной репрезентации происходит совме-

щение лингвистической, сенсорной и моторной информации» [Харитончик 1992: 102].

Эту идею развивают также представители семантико-когнитивного направления лингвистики. З.Д. Попова и И.А. Стернин утверждают, что «концепты в сознании человека возникают в результате деятельности, опытного постижения мира, социализации, а точнее, складываются из а) его непосредственного чувственного опыта — восприятия мира органами чувств; б) предметной деятельности человека; в) мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами; г) из языкового знания (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме); д) путем сознательного познания языковых единиц» [Попова, Стернин 2001: 40].

Однако важно подчеркнуть, что концептуальная структура, сформированная из единиц разных психофизиологических и собственно психических уровней сознания, не носит исключительно мозаичный характер. Рассуждая о разноуровневой природе концепта, исследователь Л.В. Бронник замечает: «Представим концепт на вершине иерархии, в основании которой находятся физические сущности, далее вверх по иерархической лестнице — биологические, психические (аффективно-перцептивные) и, наконец, высшие когнитивные. ... Наиболее фундаментальная связь, выражается отношением «часть — целое»: все сущности на данном уровне состоят из сущностей низших уровней, за исключением элементарного уровня, не имеющего структуры. Концепт как сущность высшей когнитивной организации непосредственно образуется из низших психических компонентов — образов, эмоций, чувств и т.д. [Бронник 2009: 17]. «В то же время, — продолжает рассуждение исследователь, — концепт обладает уже качественно иными свойствами, отличными от психических...» [Там же]. Такое свойство концепта Л.В. Бронник называет **эмерджентцией**. «С эмерджентной точки зрения, — поясняет исследователь, — структурная сложность концепта отражает разнообразие способов составления целого из компонентов, что приводит к гетерогенности целого» [Там же]. Иными словами, концепт как целостное ментальное образование не тождествен составляющим его частям (результатам воображения, сенсорики и т.п.).

Таким образом, в формировании концептуальных структур участвуют явления различных областей: начиная с сенсорного восприятия мира и заканчивая действием фантазии, воображения. Однако эти формы не являются ни единицами мышления, ни тем более текстовыми элементами. Все эти процессы: слуховые, зрительные, тактильные и др. ощущения окружающего мира, процессы воображения и знакомства с опытом мировой культуры, цивилизации и т.д. – проходят через ментальные процедуры осмысления, упорядочения представлений: процедуры сравнения (поиска «аналогий» и вычленения «аномалий» сопоставляемых объектов), процедуры обобщения, анализа и т.д. Результат этих ментальных процедур и есть собственно концептуальные структуры.

Соотношение терминов: понятие, значение, концепт

В конце XX века одним из важнейших и спорных вопросов концептуальной лингвистики становится разграничение терминов *значение*, *понятие* и *концепт*. Н.Д. Арутюнова наделяет термин *концепт* собственным статусом, но ассоциирует с ним понятийное содержание языковых выражений. Термины *концепт* и *понятие* Н.Д. Арутюнова употребляет как синонимы. В своей статье «Истина: фон и коннотации» исследователь замечает: «Сам концепт *Истины*, как и другие понятия религиозного сознания, определяется как совокупность взаимозависимых признаков – атрибутов некоторой сущности, обозначаемой символом» [Арутюнова 1991: 24]. В другой работе Н.Д. Арутюнова отмечает: «Концепт – это понятие практической или обыденной философии, возникающей в результате таких факторов как социальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства» [Арутюнова 1999: 3; цит. по: Welt im der Sprache 2005: 67].

Идея Н.Д. Арутюновой о некоей взаимозаменяемости этих терминов – *концепт* и *понятие* – обуславливается не только спецификой направления, которому принадлежит исследователь, но также тем, что концепт и понятие имеют много общего (и то, и другое принадлежит ментальному миру человека). К то-

му же, употребление одного лишь слова *концепт* в работах вызывает стилистические трудности, поэтому нередко в качестве синонима *концепту* используют *понятие*.

Исследователь А.П. Бабушкин также считает термины *концепт* и *понятие* тождественными и «заявляет о вытеснении из научного обихода термина «понятие»: «сегодня лингвисты почти не оперируют термином «понятие» в его классическом смысле и предпочитают говорить о мыслительных конструктах, именуемых концептами» [Бабушкин 1996: 14].

Большинство современных когнитологов различают данные термины. Так, В.З. Демьянков отмечает: «Понятия – то, о чем люди договариваются, их люди **конструируют** для того, чтобы иметь «общий язык» при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди **реконструируют** с той или иной степенью (не)уверенности» [Демьянков 2001: 45].

В.И. Карасик, обобщая исследование Ю.С. Степанова, отмечает существенное различие понятия и концепта: «Понятие – это мысль о предметах и явлениях, отражающая их общие и существенные признаки, а концепт – это идея, включающая не только абстрактные, но и конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки» [Карасик 2005: 24]. При этом, безусловно, понятие и концепт не противопоставляются друг другу. Понятие, по справедливому замечанию В.И. Карасика, является одним из модусов концепта (стороной, ипостасью, аспектом изучения) [Карасик 2005: 26].

Таким образом, понятие – то, что объединяет людей для их взаимопонимания, концепты – то, что надстраивается на общее понятие, но при этом различает людей, так как у каждого свой сенсорный, жизненный, бытовой, социальный, культурный опыт.

Е.Ю. Прохоров отмечает, что «при всей специфике этого слова (концепт – *Джюба Е.В.*) сохраняется его внутренняя связь с понятием – вместе это представляет собой нечто вроде «зародыша» понятия / понятий» [Прохоров 2008: 16]. Исследователь поддерживает свою мысль цитатой из работы другого ученого-когнитолога С.Х. Ляпина, который для осмысления сущности концепта использовал термин «прото-знание», вступающего в определенные отношения с другими элементами сознания, ср.:

«Когда человек живет, общается, мыслит, действует в мире понятий, образов, поведенческих стереотипов, ценностей, идей и др., ...одновременно он живет, общается, мыслит, действует в мире концептов, по отношению к которым традиционно понимаемые понятия, образы, поведенческие стереотипы и т.п. выступают частными, проективными, редуцированными формами. Последние, тем самым, могут быть истолкованы как вторичные и производные... формообразования человеческого бытия-в-мире; как разнообразные понижения его исходной глубинной симметрии; как знаки, символы, репрезентанты соответствующих концептов» [Ляпин 1997: 11, цит. по: Прохоров 2008: 16].

Наиболее убедительно в вопросе соотношения терминов *значение* и *концепт* рассуждение Н.Н. Болдырева в статье «Концепт и значение слова» [Болдырев 2001: 25-36]. Автор подчеркивает, что «языковые средства передают лишь часть концепта, что подтверждается существованием многочисленных синонимов, разных дефиниций, определений и текстовых описаний одного и того же концепта. Значение слова – это лишь попытка дать общее представление о содержании выражаемого концепта, очертить известные его границы, представить его отдельные характеристики данным словом» [Болдырев 2001: 26-27]. «Языковые значения, – продолжает рассуждение Н.Н. Болдырев, – передают лишь некоторую часть наших знаний о мире. Основная же доля этих знаний хранится в нашем сознании в виде различных мыслительных структур – концептов разной степени сложности и абстрактности, в содержание которых могут постепенно включаться новые характеристики. Эти характеристики, в свою очередь, будут требовать новых форм вербализации» [Болдырев 2001: 27].

Чтобы продемонстрировать разницу между значением слова и концептом автор цитируемой работы приводит пример с единицей *пятьерка*. Правильно интерпретировать эту единицу, по мнению Н.Н. Болдырева, можно только в рамках определенного *когнитивного пространства* (варианты термина: *ментального пространства*, *когнитивной модели* (Ж. Фоконье, Дж. Лаккофф), *мыслительной области*, *области концептуализации* и т.п.). Так, в пределах концепта «оценка» все, кто учился в русской школе, подразумевают высший балл; в пределах концепта

«деньги» понимают 5 рублей (в советское время особенно); в пределах когнитивной модели «общественный транспорт» понимают номер маршрута трамвая, троллейбуса или автобуса... [Болдырев 2001: 29 – 31]. Этот список можно продолжать: жители одного из районов Санкт-Петербурга понимают под этим словом название магазина под номером 5 (ср.: *Купил в «Пятерке»*) и т.д. Таким образом, «чтобы проанализировать значение слова в когнитивном аспекте, – подчеркивает исследователь, – необходимо установить когнитивный контекст, или область знания, которая лежит в основе значения данного слова, и определенным образом ее структурировать, показав, какие участки этой области и каким образом «схвачены» этим знаком, или какие прототипические характеристики легли в основу формирования данного значения» [Там же: 35].

Эта идея, высказанная Н.Н. Болдыревым, лежит в русле развивающегося современного направления – дискурсивного анализа концептов, так как одно и то же слово-концепт может участвовать в образовании разных когнитивных моделей в разных дискурсах.

Не менее авторитетно мнение В.А. Масловой, которая утверждает: «...*значение, концепт и понятие* – разные термины. Так, концепт и понятие – два параллельных термина: они принадлежат разным наукам: понятие – термин логики и философии, концепт – математической логики, культурологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, хотя по своей внутренней форме они сходны. Концепт и значение также не находятся во взаимодозначном соответствии. Концепт являет собой относительно стабильный и устойчивый когнитивный слепок с объекта действительности, так как он связан с миром более непосредственно, чем значение. Слово же своим значением всегда представляет лишь часть концепта. Однако получить доступ к концепту лучше всего через средства языка, через слово, предложение, дискурс» [Маслова 2007: 40].

«Если понятие, – поясняет В.А. Маслова, – это совокупность познанных существенных признаков объекта, то концепт – ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых

средств (лексических, фразеологических, паремиологических и др.) [Маслова 2007: 37]. Данное положение исследователь иллюстрирует следующим примером: «... в 60-ые годы считалось, что интеллигент – это тот, кто любит стихи. Сема, семантический множитель «любовь к поэзии» является несущественным признаком и не включается в понятие, однако в концепт он включен, и здесь он очень важен...» [Маслова 2007: 38].

Безусловно, названные термины – *значение, понятие, концепт* – соотносимы по содержанию, однако не тождественны. Они отличаются тем, что они 1) употребляются в разных научных областях, 2) имеют разную природу и разную сферу образования, 3) обладают способностью / неспособностью к унификации, т.е. способностью / неспособностью быть одинаковыми в сознании разных людей (см. Таблицу № 2).

Таблица № 2

Соотношение терминов: понятие, значение, концепт

| Единица исследования | Область научного применения | Природа феномена | Способность / неспособность к унификации |
|--|---|--|--|
| Значение (лексическое, грамматическое) | Лингвистика | Язык и его единицы | Общее для всех носителей одного языка |
| Понятие | Философия, логика | Сознание, мышление | Общее для всех людей |
| Концепт | Когнитивная (концептуальная) лингвистика, лингвокультурология | Соотношение: язык – мышление, а также ментально обработанные сенсорные данные, воображения, фантазии, опыта и т.д. | Имеет общие и различные признаки у людей разных этнических, социальных, гендерных, возрастных и иных групп |

Сущность концепта

Информация как «идеальный продукт отражательного процесса ... сегментирована»... на отдельные части (понятия), «содержащие обобщения относительно превращенной формы мира» [Черняховская 1993: 118]. Целостная система знаний о мире, содержащаяся в сознании человека, состоит из структурно-организованных элементов – фрагментов общего знания, или **концептов**.

Ученые предприняли множество попыток сформулировать понятие концепта, однако, в силу многообразия направлений концептуальной лингвистики, методов изучения концептуализации, разнообразия материала для исследования концептуальных структур, к единому мнению специалисты пока не пришли.

Спорным является даже тот факт, когда впервые был использован этот термин. Так, С.А. Тихонова утверждает, что понятие *концепт* появилось в лингвистике в шестидесятые годы прошлого века в трудах Фреге и Черча и было заимствовано из математической логики [Тихонова 2006: 16]. Однако русский исследователь А.С. Аскольдов еще в двадцатые годы XX века использовал данный термин и предложил классификацию концептов, выявляя среди них познавательные и художественные [Аскольдов 1997: 271]. Некоторые же ученые (В.В. Колесов, Л.Г. Зубкова, Ю.С. Степанов) возводят данный термин к древнейшим истокам – «истокам античности (Платон – *эйдосы*), эпохе Возрождения (Августин Блаженный, *conceptus* – «зародыш, зернышко») [Сергеева 2004: 19].

В широкий научный обиход за рубежом данный термин вошел в 70-ые годы прошлого столетия (см. работы Э.Рош и др. исследователей), в отечественной лингвистике – в 80-ые гг. XX века. Однако и термин *концепт*, и свойства концепта понимались весьма неоднозначно. Так, например, В.Я. Шабес указывал на такое свойство концепта, как универсальность, отрицая при этом существование индивидуального или общенационального компонентов, ср.: «Система ... концептов ... является структурированным тривиальным фоновым знанием, поскольку именно на этом уровне нивелируется различие между индивидуальными

опытами. Системы концептов лишены уникальности и, в силу их универсального характера, служат социальной когнитивной основой общения для людей с максимально различными индивидуальными опытами» [Шабес 1989: 19].

С другой стороны подходит к изучению концепта А. Вежбицка, которая предлагает такое определение: «*концепт* – это объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире «Действительность»... «Если концепт, – продолжает А. Вежбицка, – это объект идеальный, т.е. существующий в нашей психике, то естественно одному и тому же имени (слову) в психике разных людей могут соответствовать разные ментальные образования» (А. Вежбицка в переводе Р.М. Фрумкиной [цит. по: Фрумкина 1987: 3]).

В.А. Лукин, продолжающий вслед за Н.Д. Арутюновой изучение концепта *Истина*, осуществляет попытку толкования термина концепт, опираясь на происхождение слова. Ученый дает следующее определение термина *концепт*: это «инвариант языковых форм выражения (соответствующей концептуальной идеи), который вбирает в себя их основные семантические свойства» [Лукин 1993: 70]. Такую дефиницию исследователь выводит из значения латинского слова *conceptus*, что означает ‘собирающий’, ‘вбирающий в себя’. Таким образом, *концепт* как термин когнитивной лингвистики «вбирает в себя обобщенное содержание множества форм выражения (концепта) в естественном языке, а также в тех сферах человеческой жизни, которые предопределены языком и немыслимы без него» [Лукин 1993: 63].

Интересный подход к трактовке концепта предпринят В.А. Пищальниковой, обобщившей исследования А.Н. Леонтьева и продолжающей его традиции. А.Н. Леонтьев, решая проблему изучения смысла художественного текста, выделяет в его содержательной структуре «психологическое значение» и «личностные смыслы». При этом под «психологическим значением» исследователь понимает то, что открывается в предмете или явлении объективно, ...что фиксируется в языке, составляя содержание общественного знания»; «личностным смыслом» А.Н. Леонтьев считает «личное отношение субъекта к миру,

фиксирующееся в субъективных значениях» [Леонтьев 1983: 147]. В.А. Пищальникова, предлагает уточнить в исследованиях предшественника характер взаимоотношений «личностных смыслов» и «психологического значения» и присоединить к этой оппозиции «еще одну определяющую сознания», назвав ее *смыслом*. При этом термин *смысл*, который включает в себя помимо «психологического значения» и «личностных смыслов» (в разных их соотношениях) «визуальные, тактильные, вкусовые, слуховые, вербальные... и другие возможные характеристики объекта» [Пищальникова 1991 : 9], выступает в работе В.А. Пищальниковой как синоним к слову *концепт*. Таким образом, по мнению исследовательницы, *концепт*, кроме понятийного (логического) содержания, включает также «личностные смыслы», то есть ментально преобразованные данные сенсорного восприятия, житейского опыта, результаты воображения индивида и т.д.

На основании такого признака, как сфера образования и функционирования, понятие *концепт* было «расшифровано» В.В. Колесовым, определившим, что концепт «образуется и функционирует в силовом поле между значением слова и смыслом понятия, где значение слова – отношение языкового знака к содержанию понятия, а смысл понятия – отношение понятия к референту» [Колесов 1995: 15].

Д.С. Лихачев отметил, что «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев 1997: 281].

Ю.С. Степанов, представитель лингвокультурологического направления концептуальной лингвистики, предлагает определение концепта, актуализирующее именно культурологический аспект, ср.: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1997: 40].

Многие противоречия, которые наметились в 80-ые и в конце 90-ых гг. XX века в области определения природы и сущности концепта, смогли преодолеть исследователи-авторы «Краткого словаря когнитивных терминов». Так, Е.С. Кубрякова сформулировала общее определение концепта, подчеркнув, что

концепт отражает представления «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких *квантов* знания...» [Кубрякова и др. 1996]. Это общее определение подвело некий итог накопившемуся опыту изучения концептуальных структур.

В последние годы в связи с нарастающим интересом к природе, структуре, специфике содержания концепта, в связи с появлением новых направлений в науке, число определений концепта растет. По признанию учёных, этот термин обладает «диффузным» содержанием, поскольку «покрывает предметные области нескольких научных направлений, прежде всего: когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, занимающихся проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации» [Кубрякова 1996: 58]. Эту идею поддерживают и другие ученые, включая в этот список наук лингвокультурологию [см. Воркачев 2004: 42; Зацепина 2006: 19; Карасик 2005; Маслова 2004, 2007 и др.]. Так, С.Г. Воркачев отмечает эту своего рода универсальность концепта и называет этот термин «зонтиковым» [Воркачев 2004: 40-50].

Новое столетие породило новые направления науки. Так, в настоящее время в рамках концептуальной (когнитивной) лингвистики активно развиваются лингвокультурологическое и когнитивное (в т.ч. когнитивно-дискурсивное) направления. Представители каждого из них акцентируют внимание на тех или иных особенностях концепта.

Представители лингвокультурологического направления предлагают такие определения концепта:

«**Концепт** – семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определённой этнокультуры. Отражая этническое мировидение, концепт маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия». В то же время – это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт не возникает непосредственно из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и

народным опытом человека. Он окружён эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом » [Маслова 2007: 47].

«**Концепт** – это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму. План содержания лингвокультурного концепта включает как минимум два ряда семантических признаков. Во-первых, в него входят семы, общие для всех языковых реализаций, которые «скрепляют» лексико-семантическую парадигму и образуют его понятийную либо прототипическую основу. Во-вторых, туда входят семантические признаки, общие хотя бы для части его реализаций, которые отмечены лингвокультурной, этносемантической спецификой и связаны с ментальностью носителей языка либо с менталитетом национальной языковой личности [Воркачев 2004: 36-37].

«В лингвистике **эмоциональные концепты** определяются как этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия, образ и оценку, и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации множество однопорядковых предметов (в широком смысле слова), вызывающих пристрастное отношение к ним человека» [Пименов 2004: 90].

В.И. Карасик, сопоставляя собственное осмысление концепта с мнениями других ученых (С.Г. Воркачева, В.В. Колесова, М.В. Пименовой, Т.Н. Снитко и др.), понимает под **концептом** ментальное образование, в котором важным является ценностный компонент. Этот компонент В.И. Карасик как лингвокультуролог признает именно культурно значимым и понимает под ним след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами, т.е. в единстве с «перцептивно-образным компонентом» [Карасик 2005: 27].

Для представителей когнитивного направления понятие *концепт* поворачивается иными гранями. Ср. некоторые определения:

«**Концепт** понимается ... как дискретное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Стернин 2005: 257].

Концепт – «явление разнородное, одновременно принадлежащее логической и интуитивной, индивидуальной и социальной, сознательной и бессознательной сферам» [Зусман 2001: 8].

«**Концепт** – это идея, включающая не только абстрактные, но и конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, в отличие от понятия – мысли о предметах и явлениях, отражающей их общие и существенные признаки» [Попова 2004: 68].

Иными словами, лингвокультурологи отмечают обязательную этнокультурную (этносемантическую) специфику концепта; представители когнитивного направления сосредотачивают внимание на вопросах о природе и внутренней структуре концепта, взаимодействии концептов, механизмах получения, переработки знания и способах их вербализации.

Представитель Волгоградской когнитивной школы Г.Г. Слышкин настаивает на различном понимании концепта с точки зрения когнитивной семантики и лингвокультурологии. Автор подчеркивает, что «для когнитивиста одному концепту соответствует одна языковая единица; для лингвокультуролога концепт обладает свойством полиапеллируемости, т.е. он может и должен реализовываться при помощи целого ряда единиц языка и речи; для когнитивиста любому слову соответствует свой концепт, для лингвокультуролога именами концептов является ограниченное число культурно значимых единиц» [Слышкин 2004; цит. по: Зиновьева, Юрков 2006: 149]. Действительно, если говорить, например, о феномене *автомобиль*, то вряд ли для лингвокультурологов он станет культурно значимым концептом, для когнитологов же это, безусловно, концепт.

Особенности и свойства концепта

Долгое время в науке существовал спор: всякое ли слово имеет эквивалентный ему концепт? Можно ли выделить такие концепты, как *стол*, *автомобиль*, *конь* и т.п.? Очевидно, на эти вопросы следует ответить так: для выделения того или иного концепта изучаемый феномен должен обладать обязательными свойствами.

Специалисты в области концептуальной лингвистики предлагают выделять разные особенности изучаемого феномена, среди которых целесообразно отметить общие и частные (или аспектные). Так, Л.Г. Бабенко в работе «Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа» указывает на общие признаки концепта, выделяя следующие: 1) «значимость концептуального пространства для любого развитого национального языка; 2) включение языка в процессы формирования концептуальных структур; 3) константность концептов в культуре, которая понимается как их постоянное присутствие в культурном сознании; 4) универсальность концептов, которая рассматривается как нечто общечеловеческое, панхроническое, всеобщее; 5) способность концепта к развитию, его динамическая природа» [Бабенко 2004: 104-106].

Исследователь В.А. Маслова определяет инвариантные признаки концепта в следующих положениях:

1) концепт – это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру;

2) концепт – это основные единицы обработки, хранения и передачи знаний;

3) концепт имеет подвижные границы и конкретные функции;

4) концепт социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику;

5) концепт – это основная ячейка культуры [Маслова 2007: 47].

Однако в зависимости от того или иного аспекта изучения концепта исследователи дополняют этот список некоторыми другими признаками. Так, С.Г. Воркачев, обобщая результа-

ты исследований других специалистов, называет такие признаки лингвокультурного концепта:

- внутренняя расчлененность,
- «семиотическая плотность» (т.е. представленность концепта целым рядом языковых единиц: языковыми синонимами, пословицами и поговорками, афоризмами, фольклорными и литературными произведениями и т.д.),
- коммуникативная релевантность,
- «переживаемость», «этимологическая память»,
- языковая абстрактность («концепт обобщает значения своих реализаций»),
- многоуровневость («концепт задается интервалом абстракции на множестве этих реализаций») [Воркачев 2004: 51].

Авторы учебника по лингвокультурологии Е.И. Зиновьева и Е.Е. Юрков, вслед за О.А. Ипановой, обобщившей работы Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, Ю.С. Степанова об особенностях концепта, указывают на наличие одиннадцати обязательных критериев для выделения лингвокультурного концепта: 1) слово-имя концепта должно быть частотным; 2) слово-имя концепта должно содержать активную производящую основу; 3) слова-репрезентанты концепта должны активно входить в состав устойчивых идиоматических конструкций; 4) «переживаемость» концептов; 5) «номинативная плотность» (З.Д. Попова, И.А. Стернин); 6) «непредельность»; 7) «мировоззренческая ориентированность»; 8) «лингвокультурная отмеченность»; 9) коммуникативная релевантность; 10) «языковая абстрактность» (концепт обобщает значения своих лексических репрезентантов); 11) наличие «этимологической памяти» [Зиновьева, Юрков 2006: 149].

Следует упомянуть также наличие у концепта некоей «эмерджентной» природы (термин Л.Г. Бронника, [Бронник 2009: 17]): концепт как целостное ментальное образование не тождествен составляющим его частям (результатам воображения, сенсорики и т.п.).

Современные классификации концептов

В настоящее время известно множество классификаций концептов. Впервые, еще в первой трети XX века, русский исследователь С.А. Аскольдов (Алексеев) разграничил **познавательные** и **художественные** концепты и определил специфику каждого из них. Автор пионерской в этой области статьи «Концепт и слово» отметил, что в искусстве познание идет иным путем, чем в логике, науке. По мнению С.А. Аскольдова, познавательные концепты характеризуются «общностью», так как это всего лишь схематический чертеж многих сходных предметов», то есть «схематические представления, лишенные тех или иных конкретных деталей», приписываемых предметам индивидуальным сознанием [Аскольдов 1997: 271]. Если «концепты познания – общности, то концепты искусства – индивидуальные» [Аскольдов 1997: 274], так как любое художественное видение мира, его представление субъективно, что и отражает текст того или иного автора. Другое существенное отличие художественного концепта и концепта познания исследователь видит в том, что «к концептам познания не примешиваются чувства, желания, вообще иррациональное. Художественный концепт чаще всего есть комплекс того и другого, то есть сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений» [Там же].

Таким образом, художественный концепт способен создавать определенное «эмоциональное и эстетическое напряжение», чего чаще всего лишены концепты познания. Вероятно, поэтому в структуре художественного концепта, кроме собственно общих и индивидуальных познавательных смыслов, можно выделить также эмотивно-оценочные: негативные и позитивные, или аксиологические, перцептивные и т.д.

В современной науке также выделяют, по крайней мере, два типа концептов в соответствии с аспектом рассмотрения данного феномена: концепт как единица лингвокультурологии и концепт как объект когнитивно-семантического анализа.

Однако эта общая классификация требует более мелкого рубрицирования. Ю.С. Степанов предлагает рассматривать два важных типа концептов: концепты, представляющие собой

«рамочные понятия», и концепты-«понятия с плотным ядром».

Рамочные концепты, по мнению исследователя, имеют «некоторый основной, актуальный признак (или некоторую небольшую совокупность таких признаков), который, собственно, и составляет главное содержание концепта. Возникновение концепта как «коллективного бессознательного» или «коллективного представления» – результат стихийного, органического развития общества и человечества в целом. ...Далее эти концепты, собственно – их «рамка», могут «примериваться», «накладываться» на то или иное общественное явление, в данных случаях – на то или иное общество (причем другие исключаются), на ту или иную социальную группу (причем другие также исключаются). Здесь мы имеем дело с другим процессом, который вряд ли можно назвать «органическим» или стихийным. Это есть процесс социальной оценки, подведения под норму, под норматив, процесс, связанный с сознательной деятельностью общественных сил и даже с их борьбой» [Степанов 1997].

Такие «накладываемые» концепты Ю.С. Степанов называет «понятиями с плотным ядром» [Там же]. Исследователь продолжает свои рассуждения: «Конечно, могут сказать, что не только концепты, которые мы назвали «рамочными», отличаются этой особенностью, что многие, а может быть и все, духовные концепты имеют некоторое идеальное содержание (что, собственно, и составляет сам концепт), которое можно «примеривать» к разным конкретным социальным или личным явлениям. Так, мы говорим, например, что «это (какое-то конкретное нечто) есть *Любовь*», а «вот это (другое нечто) – не *Любовь*». ...Однако между этими концептами и концептами первой группы, «рамочными», есть существенное различие. Вторые, т.е. *любовь, вера* и т.п. культурно значимы в своей целостности, во всем своем составе признаков, и отвлечение одного из них в качестве «рамки» концепта, хотя и возможно, но есть лишь искусственная логическая процедура. В первом же случае, напротив, «рамка» и есть основное содержание концепта, в силу которого концепт и является культурно и социально значимым, – высшая точка его развития. ...Это различие может быть поставлено в параллель с некоторыми философскими соображениями о раз-

делении понятий на две группы – понятий априорных и понятий апостериорных (опытных или эмпирических) [Степанов 1997].

Другой исследователь в области лингвокультурологии В.И. Карасик выделяет такие типы концептов: «1) специализированные этнокультурные и социокультурные концепты, в концентрированном виде выражающие особенности культуры; 2) неспециализированные концепты, культурная специфика которых выражена в меньшей мере и требует поиска скрытых культурно значимых ассоциаций; 3) универсальные концепты, не имеющие культурной специфики» [Карасик 2005: 9].

Среди этноспецифических концептов В.И. Карасик предлагает содержательно «противопоставить **параметрические** и **непараметрические** ментальные образования. «К первым, – уточняет исследователь, – относятся те концепты, которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, количество, качество и др.» [Карасик 2005: 30]. Одним из важнейших признаков категориального статуса таких концептов «является их автоматический характер, наличие **бинарной оппозиции** как конструктивного признака концепта» [Там же: 31].

К непараметрическим относятся концепты, имеющие предметное содержание. Их, по мысли В.И. Карасика, можно разбить на 2 класса. Первый представляют **регулятивные концепты**. К ним относятся те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент (например: *счастье, долг, щедрость* и т.д.) и которые детерминируют и регулируют поведение человека. При этом среди них выделяются телеономные концепты (т.е. отправляющие к универсалиям духовной культуры и создающие для человека смысл жизни, например: *счастье, любовь*) и более частные концепты (*гордость, милосердие* и т.д.). Именно эти регулятивные концепты в большей степени представляют интерес для лингвокультуролога. Ко второму классу В.И. Карасик относит **нерегулятивные концепты**, которые представляют собой синкретичные ментальные образования разного характера (например: *путешествие, подарок, здоровье* и т.д.), они выражают как негативные, так и позитивные ценности (например: *надежда* и *зависть*) [Карасик 2005: 30 – 33].

Среди концептов-регулятивов исследователь также выделяет **универсальные, этноспецифические, социоспецифические и индивидуальные концепты** [Там же: 32]. Однако ученый подчеркивает возможность и других подходов к типологизированию концептов, например, лингвистичную (точнее – частеречную) в своей основе типологию, в которой выделяются предметные, сценарные и качественные концепты (аналогия с семантикой прототипных существительных, глаголов и прилагательных); когнитивно-психологическую, предполагающую картинки, схемы, сценарии, гиперонимы и т.д. [Там же: 32–33].

Последняя из названных классификаций подробно рассмотрена исследователем А.П. Бабушкиным, который предлагает следующую типологию: мыслительные картинки, схемы, фреймы, сценарии, калейдоскопические и логически-структурируемые концепты.

Мыслительные картинки сугубо индивидуальные, они основаны на конкретном жизненном опыте человека. Так, исследователь рассуждает: «...один носитель языка может ассоциировать лексему *дорога* с проселочной дорогой к дому, где знаком каждый бугорок и выбоинка, другой «мысленным взором» видит широкую автостраду, ведущую к аэропорту, но общая схема ‘протяжение’... будет включаться в состав семемы этого слова» [Бабушкин 2001: 28]. **Концепт-фрейм**, по мнению исследователя, «имплицитно включает комплексную ситуацию; его можно сопоставить с «кадром», в рамки которого попадает все, что типично и существенно для данной совокупности обстоятельств» [Там же: 29]. Исследователь приводит пример со словом *больница*. В этом случае фрейм будет включать такие компоненты, как приемный покой, палаты с кроватями для больных, врачи и медсестры и т.д. **Сценарий**, как считает А.П. Бабушкин, это развернутый в динамике концепт. Сценарий состоит из этапов, так как в нем есть завязка, кульминация сюжета и развязка.

Логически-конструируемые концепты в типологии А.П. Бабушкина абсолютно лишены образного начала, они вообще далеки от чувственного человеческого опыта. Смысл таких концептов равен их словарному толкованию. **Калейдоскопические концепты**, напротив, сопряжены с когнитивными ме-

тафорами (гештальтами), через призму которых постигается сущность абстрактного имени [Бабушкин 2001: 55–57].

Рассуждая о названных типах концептов, А.П. Бабушкин подчеркивает, что «эти типы носят универсальный характер, а национальная специфика концептов заключается в различии их содержания при тождестве их типов» [Там же: 57].

В.И. Карасик предлагает дополнить данную классификацию еще одной рубрикой: «Наряду с картинками, схемами, сценариями, гиперонимами и другими разновидностями концептов можно выделить лингвокультурный типаж [Карасик 2005: 30–33]. При этом под лингвокультурным типажом (далее – ЛТ) исследователь понимает «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик 2007: 88]. Исследователь приводит в качестве примера наиболее яркие типажы: *чудак* в английской культуре, человек с забавными странностями в поведении, обычно увлеченный каким-либо занятием и никому не причиняющий неудобств; *юродивый* в русской средневековой культуре, нищий, придурковато-блаженный, истязаящий себя и обладающий даром прорицания человек, и т.п. [Там же: 89].

По признакам яркости и оценочности В.И. Карасик выделяет 1) яркий ЛТ, 2) неяркий ЛТ, 3) положительный ЛТ, 4) отрицательный ЛТ.

Поскольку ЛТ – это ментальное образование, он также является концептом, следовательно, в его структуре можно выделить образную, понятийную и ценностную составляющие [Там же].

О.А. Дмитриева, изучающая лингвокультурные типажы России и Франции XIX века, дает самое общее определение ЛТ («языковая личность в ракурсе лингвокультурологии выступает в качестве лингвокультурного типажы» [Дмитриева 2007: 56]) и указывает, что «коммуникативное поведение ЛТ регулируется ценностными приоритетами, стереотипами, архетипами» [Дмитриева 2007: 57]. Из этого следует, по мнению исследователя, что черпать материал для изучения ЛТ необходимо на основании анализа паремий и афоризмов, сюжетов литературы, ассоциаций слова и предложения, юридических норм общества, данных опросов, анкетирования и других источников» [Там же].

Подробную классификацию типов и видов концептов лингвокультурологии разработала М.В. Пименова. Исследователь предлагает классифицировать концепты по нескольким основаниям. Так, концепты были разделены исследователем на три категориальные класса: 1) **базовые концепты**, которые составляют фундамент языка и всей картины мира (космические, социальные и психические (духовные) концепты; 2) **концепты-дескрипторы**, квалифицирующие базовые концепты, среди которых выделяются дименсиональные концепты (концепты измерений: *размер, объем, глубина, высота, вес* и др.); качественные концепты, выражающие качество (*тепло – холод, целостность – партиитивность, твердость – мягкость*); количественные концепты, выражающие количество (*один, много, мало, достаточно – недостаточно*); 3) **концепты-релятивы**, реализующие типы отношений, среди которых отмечаются концепты-оценки (*хорошо – плохо, правильно – неправильно, вредно – полезно*); концепты-позиции (*против, вместе, рядом, близко – далеко, современный – несовременный*); концепты-привативы (*свой – чужой, брать – отдавать, владеть – терять, включать – исключать*) [Пименова 2007: 81].

Далее М.В. Пименова конкретизирует каждый из классов базовых концептов. Так, например, среди психических (духовных) концептов исследователь выделяет концепты внутреннего мира (*душа, дух, сердце*); концепты характера (*азартность, терпение, благодушие, великодушие, гордость, грубость, доверчивость, мечтательность*); концепты эмоций (*веселье, радость, счастье, злость, грусть, страдание, верность, тоска, тревога, любовь*); ментальные концепты (*знание, ум, мысль, понимание, память, представление, разум, рассудок, воображение, вдохновение, сознание*) [Там же: 81 – 82].

Исследователь предлагает также выделить основные типы концептов по разным основаниям и предлагает следующую классификацию:

1) по признаку развития структуры концепты можно разделить на **развивающиеся** (активно используемые в национальной концептосфере, пополняющие свою структуру новыми признаками) и **застывшие** (концепты, структуры которых перестали пополняться новыми признаками; обычно такое явление

объясняется исчезновением реалий, связанных с этим концептом, процессом перехода слова – репрезентанта концепта – из активного словарного запаса в пассивный (архаизмы и историзмы);

2) по признаку появления концепты можно подразделить на **исконные** (те концепты, которые зародились в национальной концептосфере) и **заимствованные** (те концепты, которые были привнесены из других национальных концептосфер);

3) по признаку постоянства базовой структуры концепты бывают **сохранившимися** (такие концепты, у которых понятийная и ценностная часть структуры концепта не изменилась, несмотря на исчезновение или трансформацию референтов) и **трансформировавшимися** (те концепты, которые были перенесены в связи с исчезновением референтной базы на новые реалии);

4) по признаку первичности концепты делятся на **первичные** (те концепты, которые появились первыми и послужили базой для развития производных) и **производные** (на последнее указывают производные слова – репрезентанты концепта; первоначально производные концепты входили в качестве составных признаков в структуру основного концепта, позже они развивались самостоятельно, однако их структуры до сих пор не достигли той степени развития, которая существует у первичного концепта);

5) по признаку актуальности концепты можно разделить на **ведущие**, или ключевые (концепты, широко представленные в паремиологическом фонде, фольклоре, художественной литературе: *душа, сердце, ум, человек, природа* и др.), и **второстепенные** (концепты, которые находятся на периферии концептосферы, они вторичны, менее актуальны, их репрезентанты менее частотны, например, концепты *чиновник, консультант*).

Также выделяются **постоянно актуальные, неактуальные и переменные («плавающие») концепты**.

Постоянно актуальные – ведущие (ключевые) концепты, неактуальные – второстепенные концепты, переменные («плавающие») – это концепты, периодически становящиеся то актуальными, то неактуальными.

В зависимости от промежутка времени, когда концепт становится снова актуальным, концепт может стать трансформировавшимся. Переменные концепты могут иметь имя, репрезентирующее концепт, и даже часть своей структуры. Так, в период войны на Кавказе в XIX веке в русской концептосфере был актуален концепт *абрек*. В последнее десятилетие этот концепт трансформировался и стал не менее актуальным под именем *чеченец* [Пименова 2007: 84–86].

Представитель когнитивно-семантического направления И.А. Стернин, выделяя в структуре концепта базовый слой, или ядро, к которому прирастают дополнительные когнитивные слои, «отражающие определенный результат познания внешнего мира, то есть результат когниции», разграничивает три типа концептов. К ним он относит 1) **одноуровневые**, состоящие только из базового слоя (*желтый, зеленый, соленый, ложка, чашка, тарелка* и т.п.); 2) **многоуровневые**, имеющие, помимо базового слоя, когнитивные слои, отличающиеся уровнем абстракции (ср.: *грамотный* – базовый слой: образованный человек; когнитивные слои разной степени абстракции: умеющий читать и писать; умеющий хорошо читать и писать; умение эффективно общаться и т.д.); 3) **сегментные**, состоящие из базового слоя, окруженного несколькими сегментами (ср.: концепт *толерантность* – базовый слой: терпимость, сдержанность; сегменты: политическая толерантность, научная толерантность, бытовая толерантность, административная толерантность и т.п.) [Стернин 2001: 59–61].

В современной науке, таким образом, сложилось множество подходов типологизации концептов, что обусловлено многоаспектностью изучения данного феномена.

Структура концепта

Непростым оказался и вопрос о структуре концепта. Так, некоторые ученые высказывают мысль о потенциальной бесструктурности концепта, так как смыслы, представления и вообще разные по степени ментальной обработки образования вряд ли могут быть логично упорядочены в человеческом соз-

нании. З.Д. Попова и И.А. Стернин уточняют, что утверждение о полевой и иерархической структуре концепта относится скорее не к самому концепту, а к «той части концептуального мира, которая получила наименования и структуризацию средствами языка» [Попова, Стернин 2001]. Исследователи поясняют, что «нельзя моделировать то, что не имеет четких очертаний (типа облака), хотя получение списка признаков концепта, возможность распределения их на главные и второстепенные, более или менее яркие для национального сознания вполне очевидны» [Там же].

Большинство ученых соглашаются с идеей о наличии структуры у концепта, признавая условность данного положения, и говорят о его полевой организации, при этом в структуре концепта выделяют единицы разных уровней, границы которых, безусловно, весьма расплывчаты (см. об этом: Л.Г. Бабенко [Бабенко 2000; 2004], В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин [Карасик, Слышкин 2001], И.А. Стернин [Попова, Стернин 2001; 2006], Н.К. Рябцева [Рябцева 1991], Л.О. Бутакова [Бутакова 2005], Т.Г. Рабенко [Рабенко 2004] и мн. др.).

Н.К. Рябцева в статье «Вопрос: прототипическое значение концепта» выделила структурные элементы концепта *вопрос*. Исследователь выявила базисный (центральный) элемент и периферийные компоненты, «заданные производными значениями слова *вопрос* и содержащие прототипическое значение, которое связывает их с центром радиально или цепочно». При этом базисный элемент концепта задает модель ситуации, которая повторяется во всех случаях употребления слова *вопрос*, и содержит прототипическое значение «незнания» для всех смыслов, которые можно вложить в это слово» [Рябцева 1991: 75–76].

И.А. Стернин настаивает, что в структуре концепта выделяется ядро и периферия. Ядро, по мысли исследователя, будут составлять базовый слой и совокупность когнитивных слоев или сегментов; периферию – интерпретационная часть, которую составляет «совокупность слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок созна-

ния, вытекающих в данной культуре из содержания концепта» [Стернин 2001: 61].

Лингвокультурологи В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин отмечают, что концепт включает три составляющие: понятийную, образную, ценностную [Карасик, Слышкин 2001: 78; Карасик 2002: 129]. О трех компонентах концепта В.И. Карасик пишет следующее: «Понятийная сторона представляет собой языковую фиксацию концепта, его обозначение, описание, признаковую структуру, дефиницию. Образная сторона – это характеристики, полученные через органы чувств, предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это признаки практического знания. Ценностная сторона – это сторона, присущая любому концепту, она является определяющей для выделения концепта. Именно рассмотрение концептов с этой стороны может выявить ценностные доминанты, образующие определенный тип культуры» [Карасик 2002:129].

Мнение о трехкомпонентной структуре концепта разделяет и С.Г. Воркачев. Исследователь выделяет понятийную, образную и значимостную (у В.И. Карасика – ценностная!) составляющие концепта. С.Г. Воркачев подчеркивает, что «понятийная составляющая ...отражает признаковую и дефиниционную структуру концепта, образная составляющая фиксирует когнитивные метафоры, поддерживающие его в языковом сознании, значимостная составляющая определяется местом, которое занимает имя концепта в языковой системе [Воркачев 2002: 80, Воркачев 2004: 46].

Важно уточнить, что для большинства лингвокультурологов (В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина и др.) наличие именно ценностной составляющей отличает лингвокультурный концепт от других ментальных образований. Так, представители Волгоградской школы концептуальной лингвистики подчеркивают: «Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, выделяемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнема, стереотип), акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит ценностный принцип» [Карасик, Слышкин

2001: 77]. Ученые приводят пример с выделяемыми исследователями-когнитивистами З.Д. Поповой и И.А. Стерниним концептами, обозначающими специалистов по разведению воров, носорогов, крыс и т.д., для которых нет языкового обозначения (ср. нет таких лексем: *носороговод* или *крысовод*). Когнитивисты делают вывод, что не все концепты имеют прямые номинации, лингвокультурологи же вовсе будут отрицать наличие таких концептов. В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин пишут: «Для лингвокультурологии концепты *носороговод* и *крысовод* не существуют, но не потому, что для них нет языкового обозначения, а потому, что в сознании носителей языка нет ценностного отношения к подобным феноменам» [Там же].

Если рассматривать лингвокультурные концепты сквозь призму оппозиции «универсальное – специфичное», то в их структуре можно выделить три компонента:

Универсальный компонент концепта – это «семантические признаки, общие для всех языковых реализаций концепта, которые образуют его понятийную основу» [Воркачёв 2002: 27]. В этой понятийной основе заложено то общее в концепте, что присуще всему человечеству.

Национальный компонент концепта – «семантические признаки, общие хотя бы для части его реализаций, которые отмечены лингвокультурной, этносемантической спецификой и связаны с ментальностью носителей языка или с менталитетом национальной языковой личности» [Там же].

Индивидуальный компонент концепта – такие когнитивные признаки, которые обусловлены сугубо индивидуальным опытом человека (изучение таких структурных компонентов особенно важно при исследовании художественных концептов).

Однако не все концепты имеют такое содержание. Те из них, что присущи одной языковой и культурной общности, содержат только общенациональный и индивидуальный компоненты [Тихонова 2006: 28]. Таким, например, является этноспецифичный концепт *юродство* в русской культуре, которое представляет собой форму добровольного безумия «ради Христа», добровольного отречения от жизненных благ во исполнение особой миссии – служения Богу и людям).

В.А. Маслова выделяет большее количество компонентов и отмечает, что «лингвокультурный концепт многомерен...», «что каждый концепт, как сложный ментальный комплекс, включает помимо основного смыслового содержания еще и оценку, отношение человека к тому или иному отражаемому объекту и другие компоненты:

- 1) общечеловеческий, или универсальный;
- 2) национально-культурный, обусловленный жизнью человека в той или иной культурной среде;
- 3) социальный, обусловленный принадлежностью человека к определенному социальному слою;
- 4) групповой, обусловленный принадлежностью языковой личности к некоторой возрастной и половой группе;
- 5) индивидуально-личностный, формируемый под влиянием личностных особенностей – образования, воспитания, индивидуального опыта, психофизиологических особенностей» [Маслова 2007: 54].

Многие ученые, несмотря на разность подходов, организуют результаты своего исследования в виде поля. Так, концептуальные структуры в виде поля представлены в работах Л.Г. Бабенко, Л.О. Бутаковой, Ф.К. Сагдеевой, И.А. Стернина, Т.Г. Рабенко, А.П. Чудинова, М.В. Зацепиной, Е.В. Дзюбы и др.

Так, например, Л. О. Бутакова в работе «Концептуально-смысловой анализ русских пословиц и поговорок о *чести* / *бесчестии*» реконструирует поле концепта, руководствуясь большей или меньшей представленностью в паремиологических единицах того или иного понятийного компонента. Так, ядро концепта (80%) составляют высказывания, в которых присутствует маркер *честь*, репрезентирующий смысл в чистом виде. Основное поле концепта представлено выражениями с понятийными компонентами ‘уважение со стороны окружающих’, ‘принадлежность бескорыстного человека’, ‘ценность’ и другими, актуализирующимися соответственно в 45%, 25%, 20% случаев, причём, некоторые высказывания в семантическом отношении отличаются имплицитностью субъекта. На периферии концепта находятся высказывания, реализующие негативную оценку *чести* (5%) и высказывания, репрезентирующие значение ‘честь как нечто исходное, глубинное’ (2%) [Бутакова 2005: 82-88].

Ф. К. Сагдеева в исследовании «Отражение концепта *труд* в лексико-фразеологических средствах» рассматривает паремиологические единицы языка и на их основе реконструирует отношение к труду русских и татар. Автор отмечает, что *труд* как фрагмент концептуальной картины мира имеет много общего в этих двух культурах. «Оценка труда в обоих языках носит в большей степени положительный характер и определяется одинаковыми лексемами»; «и в русских, и в татарских паремиях необходимость трудиться и разумное отношение к труду предполагает совмещение работы и игры»; и в русских, и в татарских пословицах и поговорках «лень и безделье не кормят человека и не прибавляют ему достатка».

Однако исследователю удается методом компонентного и концептуального анализа выявить некоторые этноспецифические различия. Например, несмотря на то, что «общим для сравниваемых языков является осмысление концепта *труд* через соотнесение с компонентом *душа*,... в русском языке душа ассоциируется с делом, которое выполняется с увлечением, интересом, полной отдачей сил: *работать с душой, вкладывать в работу душу*, а в татарском языке на первый план выходит идея напряжённого труда, требующего значительных усилий, наполненная положительной коннотацией: *работать, проливая пот* [Сагдеева 2004: 120-123]. Таким образом, общие для обеих культур единицы являются ядерными, базовыми; этноспецифичные – периферийными.

М. В. Зацепина в диссертационном исследовании «Концептуализация феномена *отчуждение* в русской и немецкой этноконцептосферах» предпринимает успешную попытку компаративного исследования названного феномена. Автор рассматривает данный концепт в научной и языковой картине мира, в частности, в различных философских течениях, анализирует репрезентацию понятия *отчуждение* в русском и немецком языках в справочных пособиях социологического, психологического, теологического, юридического характера, а также в художественном дискурсе и прецедентных текстах. Исследователь структурирует концепт *отчуждение* в виде поля, где ядром является имя концепта и ключевые лексем-репрезентанты. По мере удаления от центра в поле концепта включаются синонимы

и антонимы ключевой лексики. Периферию концепта составляют фразеологические сочетания, свободные словосочетания, грамматические категории, структурные и позиционные схемы предложений и даже текстов и совокупностей текстов [Зацепина 2006].

Важно заметить, что полевая структура, изображаемая обычно в плоскости и представленная во многих исследованиях в виде круга, – понятие весьма условное, так на самом деле структура концепта – это скорее сфера ментальных смыслов, вряд ли имеющая четкие границы. Тем не менее, такое графическое изображение смысловой структуры концепта удобно для представления и ранжирования когнитивных признаков, формирующихся как единицы разных уровней ментального обобщения.

Понятие концептосферы и ментальных пространств

С точки зрения структуры и принципа системности концепт является как составляющей, так и составной единицей. «Каждый концепт, обладая определенным смысловым пространством, которое, в силу непрерывности формирования концепта или концептуальной системы в целом, находится в процессе постоянного структурирования, т.е. взаимодействия с другими» [Пищальникова 1991: 58]. На основании взаимодействия имеющихся концептов и включения новых формируются ментальные пространства, т.е. объединения концептов одного смыслового поля, совокупность которых представляет собой концептуальную систему целостного знания и представления о мире, т.е. концептосферу.

Термин *концептосфера* в научный обиход был введен Д.С. Лихачевым в статье «Концептосфера русского языка». Исследователи довольно быстро ввели термин в научный обиход, отмечая разные оттенки его значения. В.А. Маслова понимает под концептосферой «совокупность концептов, из которых, как из мозаичных кусочков, складывается полотно миропонимания носителя языка» [Маслова 2007: 34]. В качестве иллюстрации исследователь приводит пример концептосферы православного

русского сознания, отмечая, что «генетический код, вошедший в сознание нашего народа, в его менталитет и духовный опыт, может быть репрезентирован концептами *Слово, Творец, Истина, Добро, Благо, Мир, Свобода, Польза, Человек*, каждый из которых обладает сакральными смыслами в пределах концептосферы русского православного сознания» [Маслова 2007: 34].

Представители семантико-когнитивного подхода к изучению концептов З.Д. Попова и И.А. Стернин употребляют термин *концептосфера* в таком значении: «это упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления» [Попова, Стернин 2006: 26]. Исследователи отмечают, что концептосферу составляют не случайно собранные концепты, З.Д. Попова и И.А. Стернин подчеркивают, что это упорядоченная совокупность концептов, это совокупность единиц, находящихся друг с другом в системных отношениях [Попова, Стернин 2006: 26].

Ученые говорят о некоей изоморфности структуры самого концепта и целой концептосферы. В.А. Маслова отстаивает положение о полевой структуре концептосферы: «В структуре концептосферы есть *ядро* (когнитивно-пропозициональная структура важного концепта)», *приядерная зона* (иные лексические репрезентации важного концепта, его синонимы и т.д.) и *периферия* (ассоциативно-образные репрезентации). Ядро и приядерная зона преимущественно репрезентирует универсальные и общенациональные значения, а периферия – индивидуальные» [Маслова 2007: 35].

Концепты, связанные системными отношениями, образуют некие ментальные пространства в рамках одной концептосферы.

Термин *ментальные пространства* используется в работе профессора Тамбовского университета им. Г.Р. Державина В.Г. Гольдберг «Ментальные пространства, отражающие биологическое существование человека». Однако автор статьи отмечает, что данный термин был заимствован из работ Ж. Фоконье и М. Тернера, посвященных изучению ментальных пространств. Исследователи под ментальными пространствами понимают «небольшие концептуальные объединения / «пакеты», создаваемые по мере того, как мы думаем и говорим» (перевод

В.Г. Гольдберг). Однако авторы сосредоточиваются, по словам В.Г. Гольдберг, лишь на изучении причинно-следственных отношений между концептами, которые создают основу ментального пространства. Отечественный исследователь утверждает, что «в основе формирования ментального пространства может находиться не только причинно-следственная концептуальная связь, но и другие типы концептуальных связей. В зависимости от этого будут различаться типы ментальных пространств» [Гольдберг 2004: 7]. Далее автор выделяет разные типы концептуальных связей: меронимическую связь (отношения включения), меронимо-динамическую связь (отношения части и целого), фазовые связи, связь «тяготение», реминисцентные связи, антонимические связи, градуарные связи, полярные связи, мотивирующе-целевые связи и т.д. [Там же: 8 – 20].

Действительно, смысловые единицы одной концептосферы могут образовывать ментальные пространства на основе таких типов отношений: отношения включения (например, *ум – знание, мудрость – опыт – возраст* и т.п.), отношения антонимичности (*ум – глупость, свет – тьма* и др.), причинно-следственные отношения (*преступление – наказание, грех – вина*) и т.д.

В настоящее время активно изучаются единицы разных ментальных пространств. Так, в последние годы были описаны многие концепты **сферы «Человек и его мир»**, среди которых можно выделить:

1) **эмоциональные концепты** (*счастье* [Воркачев 2004], *любовь* [Данькова 2000; Вильмс 2005: 138–150], *любовь и ненависть* [Балашова 2004], *радость* [Белая 2002: 104–107], *мечта* [Сергеев 2005: 219–247], *душа / сердце* [Кондратьева 2004а: 80–92], *красота* [Мещерякова 2004], *страх* [Зайкина 2004], *удивление* [Дорофеева 2003] и др.);

2) **ментальные концепты** (*ум – глупость* [Леонтьева 2003; Кондратьева 2005: 177–203; Сергеева 2004а; Сергеева 2004б: 174–190; Сергеева 2005а: 203–219; Сергеева 2005б: 285–305], *дурак* [Бусурина 2005: 121–135], *глупость* [Бочарова 2009: 164–175], *homo sapiens* [Никитина 2006], *остроумие* [Григоренко 2007: 182–206], *рассудок* [Пименова 2005б] и др.);

3) **социальные концепты** (*Европа и ЕС, Германия* [Керимов 2004: 222–237], *Америка* [Урусова 2005: 283–293], *Россия* [Орлова 2005], *князь* [Мешкова 2005: 293–312], *труд* [Кормакова 1998: 110–113], *свободная страна* [Онищенко 2007: 36–65], *родина* [Игнатова 2009: 93–108], *народ* [Хохлов 2009: 108–124] и др.);

4) **артефактные концепты** (*язык* [Орлова 2000: 140 – 150]; *русский язык* [Тавдигиридзе 2005; Попова, Стернин 2006а: 163 – 208; Попова, Стернин, 2006б: 102 – 113], *игра* [Радзиевская 2006: 317 – 327; Шмелев 2006: 411 - 421], *театр* [Илова 2007: 289–307], *дом* [Пименова 2004: 60 – 71; Тимошенко 2007: 269–289], *деньги* [Агаркова 2005: 73 – 84] и др.);

5) **категориальные концепты** (*подлинность* [Карасик 2005: 3–14], *жизнь* [Бабенко 2004; Деева 2005: 70–87; Кузьмина 1996]; *жизнь и смерть* [Дзюба 2001; Ипанова 2005: 146–166; Тарасенко 2008; Туктангулова 2007], *бессмертие* [Балашова 2005], *истина и правда* [Агиенко 2004: 190–209; Арутюнова 1991: 21–30; Лукин 1993: 63–86], *правда и ложь* [Яковлева 1998]; *свобода* [Кошелев 1991, Солохина 2005], *воля* [Катаева 2005], *причина* [Степанов 1991: 3–14], *дружба* [Арапова, Гайсина 2005], *обман* [Панченко 2005], *приватность* [Прохвачева 2005], *пунктуальность* [Зубкова 2005], *предательство* [Савельева 2007: 206–224], *предательство и верность* [Саварцева 2007: 224–240], *толерантность* [Растатуева 2009: 55–70; Ли Же 2009: 70–79], *толерантность и терпимость* [Неровная 2009: 79–93], *зависть* [Григоренко 2009: 154–164] и др.);

6) **этические концепты** (*грех* [Козина 2005: 29–73], *преступление* [Евтушок 2005], *наказание* [Контримович 2005], *оскорбление* [Кусов 2005], *внутренний человек* [Кондратьева 2004а; Кондратьева 2004б: 157–174], *добро* [Шевченко, Змиева 2007: 4–16], *зло* [Тихонова 2007: 16–30], *вежливость* [Зацепина 2007: 135–152], *воровство* [Кирияк 2007: 307–328], *запрет* [Медведева 2009: 124–138] и др.).

Менее интересна ученым **сфера «окружающий человек мир»** (*вода* [Бадмаева 2006; Костин 2002], *свет* [Соколовская 2001: 328–333], *свет и тьма* [Садыкова 2009: 4–18], *цветок* [Молоткова 2006: 343–356]) и др.

Такой перевес в описании концептов двух сфер является еще одним свидетельством своеобразного «крена» лингвистической науки в сторону антропоцентризма.

§ 3. Методики концептуального анализа

Многообразие методов и методик исследования концепта отмечают разные ученые (М.В. Зацепина, В.А. Маслова, Ю.Е. Прохоров и др.). Выбор методик описания смысловой структуры концепта остается во многом субъективным и «определяется содержанием, которое вкладывает автор работы в термин концепт, материалом исследования, типом изучаемого концепта» [Зацепина 2006: 24].

Р.М. Фрумкина в общетеоретической работе, посвященной концептуальному анализу, определила, что «заниматься концептуальным анализом синонимично анализировать концепт» [Фрумкина 1992: 3].

В.А. Маслова перечисляет современные методики описания и изучения концептов: «это и теория профилирования, предложенная Е. Бартминским, и теория вертикальных синтаксических полей, разработанная С.М. Прохоровой, и теория концептуального анализа для выявления глубинных, эксплицитно не выраженных характеристик имени (гешталтов), предложенная Л.О. Чернейко и В.А. Долинским, и теория вертикального контекста О.С. Ахмановой и И.В. Гюббенет. Описанию когнитивных структур посвящены фреймовая семантика Ч. Филлмора, теория метафоры и метонимии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, сценарии Р. Шенка и Р. Абельсона, фреймы М. Мински, когнитивные прототипы Э.Рош и Дж. Лакоффа, которые лежат в основе языковой категоризации и концептуализации мира» [Маслова 2007: 57].

Действительно, зарубежная и отечественная наука за последние годы накопила множество исследований, основанных на разных методах, способах, приемах изучения концептуальных структур. В данной работе рассматриваются наиболее актуальные в настоящее время методики анализа концептов.

Методики когнитивного (когнитивно-дискурсивного) исследования концепта

Представители когнитивной школы акцентируют внимание не на отдельных компонентах структуры концепта, выявляя универсальное и этноспецифичное, как это делают, например, лингвокультурологи, но сосредоточивают внимание на структуре концепта вообще, на специфике укорененности тех или иных компонентов смысла концепта в сознании человека – носителя языка.

З.Д. Попова и И.А. Стернин представляют развернутую методику семантико-когнитивного исследования концепта [Попова, Стернин 2006: 112–153]. Ученые предлагают проводить исследование по следующим этапам:

1. Построение номинативного поля концепта. На данном этапе устанавливается и описывается совокупность языковых средств, номинирующих концепт и его отдельные признаки. При этом материалом для выборки служат акты коммуникации, в которых происходит обсуждение того или иного концепта в разных ситуациях (т.е. художественные и публицистические тексты); толковые, синонимические, фразеологические и иные словари, афористика, паремийный фонд. Результатом работы на данном этапе становится выявление ядра номинативного поля, в которое включаются прямые номинации концепта и слова-синонимы, и периферии номинативного поля концепта, обобщающей результаты анализа словообразовательных дериватов слова-концепта, ассоциативных словарей, афористики и паремий, художественных и публицистических текстов.

2. Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта.

3. Выявление когнитивных признаков, формирующих концепт как ментальную единицу.

Второй и третий этапы предполагают семантическое описание и толкование единиц номинативного поля, выявление значений его единиц в виде набора отдельных семантических компонентов, которые впоследствии будут подвергнуты когнитивной интерпретации.

4. Верификация (проверка) полученного когнитивного описания у носителей языка. И.А. Стернин предлагает проводить верификацию посредством свободного и направленного эксперимента. При этом свободный эксперимент не указывает направление ассоциации, направленный, как правило, задает форму представления знаний (ср.: *счастье – это..., умный, как...* и т.п.). Исследователь подчеркивает, что традиционный психолингвистический эксперимент учитывает лишь первую реакцию, в то время как эксперимент для исследования концептов носит принципиально иной характер: важны все реакции, так как при когнитивном исследовании оказываются конститутивными и главные, и косвенные признаки концепта. Анализ полученных данных проводится в несколько этапов: обобщение ассоциатов по общности семантики; распределение ассоциатов по количественному признаку (по степени уменьшения частотности вариантов); распределение ассоциатов по семантическому признаку (объединение ассоциатов в группы по общности содержания); установление коэффициента частотности для определения границ уровней в смысловом поле концепта; распределение ассоциатов в смысловой структуре концепта (определение ядерных компонентов, смысловых единиц уровня ближайшей зоны, дальнейшей зоны и элементов крайней периферии).

5. Описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков. В результате сопоставления данных анализа семантической структуры единиц, репрезентирующих концепт, и данных эксперимента производится когнитивное описание концепта, под которым понимается «мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значения языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц, с целью итогового моделирования содержания концепта» [Попова, Стернин 2006: 148].

6. Моделирование содержательной структуры концепта. И.А. Стернин указывает на наличие трех взаимодополняющих процедуры: 1) описание макроструктуры концепта (отнесение выявленных признаков к образному, информационному и ин-

терпретационному уровням); 2) описание категориальной структуры (соотнесение когнитивных признаков с денотативной сферой концептуализации, т.е. категоризация признака как предмета, явления, действия и т.п.); 3) описание полевой организации концепта (распределение признаков в соответствии с уровнями: ядерным, уровнем ближней, дальней и крайней периферии).

Результатом перечисленных действий становится, по мнению И.А. Стернина, содержательное поле концепта, которое можно представить в виде словесной или графической схемы.

В концептуальной и когнитивной лингвистике стало бесспорным фактом то, что основным «способом познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира», а также формой экспликации концептуальных структур является метафора «как проявление аналоговых возможностей человеческого разума» [Чудинов 2008: 143]. Методика анализа фреймовой структуры концептуальной метафоры изложена в работах А.П. Чудинова и представителей его научной школы.

А.П. Чудинов резюмировал теорию концептуальной метафоры следующим образом: «В основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате однонаправленной метафорической проекции из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры» [Там же: 144].

Формирующаяся и/или существующая схема связи между понятийными сферами называется метафорической моделью. Так, А.П. Чудинов приводит примеры метафорических моделей политической коммуникации: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА, ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ – это ПУТЕШЕСТВИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ – это ДЕНЬГИ.

Компонентами любой метафорической модели являются, таким образом, 1) исходная понятийная область, 2) новая (моделируемая) понятийная область, 3) фреймы (единица знаний, организуемая вокруг некоего понятия и содержащая данные о су-

щественном, типичном и возможном для этого понятия; это своего рода структура данных для представления стереотипной ситуации), 4) типовые слоты (элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации), 5) концепты (составляющие слот единицы), 6) компоненты, связывающие первичные и метафорические смыслы, 7) дискурсивные характеристики (прагматический и эмотивный потенциал, взаимосвязи модели с существующей политической ситуацией) и т.д. [Чудинов 2006: 130–133].

Исследователь подчеркивает, что «система фреймов (словов, концептов) одной ментальной сферы служит основой для моделирования ментальной системы другой сферы (сферы-магнита)» [Там же: 131]. При этом основными типами метафор, например, в политическом дискурсе являются антропоморфная, природоморфная, социоморфная и артефактная [Там же: 136–137].

Используя теорию и методику анализа метафорических моделей, А.П. Чудинов в своих работах представил описание образа России конца XX века [Чудинов 2001]. Исследователь подчеркнул, что в отечественной политической коммуникации сохраняется целый ряд «позитивных образов, акцентирующих идею естественности и непрерывности развития жизни, близости и взаимосвязанности человека и природы, наглядно отражающих причинно-следственные связи в природе, значимость физического и морального здоровья, крепких корней и другие фундаментальные для русского национального сознания ценности. Особенно тесно это связано с концептами *человеческое тело, родство, дом, мир растений*» [Там же].

Однако наряду с позитивными метафорами, как подчеркивает А.П. Чудинов, в последнее десятилетие XX века получили развитие «метафорические модели (и их отдельные фреймы, слоты) с концептуальными векторами жестокости, агрессивности и соперничества (*война, криминал, спорт* и др.), отклонения от естественного порядка вещей (*болезнь, криминал, сексуальные извращения* и др.). Показательно, что подобные же прагматические смыслы оказались наиболее востребованными и у других моделей; это, в частности, характерно для современной зоо-

морфной метафоры, а также для традиционно «неагрессивных» метафор дома, пути и мира растений» [Чудинов 2001].

Исследователь отметил частотность в политической коммуникации театральной, игровой и спортивной метафоры, которые отражают идею несамостоятельности публичных политиков, наличие каких-то тайных «сценаристов», «режиссеров» и «тренеров» в политической жизни страны. Оказалась востребованной и такая концептуальная метафора, которая отражает социальные отношения между людьми, «где человек человеку уже не «друг, товарищ и брат». Стали актуальными метафорические формулы ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ – ВОЛК, ВРАГ, ПАХАН, СПИД, ПУТАНА, РЕЖИССЕР или НУЖНЫЙ МЕХАНИЗМ» [Там же]. В заключении своего исследования автор подчеркнул, что наши соотечественники в начале XXI века верили в наступление новой эпохи и новых концептуальных метафор, таких как РОССИЯ – МАТЬ, РОССИЯ – ЦВЕТУЩИЙ САД, РОССИЯ – ДОМ ТОРЖЕСТВА ЗАКОНА И СПРАВЕДЛИВОСТИ, РОССИЯ – ЛЕТАЮЩАЯ ПТИЦА или МЧАЩАЯСЯ ВПЕРЕД ТРОЙКА» [Там же].

Рассмотренную выше методику исследования концептуальной метафоры используют при анализе политического, педагогического, художественного дискурса представители научной школы А.П. Чудинова, а именно: Э.В. Будаев, Т.С. Вершинина, М.Б. Ворошилова, О.В. Григорьева, Е.Г. Кабаченко, А.А. Каслова, Е.В. Колотнина, С.Я. Колтышева, Ю.А. Ольховикова, А.Б. Ряпосова, О.А. Солопова, А.М. Стрельников, К.Л. Филатова, Н.М. Чудакова, Е.В. Шустрова и др.

Методики анализа лингвокультурного концепта

По мнению В. А. Масловой, «у концепта сложная структура, поскольку к ней, с одной стороны, относится всё, что принадлежит строению понятия, а с другой стороны, в структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры – исходная форма, или этимология, сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки, конно-

тации [Маслова 2004: 40]. Таким образом, многие специалисты изучают концепт именно как факт культуры.

Автор «Словаря русской культуры», представляющего собой уникальный образец анализа духовных ценностей русского народа, Ю.С. Степанов считает, что репрезентантами концептуального содержания могут стать не только языковые факты, но также любые факты культуры: философские трактаты, литературные произведения, произведения живописи и скульптуры, ритуалы, особенности быта и т.д.

Исследователь утверждает, что в русской культуре существуют базовые концепты, т.н. константы, имеющие неизменную и перманентную части. Такие концепты укореняются в той или иной культуре, но, однако, не остаются абсолютно неизменными, а эволюционируют с развитием этой культуры. Ю.С. Степанов применяет к описанию этих концептов единую методику: анализ этимологии слова-концепта, словоупотреблений и толкований слов и понятий в философских, художественных и иных текстах. Одним из постулатов исследования Ю.С. Степанова является идея о трехслойной структуре концепта, включающего 1) основной актуальный признак, 2) дополнительный, «пассивный» признак (их может быть несколько), 3) внутреннюю форму, обычно не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме [Степанов 1997: 44]. Внешняя форма (языковой знак, наименование), по Ю.С. Степанову, детерминирована «концептуализированной предметной областью», объединяющей слова, вещи, мифологемы и ритуалы [Там же: 68].

Эта своего рода «собирательная» методика особенно актуальна при изучении концепта в историческом ключе, в связи с тем или иным типом культуры, так как общее мировоззрение и мировосприятие, характерное для человека определенной эпохи, отражается на всех сферах: образе жизни, творчестве, мышлении. Современному ученому, чей исследовательский взгляд направлен в историческое прошлое, необходимо прежде уяснить общие особенности картины мира человека того времени, а затем рассматривать то или иное явление культуры. Так, всепроникающее религиозное мировоззрение человека древнерусского периода, чей образ жизни, быт, культура были полностью пре-

допределены богословием, лишает, например, концепт *ум* смысла сугубо интеллектуальной деятельности, напояя его религиозным содержанием. Поэтому *ум* в языке Средневековья трактовался как дух, интеллектуальная деятельность отождествлялась с духовной (т.е. эмоционально-нравственной), а умным считался тот, кто постиг Божественную истину, постиг законы миропорядка, устроенного Богом (см. подробнее Часть 2 § 2).

Другие авторы берут для исследования концепта более ограниченный материал – собственно лингвистический – и рассматривают концепты в рамках одной культуры. С.Г. Воркачев, исходя из идеи, предложенной В.И. Карасиком, о наличии трех составляющих концепта, представляет анализ смыслового наполнения концептов *любовь* и *счастье* [Воркачев 2001, 2004] по единообразной модели. При изучении концепта *счастье* эта модель анализа выглядит следующим образом.

На предварительном этапе изучения описываются мифологические (дофилософские), философские, психологические, этические и аксиологические фелицитарные концепции. Далее исследователь анализирует понятийную составляющую концепта на материале двух дискурсных реализаций обыденного сознания: поэтической (бытийной) и обиходной (паремиологической и бытовой). С.Г. Воркачев рассматривает фелицитарную идею, представленную поэтическим дискурсом, в двух планах: счастье как внешнее явление по отношению к субъекту (счастье как наслаждение внешними благами, например, природой, здоровьем; счастье как возможность получать удовольствия от этих благ и т.д.) и счастье как внутреннее, духовное благо в самом человеке (счастье как обретение смысла жизни, счастье как любовь к ближнему, счастье как реализация поэтического дарования и т.д.).

На следующем этапе работы С.Г. Воркачев определяет концепцию счастья на уровне наивной картины мира с опорой на паремиологический фонд русского языка. Ученый приходит к выводу, что в русском народном сознании исторически в меньшей степени закрепилось осмысление счастья-блаженства, в отличие от более частотного варианта: счастье как следствие добродетели.

Анализ анкетных данных, собранных на следующем этапе, позволяет определить, по мысли С.Г. Воркачева, бытовое осмысление счастья. Результаты обработки данных таковы: безусловное лидерство занимает эпикурейская концепция (счастье как отсутствие моральных и физических страданий, счастье – это покой, отсутствие забот и болезней, безмятежность, ничегонеделание и т.д.), далее располагается гедонистическая концепция (счастье как множество различных наслаждений, приносящих радость и прочие положительные эмоции). Значительная часть ответов предполагает понимание счастья как наличие и исполнение желаний, любви и заботе о близких, наличие семьи и благополучных отношений в ней. Не менее важными в осмыслении счастья для носителей современного русского языка являются, по результатам исследования С.Г. Воркачева, наличие и достижение цели в жизни, наличие свободы как способа реализации личности, наличие гармонии и согласия человека с миром, наличие удовлетворенности (духовной и физической).

Многие, по словам исследователя, находят счастье в общении и во взаимопонимании. Возможность самореализации, возможность состояться, соответствовать своему жизненному призванию и понимание счастья как эфемерного, мимолетного явления также присуще многим носителям современной русской лингвокультуры. С.Г. Воркачев подчеркивает, что в паремиологии и в сознании современных носителей языка осмысление тех или иных феноменов может не совпадать. Это касается и концепции счастья. В пословично-поговорочном фонде главенствующими являются «стоические» представления о счастье как о добродетельной жизни, прослеживается радение о дарах духовных. В ответах респондентов смирение со своей судьбой и советливость занимают чуть ли не последнее место, а в число приоритетных включаются материальные блага. Однако эти блага дополняются духовными ценностями (любовь, семья, желания, наличие цели и смысла жизни и т.п.).

Анализ образной составляющей, по мнению С.Г. Воркачева, проводится по нескольким параметрам: степени специфичности / универсальности способов метафоризации, их частотности, по типу прямого, производного значения лексической единицы, которой уподобляется счастье, по основанию

уподобления, т.е. признаку, задающему область сходства субъектов метафоры, по степени явленности (названности) «вспомогательного субъекта». Так, С.Г. Воркачев приходит к идее о том, что счастье сопоставляется с жидкостью или газом, заполняющим пространство или человека изнутри; воздухом, которым можно дышать; человеком, который где-то живет, просыпается, обманывает и т.д.; с птицей или цветком, светом или огнем, который обжигает, но и согревает; с объектом, который можно унести, отдать, найти, поделить и т.п.; сном или мечтой; парусником или призраком и т.д. Исследователь не просто фиксирует частотные метафорические обороты, но пытается выявить архетипические предпосылки, определяющие специфику такой образности.

Выявление значимостной составляющей концепта, по мысли С.Г. Воркачева, складывается из описаний синтагматических и парадигматических связей слова-концепта (имени концепта) на современном этапе развития языка и обращении к фактам диахронии, определяющим направление «семантической деривации», так как в современном содержании концепта так или иначе проявляются следы культурной памяти. Обращаясь к этимологии слова *счастье*, С.Г. Воркачев обнаруживает общность его корня со словами *часть*, *участь* (*удел*, *доля*, *судьба*). Именно такие значения фиксировались как исходные в исторических словарях. Исследователь, опираясь на лексикографический материал разных эпох, рассматривает эволюцию значений слова *счастье* и находит ряд существенных изменений, так или иначе отражающих изменение коллективного сознания в осмыслении концепции счастья. Анализ значимостной составляющей исследователь заканчивает рассмотрением частеречной специфики единиц фелицитарной семантики.

Далее С.Г. Воркачев предлагает анализ концепта *блаженство* как семантического дублета счастья и рассматривает частные аспекты осмысления фелицитарной идеи (фелицитология возраста, фелицитология гендера) [Воркачев 2004].

Другой представитель лингвокультурного подхода к изучению концептов В.А. Маслова использует похожий на представленный С.Г. Воркачевым план анализа концепта. Для

установления смыслового объема изучаемого феномена исследователь предлагает предпринять следующие шаги:

1) определить референтную ситуацию, к которой принадлежит данный концепт;

2) установить место данного концепта в языковой картине мира и языковом сознании нации, используя энциклопедические и лингвистические словари (при этом словарная дефиниция является ядром концепта);

3) учесть особенности этимологии;

4) привлечь к анализу самые разнообразные контексты: поэтические, научные, философские, публицистические, пословицы и поговорки и т.д.;

5) сопоставить полученные результаты с анализом ассоциативных связей ключевой лексемы (ядра концепта);

6) рассмотреть аналогии интерпретации концепта в живописи, музыке, скульптуре и т.д. [Маслова 2007: 58–59].

М. В. Пименова также рассматривает концепт как феномен культуры и предлагает его описание через систему существующих в национальной культуре кодов. Под **кодом культуры** М.В. Пименова предлагает понимать «макросистему характеристик объектов картины мира, объединенным общим категориальным свойством; некую понятийную сетку, используя которую носитель языка категоризирует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний миры» [Пименова 2006а; Пименова 2007]. Исследователь также подчеркивает, что при переносе характеристик из одного кода культуры в другой возникает метафора или метонимия. «В основе метафоры и метонимии, – продолжает М.В. Пименова, – лежат **когнитивные модели** – некие стереотипные образы, с помощью которых организуется опыт, знания о мире» [Пименова 2005: 124].

Среди существующих в каждой культуре систем культурных кодов М.В. Пименова называет природный, растительный (вегетативный, фитоморфный), зооморфный (анимальный, териоморфный), перцептивный, соматический, антропоморфный (включающий индивидуальный и социальный субкоды), предметный, пищевой, метеорологический, химический, цветовой, пространственный, временной, духовный, теоморфный (божественный), галантерейный, игровой, математический, ме-

дицинский, музыкальный, этнографический, экологический, экономический.

В работе «Антропоморфизм как способ объективации концепта *сердце*» М.В. Пименова структурирует концепт *сердце* на основе антропоморфного кода и обращается к исследованию этого концепта через метафору и метонимию, которые проявляются в рамках существующей в национальной культуре системе **кодов культуры**, являющихся отображением определённых этноспецифических представлений. Эта система основана на «свойстве мышления человека, живущего в природной и социальной среде, переносить на свой внутренний мир и его объекты антропоморфные и биоморфные характеристики», на его «способности соотносить явления из разных областей, выделяя у них общие признаки» [Пименова 2005а].

Структура концепта *сердце* в работе М.В. Пименовой представляет собой поле, ядром которого является наиболее продуктивная макро модель «сердце > человек», а срединное положение и периферию концепта занимают всё менее продуктивные когнитивные модели, например, окказиональная «сердце > скопец». Материалом исследователю послужили тексты произведений русской литературы [Там же].

Данная методика применялась М.В. Пименовой к описанию концептов ментальной сферы. Исследователь анализирует метафорические образы-репрезентанты данных концептов и систематизирует их в свете кодов культуры. Так, ум человека и его мысли могут быть метафорически представлены через образы неживой природы: 1) образы стихий (огня: *искры ума*; воды: *пролить мысли*; воздуха: *воздушные мысли*; земли: *мысли прорастают*); 2) образы химического (вещественного) кода (ср.: *мысли кипят и воспаляются*; *кристальный ум* и др.); 3) образы продуктов – натуральных или созданных человеком (ср.: *ум варится в голове*; *умом – свиной кормить* и др.).

Однако наиболее частотными репрезентантами ментальных концептов являются образы живой природы, классифицируемые исследователем как образы фитоморфного кода (ср.: *мысль зреет*, *умственные зерна* и т.п.), биоморфного кода с отмеченными в нем витальными и перцептивными признаками (ср.: *мысль питала*; *мысль кружилась*; *глядящая мысль*; *близо-*

рукий ум и др.), зооморфного кода (ср.: *мысль терзает; мысль царапает; мысли встали на дыбы; ум – ворон; ум парит* и др.), антропоморфного кода (ср.: *мужской и женский ум; мысли дьявола; кроткий ум* и др.) и теоморфного кода (ср.: *повелевать умом; ум – гений; великий ум* и др.).

Особое место в системе метафорических репрезентантов концептов ментальной сферы занимают образы мира «Человек и то, что им создано», это образы предметного кода (ср.: *нить мысли; паруса ума* и т.п.), пространственного кода (ср.: *мысли, как тучи; луч мысли* и др.), темпорального кода (ср.: *мысль секундная; заря ума; весенние думы* и др.), духовного кода (ср.: *изящество мысли; тонкая мысль; гармония ума* и др.) [Пименова 2006б].

Методика, предложенная М.В. Пименовой, позволяет системно описать метафорические репрезентанты культурно значимых концептов. Эта методика использовалась также исследователями Т.В. Леонтьевой [Леонтьева 2003], Н.М. Сергеевой [Сергеева 2004], А.А. Мишиным [Мишин 2007] при изучении единиц смыслового поля «Интеллект» в разных лингвокультурах.

Методики исследования художественных концептов

Исследование метафоры как механизма концептуализации новых знаний и средства репрезентации когнитивных процессов оказывается особенно интересным при изучении индивидуально-концептуальных структур, отраженных в художественном тексте.

При анализе художественных концептов продуктивен метод интроспекции, важность которого отстаивают такие лингвисты, как А. Вежбицка [1996] и Р.М. Фрумкина [1991]. А.Вежбицка утверждает, что «лингвист не может описать концепт вне апелляции к своему внутреннему миру» [Вежбицка 1996: 4].

Метод анализа ассоциативно-смысловых полей, выстраиваемых при изучении художественных текстов, описывается в работах Н.С. Болотновой [Болотнова, 1994, 2000а, 2000б].

Исследователь изучает лексическую структуру художественного текста в ассоциативном аспекте и утверждает, что в произведении «фокусируется широкий спектр индивидуально-авторских (звуковых, слуховых, зрительных, осязательных, моторно-двигательных) представлений о предмете» художественного осмысления. Анализируя поэтический текст, Н.С. Болотнова проводит соответствия между «элементом словесно-художественной структуры» и его «ассоциатами», эксплицированными в произведении, и определяет «смысловые корреляты», которые составляют ассоциативно-смысловое поле данного элемента художественного текста. Эти смысловые корреляты и являются концептуальными значениями изучаемых в тексте ментальных образований.

Иная методика предлагается Л.Г. Бабенко. Исследователь утверждает, что каждое литературное произведение воплощает индивидуально-авторский способ восприятия и организации мира, т.е. частный вариант концептуализации мира [Бабенко 2004: 108]. Однако, как утверждает Л.Г. Бабенко, в тексте могут существовать универсальные представления о мире и уникальные, самобытные, нередко парадоксальные представления автора о мире. Степень соответствия универсального и индивидуально-авторского может быть разной: от полного тождества до разительного несовпадения [Там же]. Изучать концептуальное пространство текста Л.Г. Бабенко предлагает с помощью метода анализа когнитивно-пропозициональных структур.

Следует оговориться, что такая методика берет начало в логическом направлении языкознания (см. об этом: Н.Д. Арутюнова 1991; Р.И. Павиленис 1983, 1986; Ю.Г. Панкрац 1992 и др.).

Сущность пропозициональной структуры кратко охарактеризовал А.С. Кравец: «Пропозиция является элементарным высказыванием, связывающим имя номинации с предикатом... Субъект высказывания (подлежащее) намечает тему мыслительного акта, тогда как доминанты смысла (то, что хотим сказать о субъекте) разворачивается в предикации. Лишь соединение субъекта с соответствующим предикатом образует законченную мысль, т.е. предложение» [Кравец 2001: 21].

Л.Г. Бабенко использовала теорию пропозиции при анализе концепта *жизнь* в поэзии А.П. Пушкина и концепта *счастье* в рассказах Н. Тэффи [Бабенко 2004: 102–154]. Исследователь предлагает начинать анализ когнитивно-пропозициональных структур текста с изучения контекстов, содержащих предикатные слова одной семантической области, имеющие в тексте концептуальную значимость. Чаще такими предикатными словами, по замечанию Л.Г. Бабенко, являются глаголы, прилагательные, наречия, а также существительные с предикатной семантикой. Например, рассматривая концепт *жизнь* в творчестве А.С. Пушкина, исследователь обобщает регулярные лексические репрезентации всех возможных вариаций субъекта *жизни* (ср.: *я, ты, мы, поэт, священник, Сократ, парнасские жрецы, гусары, Гораций, душа, вечная любовь* и т.д.), всех возможных реализаций сопряженных предикатов (ср.: *Я жить хочу..., Я жить люблю...* и т.д.), анализирует все употребляемые атрибутивные и предикатные позиции при имени *жизнь* (ср.: *жить мирно, дружно, согласно, благополучно, в любви; жить мало; жить в кругу чужих...; жить ...для жизни...; жить, чтоб мыслить и страдать*). Пропозициональная структура в данном случае, по мнению ученого, состоит из следующих позиций: субъект – предикат жизни – образ жизни и ее характеристика – цель жизни – временные параметры жизни.

Следующим этапом исследователь предлагает проанализировать образные репрезентанты концепта *жизнь*, отмечая такие метафорические реализации: *жизнь* – природная стихия (водная стихия, огонь, погода), *жизнь* – пространство (пустыня, даль, могила, поле); *жизнь* – дар; *жизнь* – текст; *жизнь* – живое существо, способное перемещаться, обмануть, играть или с которым можно играть; *жизнь* – сон; *жизнь* – предмет (предмет, имеющий цену, форму, вкус; предмет, которым можно играть; предмет, который можно спрятать); *жизнь* – цветок; *жизнь* – до рога.

Заключительный этап исследования предполагает выявление отношения лирического субъекта к жизни сквозь призму таких оппозиций: *желанность* – *нежеланность*, *прятие* – *непрятие*, *любовь* – *нелюбовь*, *отвращение* – *восхищение* и т.д.

Все отмеченные компоненты Л.Г. Бабенко распределяет по уровням концептуального поля, ядром которого является обобщенная когнитивно-пропозициональная структура. Приядерная зона включает все номинации субъекта и предиката, т.е. когнитивно-пропозициональной структуры; ближайшая периферия поля состоит из образных номинаций концепта; дальнейшая периферия включает субъективно-модальные смыслы концепта. Л.Г. Бабенко подчеркивает обязательный индивидуальный, уникальный характер содержания данного поля, поэтому в произведениях других авторов оно может быть структурировано иначе [Бабенко 2004: 138–154].

Описанная методика предполагает анализ концептуального пространства художественного текста. Однако изучение концептов посредством описания когнитивно-пропозициональной структуры возможно и на материале естественного языка. И.К. Миронова в диссертационной работе «Концепт *еда* в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозициональные структуры и их лексические репрезентации» предприняла успешную попытку проанализировать названный феномен на лексикографическом материале [см. подробнее: Миронова 2002].

В работе Е.В. Дзюбы «Концепты *жизнь* и *смерть* в поэзии М.И. Цветаевой» предложена иная методика анализа художественных концептов. За основу исследования взята идея А.Н. Леонтьева о разграничении объективных и личностных смыслов [см. работы Леонтьева 1983; Пищальниковой 1991]. Выявленные в поэтических контекстах М.И. Цветаевой доминантные смыслы концептов *жизнь* и *смерть* сопоставляются с данными современной лексикографии. Так, например, в структуре концепта *жизнь* выделяются объективные и индивидуально-авторские смыслы. Среди объективных значений актуальными для М. Цветаевой оказались следующие: *жизнь* – это 1) окружающий мир, внешнее бытие; 2) период существования человека; 3) образ существования человека; 4) проявления биологической жизни человека, животного, растения; 5) полнота проявления духовных сил, внутренняя жизнь человека.

Индивидуально-авторские смыслы являются производными значениями от ядерных, объективных. Развитие личностных смыслов концепта *жизнь* происходит в следующих направлениях.

1. Абсолютизация значения. Развитие семантики в сторону обобщения: в поэтическом языке М. Цветаевой значение витального глагола тяготеет к выражению семантики бытийности, что акцентирует идею абсолютизации витального значения, его тождественности высшему, субстанциональному бытию.

2. Расширение имеющегося в языке значения слова-концепта *жизнь* за счет внесения дополнительных коннотативных оттенков. В художественном сознании М. Цветаевой *жизнь* как 'внешнее бытие', 'окружающая действительность' предстает неполноценной, инородной, чуждой внутреннему *Я* лирического субъекта (ср.: *жизнь* – невыносимое мучение, жестокое наказание, тяжелая болезнь, тяжкое бремя, ад, орудие пытки и истязания человека (*ножи, рельсы*), борьба, в которой не хочет участвовать лирическая героиня).

3. Символизация объективного значения. В поэтическом языке М. Цветаевой слово-концепт *жизнь* приобретает символические значения, семантически отождествляясь с лексемой *Судьба* (сила, предопределяющая внешнее бытие человека). При этом собственно индивидуальное осмысление субстанции *жизни-судьбы* осуществляется в русле ее «опредмечивания» (ср.: *судьба* – облачко, колесо судьбы, в этом контексте *жизнь / судьба человека* – это объект, который можно подать, передать, точить, обратить в руину, продать, ею можно овладеть) или «персонификации» (ср.: *жизнь крутобровая, судьба-злодейка, жизнь – охотник* и др.).

4. Ограничение сферы употребления слова-концепта. Интересным фактом цветаевской поэтики является то, что лексема *жизнь* в значении 'период существования человека' используется только для номинации чужой экзистенции. Для обозначения собственной жизни поэт употребляет бытийный глагол, придавая своему существованию субстанциональный характер (ср.: *Я тоже была, прохожий. Прохожий, остановись!*).

5. Семантическое углубление. Объективное значение 'жизнь как проявление биологического существования' конкретизируется в поэзии М. Цветаевой номинациями эмоционально-

физиологических свойств живого организма: роста, дыхания, движения, кровобеспечения и т.д. Физиология человека не часто становится предметом поэтической речи, но в поэтике М. Цветаевой она приобретает особый статус, превращаясь в экспрессивно значимые элементы поэтики (ср.: *К тебе, имеющему быть рожденным Столетие спустя, как отдышу, - Из самых недр, как на смерть осужденный, своей рукой пишу...*; *Стало быть, жив! Веки смежив, Дышишь, зовут – Слышишь...*). Более того, у М. Цветаевой реализация таких смыслов служит средством «оживления» объектов окружающего мира: деревьев, артефактов (*дома, письменного стала*), а также персонификации логических понятий. Для данного поэта явление переключения витальной семантики становится способом одухотворения внешнего бытия в целях его освоения, облагораживания, создания хоть какого-либо уюта во внешнем мире для лирической героини.

6. Конкретизация объективных смыслов концепта. Одно из значений глагола *жить* ‘быть поглощенным чем-либо, увлеченным кем-, чем-либо, считать что-либо главным в жизни’ в поэтическом творчестве М. Цветаевой наполняется конкретным содержанием: ‘жизнь – экзистенциальное бытие, в котором осуществляется возможность реализации божьего (поэтического) дара’. Основными репрезентантами указанного концептуального смысла становятся такие образы: 1) *жизнь* – текст: книга, повесть, летопись (ср.: *...Начат жизненный первый том...; Смерть окончанье – лишь рассказа!; Дети, пишите сами повесть дней своих...*); 2) орнитологические образы-символы (И.О. Осипова, 1995), отождествляющие творца с птицей, вольным летчиком, а процесс творения – с полетом и актуализирующие идею принадлежности поэта к высшей сфере бытия, его органической связи с надземным, небесным пространством, его близостью к субстанциональному бытию. Таким образом, экзистенциальное бытие цветаевской героини в системе представлений автора отождествляется со способностью к творчеству, к осмыслению самого себя и мира посредством художественного слова. Так, творчество отождествляется поэтом с самой жизнью, творческий акт наполняет экзистенцию человека субстанциональным содержанием

7. Включение в структуру концепта ориентационно-темпоральных смысловых компонентов. Среди ориентационных

параметров существенны такие измерения: горизонтальное, связанное с экзистенциальным бытием (ср.: *жизнь – путь, дорога*), вертикальное – с субстанциональным (ср.: *на земле – по направлению ввысь – под небом...*); открытое (*жизнь – пустыня, поле, море*) и реже замкнутое (*дом, жилище*); экстравертированное и густонаселенное (ср.: *жизнь – рынок, барак*) и интровертированное, пустынное (*жизнь – пустыня*). Таким образом, среди пространственных смыслов концепта *жизнь* выделяются следующие: 1) 'существование человека в земном пространстве: горизонтальном; открытом, чаще пустынном'; 2) 'существование в благодном надземном, или поднебесном пространстве (среди птиц, деревьев и т.д.)'; 3) 'существование во внутреннем, «символическом» (К. Орлова, 1982) пространстве души и духа'.

Изучение лексических показателей категории времени позволило выявить следующее: экзистенциальное бытие явлено как определенно- и неопределенно-соотнесенное и измеренное (при этом актуализируется идея календарной, исторической, возрастной соотнесенности, ср.: *Рождение – паденье в час...; Загадочный век мой – хорош...; В век турбин и динам Только жить, что калекам!; Век пятилетний так счастливо прожит...*); субстанциональное бытие характеризуется неопределенной длительностью (ср.: *Твой нежный образ вечно мил, Им сердце вечно жить готово...*) или понимается как вневременная сущность (ср.: *..Двадцатого столетья – он, Я – до всякого столетья...; Ибо мимо родилась Времени!; Время! Я тебя миную...; Все признаки с меня, все меты, Все даты! – как рукой сняло...*). Таким образом, экзистенциальное бытие в поэтическом сознании М. Цветаевой трактуется как подвластное времени, измеримое, соотнесенное с какими-либо явлениями; субстанциональное бытие неизмеримо, абсолютно; при этом собственную жизнь лирическая героиня связывает с субстанциональным временем.

К вышесказанному следует добавить, что в поэтическом мире М. Цветаевой прослеживается неразрывная связь времени и пространства: *жизнь* как период экзистенции человека соотносится с земным пространством, при этом наличное бытие человека тягостно и мучительно, что обуславливает устремленность лирического субъекта к надземным пространствам, где жизнь совершенна, абсолютна, вневременна.

8. Включение в структуру концепта *жизнь* перцептивных смысловых компонентов, которые представляют собой ментальную обработку данных сенсорного восприятия мира (визуального, или колористического, аудиального, а также кинетических параметров: термического, вкусового, тактильного и одорического).

Для М. Цветаевой особенно актуально визуальное (колористическое), аудиальное и термическое восприятие субстанции *жизнь* (данная субстанция окрашивается в такие цвета: *красный* (цвет жизненного горения), *темный* (определение грешной жизни), *голубой* (определение нравственно чистой жизни), *серебряный* (определение жизни близких людей, *серебряный* – любимый цвет М. Цветаевой) и т.д.; аудиально *жизнь* ассоциируется с *голосовым надрывом*, *хрипом* и – реже – *стуком*. Среди термообозначений *жизни* наиболее актуальны образы, выражающие семантику горения: *жизнь* – *факел*, *костер*, *огонь*). При характеристике витального процесса в поэзии М. Цветаевой не встречаются лексические показатели тактильной и одорической перцепции, что позволяет сделать вывод о несущественной роли указанных каналов (тактильных и ароматических ощущений) в сенсорном восприятии мира у данного автора.

9. Включение в структуру концепта *жизнь* аксиологических компонентов. Экзистенциальные проявления *жизни* оцениваются лирической героиней и самим автором резко отрицательно; субстанциональные параметры, связанные с внутренней духовной жизнью человека, способностью испытывать глубокие чувства, склонностью к творческому осмыслению бытия, представляются особенно значимыми и, следовательно, ценными.

Результаты исследования смысловой структуры концепта *жизнь* можно представить в виде поля, где ядром являются объективные смыслы концепта, ближайшую периферию составляют индивидуально-авторские приращения смыслов, дальнюю периферию составляют образные репрезентанты концепта, крайнюю периферию представляют единицы обработки сенсорных данных. Компоненты в структуре концепта распределяются по степени ментальной обработки данных: от ядерных (сложившаяся понятийная область) – к периферийным (область единиц воображения и сенсорного восприятия). Методика выявления в структуре художественного концепта индивидуально-

авторских смыслов путем сопоставления с объективными, закреплёнными в сознании народа значениями представляется автору исследования продуктивной и интересной, так как позволяет определить специфику индивидуальностеспецифичных ментальных образований (см. об этом: Дзюба 2001).

Помимо названных методик для изучения художественных концептов применяются и иные методы, например, рассмотренный ранее метод метафорического моделирования (см. работы: Н.В. Головенкиной [Головенкина 2007], А.С. Назина [Назин 2007], М.Б. Шинкаренковой [Шинкаренкова 2005] и мн. др.).

Несомненно, в современной когнитологии разработано множество методик анализа концептуальных структур. В настоящей работе для описания концепта *ум* будут применяться фрагменты методики лингвокультурологического и когнитивно-семантического исследования концептов.

Концепт является ключевым понятием теории концептуальной лингвистики. В зависимости от аспекта и методов изучения концепта, в зависимости от рассматриваемых способов репрезентации концептуальных смыслов выделяют многочисленные направления изучения концептуальных структур, из которых наиболее актуальными в настоящее время являются лингвокультурологическое и когнитивное (в т.ч. когнитивно-семантическое и когнитивно-дискурсивное).

Главным отличием когнитивного и лингвокультурологического подходов является признание / непризнание первостепенного значения ценностной (значимостной) составляющей концепта, обусловленной спецификой той или иной лингвокультуры. Приоритет этнокультурного компонента отстаивают В.И. Карасик, Н.А. Красавский, В.В. Красных, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, Г.Г. Слышкин и др. представители лингвокультурологического направления концептуальной лингвистики. Приоритет структурно-смыслового аспекта в изучении концепта отстаивают В.В. Колесов, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова,

И.А. Стернин и др. В.И. Карасик, осмысляя различие названных подходов, подчеркивает, что когнитологов интересуют общие процессы сохранения и структурирования в индивидуальном сознании информации о мире и самом себе в виде определенных структур представления знаний и оценок. При этом акцент делается на переработке информации от сенсорных сигналов до ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т.п.) в сознании человека. Лингвокультурологов интересуют только те концепты, которые характеризуют специфику культуры как совокупности человеческих достижений во всех сферах человеческой жизни. По мысли исследователя, «когнитивные концепты – это индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие окружающую действительность. Культурные концепты – это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры» [Карасик 20015: 29].

Следует отметить, что целый ряд современных ученых акцентируют внимание на образной составляющей концептов и механизмах образования когнитивных структур посредством метафорического моделирования (А.П. Чудинов, Э.В. Будаев и мн. др.).

В данной работе концепт трактуется расширенно, т.к. под это обозначение подводятся «разносубстратные единицы оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия» [Кубрякова 1988: 143]. На основании вышеизложенных трактовок изучаемого понятия можно составить общее определение концепта.

Концепт – это сложное, целостное, непрерывно формирующееся образование в ментальном мире человека, которое является результатом совмещения, с одной стороны – данных сенсорного восприятия какого-либо объекта, продуктов воображения, житейского опыта и т.д., с другой стороны – языковых категорий и структур;

которое также:

1) «образуется и функционирует в силовом поле между значением слова и смыслом понятия» – В.В. Колесов (функциональный аспект);

2) «вбирает в себя обобщенное содержание множества форм своего выражения» – В.А. Лукин (методико-аналитический аспект);

3) включает в себя структурные единицы разных уровней: объективные и индивидуальные смыслы («психологическое значение» и «личностные смыслы») (А.А. Леонтьев, В.А. Пичальникова), образные представления о тех или иных субстанциях, а также ментально преобразованные данные сенсорного восприятия (визуальные, тактильные, слуховые, вкусовые... и другие возможные характеристики объекта) (антропологический аспект);

4) с одной стороны, имеет «логично-организованную динамичную структуру, состоящую из исходно-базисного элемента и связанных с ним через прототипическое значение производных элементов» – Н.К. Рябцева; с другой стороны, само является единицей, составляющей в совокупности с себе подобными единую непрерывно формирующуюся и пополняющуюся концептуальную систему (структурный и системный подход).

В отношении структуры концепта все исследователи сходятся в одном мнении: концепт включает в себя набор когнитивных признаков, которые по степени значимости и смысловой оформленности располагаются от центра к периферии и представляются в виде поля, имеющего ядерную и приядерную зоны, уровень ближайшей и дальнейшей периферии. При этом основные (общие, универсальные) когнитивные признаки находятся в центре и составляют ядро; интерпретационное поле концепта (этноспецифичные и индивидуальные когнитивные признаки) составляет периферию. При изучении безэквивалентных концептов в той или иной лингвокультуре структура может выглядеть иначе.

За последние десятилетия наука накопила множество методик концептуального анализа, специфика которых обусловлена особенностями подхода к изучению концептуальных структур или их отдельных составляющих.

В данной работе изучение концепта ум будет проводиться с опорой на комплексную методику, включающую 1) анализ лексикографических источников (в том числе – «исторических»), представляющих смысловое поле «Интеллект»; 2) изу-

чение научного представления понятия *интеллект человека* с опорой на исследования современных психологов; 3) рассмотрение паремиологического фонда русского и других языков в сопоставительном аспекте; 4) анализ данных ассоциативного эксперимента.

ЧАСТЬ II. КОНЦЕПТ «УМ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Концепт *ум* как одно из фундаментальных понятий русской лингвокультуры неоднократно подвергался изучению. Так, А.М. Леонтьева на материале русских нормативных и диалектных словарей описала концепты *ум* и *глупость* [Леонтьева 2003]; Л.Б. Никитина рассмотрела некоторые аспекты интеллектуальной деятельности человека при анализе концепта *homo sapiens* [Никитина 2006]; О.Н. Кондратьева на материале древнерусских летописей изучила концепты *дух*, *сердце*, *ум* как компоненты понятия «внутренний человек» [Кондратьева 2004а, 2004б, 2005]; Н.М. Сергеева предприняла успешную попытку анализа образной составляющей концептов *ум* / *разум* в русской языковой картине мира [Сергеева 2004б].

Концепт *ум* становился также предметом сопоставительных исследований. Так, М.К. Головановская среди базовых концептов русского и французского менталитетов рассмотрела феномен *ум* / *esprit* (а также *разум*, *рассудок*, *интеллект* / *intelligence*, *raison*) с в его связи с единицами *душа* / *âme* и *совесть* / *conscience* [Головановская 2009]; О.Г. Дубровская изучила паремии смыслового поля *ум* в русском и английском языках [Дубровская 2002]; А.А. Мишин сопоставил вербальные реализации концепта *ум* в немецком и английском языках [Мишин 2007]; М.В. Пименова описала и систематизировала в соответствии с кодами культуры (теоморфным, антропоморфным, зооморфным, предметным, химическим и т.д.) метафорические репрезентации концептов ментальной сферы в русском и английском языках [Пименова 2001, 2006б].

В данном исследовании центральный концепт интеллектуальной сферы рассматривается, с одной стороны – в историческом аспекте, в соответствии с тем или иным типом культуры; с другой стороны – в сопоставлении научного описания интеллекта человека и «наивного» представления русского народа об уме.

§ 1. Концепт «ум» в научной картине мира (психологический аспект)

Изучением процессов мышления, механизмов получения знания (переработки полученной из окружающего мира информации, ее фиксации в виде ментальных единиц в сознании человека, способы ее репродуцирования и т.п.) активно занимаются отечественные и зарубежные ученые: психологи, философы, лингвисты и др. Следует уточнить, что в науке, в т.ч. отечественной, используется не термин *ум*, психологи предпочитают использовать термин *интеллект*, философы – термины *разум*, *рациональность*.

Остановимся на исследованиях отечественных психологов. Существуют разные подходы к изучению интеллекта человека, это обуславливает множество определений данного феномена. Слово *интеллект* восходит к латинскому глаголу *intellegere* – «1) ощущать, воспринимать, подмечать, замечать; 2) познавать, узнавать; 3) мыслить; 4) знать толк, разбираться» [Дворецкий 2006]. Таким образом, понятие *интеллект* связано с процессами восприятия информации из внешнего мира или о себе самом, процессами познания, мышления, способами фиксации знания в той или иной области, что обеспечивает осведомленность человека в какой-либо сфере (ср.: *знать толк, разбираться в чем-л.*). Такая интерпретация в целом не противоречит данным современных психологических исследований, однако специалисты различают целый ряд направлений в изучении интеллекта человека. Отечественные психологи Б. Мещеряков и В. Зинченко отмечают современные направления исследования интеллектуального потенциала человека: изучение психофизиологических задатков общих умственных способностей (В.Д. Небылицын, Э.А. Голубева, В.М. Русалов и др.); изучение эмоциональной и мотивационной регуляции интеллектуальной деятельности (О.К. Тихомиров); изучение когнитивных стилей (М.А. Холодная) и мн. др. [Мещеряков, Зинченко 2004].

Попытку обобщить исследования отечественных и зарубежных психологов предпринимает И. Кондаков: «Существует ряд принципиальных трактовок интеллекта. В структурно-генетическом подходе Ж. Пиаже интеллект трактуется как выс-

ший способ уравнивания субъекта со средой, характеризующийся универсальностью. При когнитивистском подходе интеллект рассматривается как набор когнитивных операций. В факторно-аналитическом подходе на основании множества тестовых показателей отыскиваются устойчивые факторы (Ч. Спирмен, Л. Тестоун, Г. Айзенк, С. Барт, Д. Векслер, Ф. Вернон)» [Кондаков 2000].

С.Ю. Головин отмечает, что «это понятие [интеллект – *Дзюба Е.В.*] определяется достаточно разнородно, но в общем виде имеются в виду индивидуальные особенности, относимые к сфере познавательной, прежде всего – мышлению, памяти, восприятию, вниманию и др.» [Головин 1998]. «Подразумевается, – продолжает свои рассуждения исследователь, – определенный уровень развития мыслительной деятельности личности, обеспечивающий возможность приобретать все новые знания и эффективно использовать их в ходе жизнедеятельности, – способность к осуществлению процесса познания и к эффективно-му решению проблем, в частности – при овладении новым кругом жизненных задач. Интеллект – относительно устойчивая структура умственных способностей индивида. В ряде психологических концепций он отождествляется: 1) с системой операций умственных; 2) со стилем и стратегией решения проблем; 3) с эффективностью индивидуального подхода к ситуации, требующего активности познавательной; 4) со стилем когнитивным» [Там же].

Исследователь также ставит проблему единства и дискретности интеллекта. С.Ю. Головин подчеркивает, что интеллект предполагает определенный набор ментальных операций и способностей человека, которые складываются в единую интеллектуальную систему. Так, ученый замечает: «Особая роль принадлежит наблюдательности, операциям абстракции, обобщения и сравнения, создающим внутренние условия для объединения разной информации о мире вещей и явлений в единую систему взглядов, определяющих нравственную позицию личности, способствующих формированию ее направленности, способностей и характера» [Там же].

Идею дискретности интеллекта поддерживает Л.Г. Гуслякова, которая отмечает в содержании дефиниции термина *ин-*

теллект зависимость его развития от набора познавательных способностей индивида. В этот набор, по мнению исследователя, включаются «ощущения, восприятие, память, представления, мышление, воображение» [Гуслякова 1997]. При этом интеллект признается как «общая способность к познанию и решению проблем, определяющая успешность любой деятельности и лежащая в основе других способностей» [Там же].

Психологов интересует также вопрос о наличии социальных, экономических, демографических и иных факторов, обуславливающих развитие интеллекта. Так, С.Ю. Головин утверждает: «Следует считать несостоятельными утверждения о врожденной обусловленности различий в уровне развития интеллектуального у представителей разных наций и социальных групп. При этом признается зависимость интеллектуальных способностей человека от социально-экономических условий жизни» [Головин 1998].

Для определения интеллектуального потенциала отдельного индивида, то есть уровня интеллекта, стал особенно распространенным метод тестирования, разрабатываемый зарубежными и отечественными исследователями. Так, английский психолог, профессор Лондонского университета Ганс Айзенк разработал тестовые задания для измерения интеллекта человека, определения коэффициента интеллекта индивидуума (IQ). При этом исследователь указывал, что при выполнении тестовых заданий важна не только успешность выполнения, но также скорость ментальных процессов.

В своих теоретических работах Г. Айзенк подчеркивает: «...первые психологи сделали физиологическое предположение о том, что относительная скорость нервных импульсов в центральной нервной системе может быть причиной различий в интеллектуальных способностях... Сейчас представляется очевидным, что ... умственные способности и функции должны измеряться при помощи тестов ума, в явном виде учитывающих эти способности и функции» [Айзенк 2001]. Исследователь настаивает на том, что с помощью специфических тестов (словесных, пространственных или числовых) можно отдельно измерить «речевой интеллект, числовой интеллект, пространственное воображение» [Там же]. Анализ некоторых тестовых заданий,

предложенных данным психологом, позволит определить, какие ментальные операции предполагают наличие интеллектуальных способностей человека, определить уровень его интеллекта в целом. Рассмотрим некоторые простейшие задания, направленные на...

- измерение речевого интеллекта:

1. Вставьте слово, которое заканчивает первое слово и начинает второе: СТ(...)БЕР.

2. Подчеркните слово, которое не является маркой автомобиля: ГОЛАВ УГЛИИЖ ЧИВСМОК АНРУЛС КАЙАЧ

3. Вставьте пропущенную букву: Д Ж К Н С __

- измерение числового интеллекта:

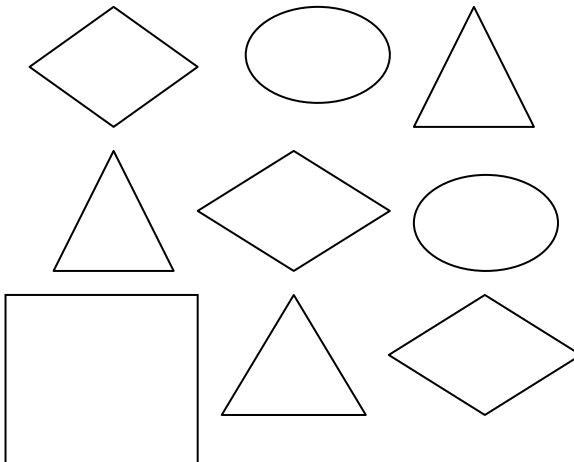
1. Найдите пропущенные числа: 7 10 9 12 11

2. Вставьте пропущенное число: 16 15 17 14 ?

 ?

- измерение пространственного интеллекта:

1. Какая из фигур подходит для свободного места в квадрате (в третьем горизонтальном ряду)?



Решение подобных задач позволяет выявить сущность мыслительных операций, определяющих уровень развития интеллекта человека. К таким ментальным процедурам относятся следующие интеллектуальные действия: сопоставление фактов разной природы (числовых, пространственных, языковых / речевых), выявление общего и различного, определение закономерностей в той или иной последовательности единиц, формулирование выводов, принятие решения (выбор варианта ответа) и т.п.

Перечисленные выше процедуры представляют процесс познания, т.е. самостоятельного получения знания путем проведения определенных интеллектуальных действий на основе имеющихся, полученных ранее знаний, умений, способностей и определенных (заложенных генетически и/или развитых в процессе обучения) функций (специфики ощущений, восприятия, представлений, особенностей памяти и воображения). Психологи также указывают на такие важные характеристики интеллекта человека, как устойчивость интеллектуальных способностей; цельность и одновременно дискретность интеллекта; прагматическая полезность интеллекта (при наличии умения использовать полученные знания в разных / новых жизненных обстоятельствах); подверженность критерию эффективности, успешности в решении разного рода проблем; способность умственной деятельности обеспечивать успешность иных видов деятельности; зависимость уровня развития интеллекта от скорости протекания мыслительных процессов; отсутствие зависимости уровня интеллектуального развития у людей разных социальных слоев, этнических и иных групп и т.д.; зависимость уровня развития интеллекта от социально-экономических условий существования.

Однако данные характеристики, вероятно, более касаются рационального мышления. IQ, как подчеркивают многие специалисты, может свидетельствовать о развитии логики, о скорости мыслительных процессов и т.п., но не всегда свидетельствует об уме и творческом потенциале. Многие исследователи указывают на серьезные недостатки тестов, определяющих коэффициент интеллекта: 1) при проверке IQ не выявляется весь спектр интеллектуальных способностей; 2) определяются глав-

ным образом характеристики рассудка, нежели ума; 3) в основе методики, определяющей коэффициент интеллекта, лежит опора на скорость думания, быстроедействие, кратковременную проверку знаний; не учитывается тот факт, что многие люди думают медленно, но основательно и продуктивно); 4) не выявляется эрудиция, начитанность и компетентность; 5) не выявляется способность к творчеству и созидательной активности.

Однако приверженцы метода тестирования при определении уровня интеллекта не останавливаются на достигнутом, они стремятся совершенствовать методики по оценке IQ. Кроме того, в настоящее время отечественные и зарубежные исследователи вводят в научный обиход понятие эмоционального интеллекта, определяющего творческий потенциал человека, и разрабатывают методики определения уровня креативных возможностей и способностей мышления (см. об этом подробнее работу Р. Глебова [Глебов 2004]).

§ 2. Концепт «ум» как предмет лексикографического описания

В данном разделе рассматривается один из источников информации о смысловом наполнении концепта – лексикографический. Лексические значения слова-концепта, безусловно, не отражают всего содержания концепта, однако каждое из них, по справедливому мнению И.А. Стернина, «выступает как часть концепта, называемая регулярно используемым и воспроизводимым в данном сообществе языковым знаком и представляющая собой коммуникативно релевантную для данной лингвокультурной общности часть концепта» [Стернин 2005: 257]. Таким образом, изучение лексикографического материала позволяет восстановить определенную часть смыслового наполнения концепта, каким он предстает в общенациональном сознании.

Для исследования были выбраны следующие словари: 1) «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского. Санкт-Петербург, 1893. В 3 т.; 2) «Словарь Академии Российской» 1789 – 1794 гг. (URL: www.philipppovich.ru); 3) В.И. Даль. Толковый словарь живого

великорусского языка: В 4 т. СПб.: ТОО «Диамант», 1996; 4) Толковый словарь русского языка: В 4-х т. Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935; 5) Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981 – 1984; 6) С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999; 7) В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. Русский толковый словарь. М.: ЭКСМО, 2006; 8) Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складерской. М.: ЭКСМО, 2006.

Методика лексикографического описания смыслового наполнения слова-концепта *ум* предполагает описание всех лексем, содержащих корневую морфему основного слова (ср.: *ум*, *умничать*, *умствовать*, *умопомрачительный*, *умно*, *умозрение*, *умозаключать*, *слабоумный*, *тяжелоумный*, *тупоумный*, *тугодумный* и т.п.), при этом частеречная принадлежность той или иной единицы часто не имеет принципиального значения для выявления того или иного смыслового компонента. Для подтверждения некоторых данных необходимо также обращение к другим словам одной лексико-тематической группы с единицей *ум* (ср.: *разум*, *рассудок*, *мудрость* и др.).

Всего было проанализировано 2837 дефиниций к лексемам смыслового поля «Интеллект», из них 346 словарных статей – из «Материалов...» И.И. Срезневского, 329 – из «Словаря Академии Российской», 455 – из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, 402 – из «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, 411 – из «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, 285 – из «Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой», 205 – из «Русского толкового словаря» В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной, 2 – из «Толкового словаря русского языка начала XXI века» под ред. Г.Н. Складерской.

Для описания смыслового содержания концепта *ум* на лексикографическом материале был избран исторический подход. Это обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, в данном случае анализируется константная единица культуры, которая имеет древнейшие традиции, она глубоко укоренена в сознании русских людей. Очевидно, что важную информацию в отношении таких единиц может предос-

тавить историческая память народа. Современные исследователи настаивают на необходимости проведения историко-этимологического комментария изучаемых концептов. Так, Н.А. Красавский пишет: «При лингвокультурологическом анализе концептосфер языка в синхронии и диахронии обязательной исследовательской операцией является этимологический анализ, выявляющий способы, средства, в целом динамику развития оязыковлениа того или иного фрагмента действительности... При синхронном подходе ... наблюдаема лишь вершина айсберга: исследователем делается «срез» языкового сознания на ограниченном временными рамками когнитивном пространстве. Обращение же к диахронии экзистенции интересующего феномена позволяет увидеть сложную мыслительную деятельность человека во временной протяженности, что, безусловно, ценно не только для историка языка, этимолога, компаративиста, но и для лингвокультуролога и когнитивиста» [Красавский 2008: 84].

Во-вторых, историко-лексикографический подход позволит не только составить целостное представление о смысловом наполнении концепта *ум* (словари часто не дублируют, а дополняют друг друга в отношении смыслового содержания того или иного понятия), но также проследить развитие значения рассматриваемого слова-концепта при сопоставлении словарей разных эпох.

В-третьих, обращение не только к современным, но и к историческим лексикографическим источникам обусловлено тем, что словари XX-XXI вв. дают очень скудную информацию о том, каково содержание понятия *ум*. Поэтому целесообразно рассматривать специфику формирования представлений русского народа об уме на материале в том числе «исторических» словарей. При этом каждая историческая эпоха характеризуется определенным типом культуры, особой аксиологической парадигмой. Следовательно, тот или иной концепт или концептосферу необходимо изучать в контексте исторически сложившегося типа мышления носителей языка и культуры.

Один из важнейших для русской ментальности концепт *ум* также необходимо рассматривать в историческом аспекте, в соответствии с той системой ценностей, которая господствовала

в определенный исторический период. Это позволит выявить в структуре концепта общие для национального сознания концептуальные смыслы и исторически обусловленные. Исследователи отмечают, что концепт способен изменяться (Н. А. Красавский [Красавский 2008], В. А. Маслова [Маслова 2007], Ю. С. Степанов [Степанов 1997] и др.). Каждая эпоха, частично сохраняя смысловое наполнение концептуальных структур, привносит что-либо свое, идеологически, политически, экономически, социально обусловленное. Если концепт оказывается укорененным в сознании носителей языка на протяжении многих веков, он становится т.н. «константой культуры» (термин Ю. С. Степанова [Степанов 1997]), однако это не снижает интереса к тем компонентам смысла, которые связаны с определенной исторической эпохой.

2.1. Концепт «ум» в «исторических» словарях

Исследование лексикографического материала, репрезентирующего концепт *ум*, ограничивается здесь изучением трех источников:

- 1) «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского;
- 2) «Словарь Академии Российской» 1789 – 1794 гг.;
- 3) «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля.

Основным источником языкового материала для И.И. Срезневского послужили памятники древнерусской письменности. Это, как замечает автор «Материалов...», «собственно русские памятники: ...летописи, грамоты, уставы, послания, слова, сказания, жития святых, записи и написи», а также «памятники славяно-русской церковной письменности...» [Срезневский 1893: 3].

В отношении временного периода собранной лексики И.И. Срезневский в заметке о своих трудах пояснил, что в «Материалах...» представлены три порядка слов: 1) слова, бывшие в употреблении издревле и частью *только* в древности, 2) слова, вошедшие в употребление не ранее XIV–XV века или / и позже, до начала XVIII века частью, и бывшие в употреблении *только*

в это время, 3) слова, вошедшие в употребление в последние полтора века» (т. е. сер. XVIII–XIX вв.). Что касается стилистического разнообразия, то «Материалы...» содержат и книжную лексику, так как основным источником была церковная литература, и элементы народного языка. Так, И.И. Срезневский отмечает: «Из всех этих слов одни искони должны принадлежать народу, другие были достоянием книжного употребления и только частью переходили в общенародное употребление. Из тех и других наиболее важны: 1) слова, выражающие так или иначе быт народный, и 2) слова, изображающие отвлеченные или научные понятия и представления» [Срезневский 1893: 4].

Письменность древнерусского периода, как отмечает В.М. Живов, включала тексты стандартные (текст Св. Писания и богослужения) и гибридные (например, летописи). «Стандартные церковнославянские тексты, – поясняет ученый, – служили ... прямым образцом и в идеологическом, и в литературном, и в языковом отношении. ...Они же оставались эталоном правильного книжного языка и для гибридных текстов. В соответствии с этим гибридные тексты осмыслились как часть христианской литературы, а не как стоящий особняком культурный феномен... В иерархическом построении восточнославянской средневековой книжности именно эти тексты (и стандартные, и гибридные, ориентированные на эталон) выступают как абсолютный, онтологический текст, служащий образцом и моделью для всего культурного пространства» [Живов 1996: 40].

Иными словами, исследуемые И.И. Срезневским источники языкового материала (по терминологии В.М. Живова, стандартные и гибридные тексты) носили сугубо религиозный характер, что во многом обуславливает специфику представления изучаемого концепта в данном словаре, а именно: наличие религиозной доминанты. Это обусловлено особенностями картины мира средневекового человека, поскольку все культурное пространство того времени было подчинено христианскому мировидению [см. об этом: Вендина 2002; Гуревич 1976; Живов 2002; Лихачев 1958].

Такая тенденциозность выявляется и при изучении концепта *ум*, что объяснимо реальной ситуацией того времени, точ-

нее – типом культуры, господствовавшим в эпоху средневековья¹.

А.Я. Гуревич, рассматривая отношение средневекового человека к разным проявлениям жизни (экономическим, политическим, социальным и т. д.), подчеркивает, что исследователь не может понять культуру того времени, игнорируя систему ценностей, лежавших в основе мирозерцания людей средневековой эпохи [Гуревич 1984: 8]. Исследователь настаивает: «...избирая объектом анализа художественное творчество либо право, историографию и другие отрасли духовной деятельности людей средних веков, мы не должны изолировать данную сферу этой деятельности из более широкого культурно-исторического контекста, ибо только в рамках этой целостности, которую мы называем средневековой культурой, можно правильно понять те или иные его компоненты» [Там же 10-11]. Организующим стержнем всей системы ценностей средневекового человека является религиозное чувство [см. об этом: Живов 1996, 2002; Бицилли 1995; Гуревич, 1972, 1984, 2002; Лихачев, 1958]. «Богословие представляло собой «наивысшее обобщение» социальной практики человека средневековья, оно давало общезначимую знаковую систему, в терминах которой члены феодального общества осознавали себя и свой мир и находили его обоснование и объяснение», – замечает А.Я. Гуревич [Гуревич 1984: 11].

Очевидно, что и содержание концепта *ум*, которое было сформировано в языке средневековой Руси, носило отпечаток духовной культуры, отличающейся религиозной доминантой. В

¹ Следует оговориться, что термин *Средневековье* можно использовать не только для европейской, но и для отечественной историко-культурной традиции. Известный исследователь культуры Средних Веков А.Я. Гуревич отмечает: «Спорным остается и вопрос о том, в какой мере понятие «Средние Века» приложимо к истории стран и народов за пределами Западной и Центральной Европы. Большинство историков склонно говорить о Средневековье применительно, собственно, только к этому региону. Однако получила известное распространение мысль о применимости термина «Средние Века» к истории России XIII-XVII веков, равно как и к истории ряда стран Азии и Дальнего Востока, включая Индию, Китай и Японию» [Гуревич 2002: 40].

сознании человека древнерусского периода названный концепт был тесно связан с понятием духовности. Это четко прослеживается на примере значений слов *ум, сердце, душа, дух*, представленных в «Материалах...» И.И. Срезневского. У лексемы *умъ* значение ‘способность мыслить и познавать’ занимает вторую позицию, в то время как в современных словарях это значение мы наблюдаем на первом месте (ср. данные «Словаря русского языка: в 4-х т. Под ред. А.П. Евгеньевой (МАС)»: «ум – 1. Познавательная и мыслительная способность человека, способность логически мыслить»; данные «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой: «ум – 1. способность человека мыслить, основа сознательной, разумной жизни»; данные «Современного толкового словаря русского языка» под ред. Т.Ф. Ефремовой: «ум – м. 1. а) мыслительная способность, лежащая в основе сознательной деятельности; б) большая проницательность, незаурядный и тонкий разум; в) определенный склад мышления, особенности миропонимания; г) *разг.* здравый смысл, определяющий разумное поведение (в противоположность чувству). 2. Сознание, рассудок»).

Если в сознании современного носителя языка ментальная способность противопоставляется чувству, то для средневекового человека такого разделения не существует. Часто лексемы *ум, разум, дух, душа, сердце*, как это представлено в «Материалах...» И.И. Срезневского, употребляются в роли синонимов, что говорит об отсутствии в сознании средневекового человека четких границ между интеллектуальной, этической и эмоциональной сферами. Так, например, значение ‘душа, совокупность духовных сил’ объединяет слова *ум* в первом значении² (ср.:

² В «Материалах для словаря...» нет нумерации значений, так как это не итоговый вариант словаря, а лишь материалы для его составления. Однако в данной работе для удобства описания значения будут пронумерованы в соответствии с той последовательностью, которая предложена И.И. Срезневским. Безусловно, вопрос о принципе последовательности значений слова является спорным. Во-первых, очередность значений может быть обусловлена историческим принципом, т. е. вначале приводится материал из церковно-славянских текстов, далее – из древнерусских; во-вторых, последовательность может зависеть от степени значимости той или иной дефиниции, т. е. первичное значение

«умъ – 1) душа, совокупность духовных сил»), соответственно – *умный* в первом значении (ср.: «умьныи – 1) духовный; 2) умственный, относящийся к уму; 3) мысленный; 4) умный, разумный»), *разумный* в седьмом значении (ср.: «разумьныи – 1) одаренный разумом, умный, разумный; 7) относящийся к душе, духовный») и *сердце* в третьем значении (ср.: «сърдыце – 3) дух, душа, средоточие жизненных сил человека, совокупность ощущений, мыслей и чувствований»). Встречающееся у И.И. Срезневского слово *великоумие* также имеет сему духовности (ср.: «великоумие, великоумити, то же, что *греч.* μεγαλοφροειν – имеющий возвышенный образ мыслей, великий духом, мужественный»).

Идея неотделимости ума только как ментальной категории от чувства подтверждается и многочисленными контекстами, приведенными И.И. Срезневским, в которых представлены выражения *Сын мой дочь вашу возлюбил умом; Душа сидит в голове и ум имеет, как светлое око, в себе; Целым своим умом пишу грамоту душевную; Душа, молитвенной сладости лишаемая, к расслаблению и умертвию умному* (т. е. умерщвлению ума) *приближается...* и др. (см. словарную статью *умъ* в «Материалах...» И.И. Срезневского). Понятия *ум, разум, дух, душа, сердце* имели общий компонент значения ‘духовность’. Для человека средневекового периода категории интеллектуального, эмоционального и этического не осознавались как отдельные, самостоятельные, сливаясь в одно глубокое религиозное чувство. Человек древнерусского периода и сердцем, и душой, и умом стремился постигать Бога.

Более широкая значимость слова-концепта *ум*, которое, в отличие от данных современного русского языка, вступает с семантикой слов *душа, дух, сердце, чувство* то в синонимичные отношения, то в отношения включения и т. д., объясняется и стремлением человека к полисемантичности языкового знака. Так, А.Я. Гуревич отмечает, что «все важнейшие термины его культуры (Средневековья – Дзюба Е.В.) многозначны и в разных контекстах получают свой особый смысл. ...Умение дать «мно-

более употребительно, чем последующие. В данном случае, вероятно, возможно совмещение этих принципов.

госмысленное толкование» одного и того же текста – неотъемлемое качество интеллектуала средних веков» [Гуревич 1984: 12]. «...Собственно говоря, – продолжает рассуждение исследователь, – есть только один язык, одна всеобъемлющая знаковая система, всякий раз особым образом расшифровываемая в зависимости от той сферы человеческой деятельности, к которой она применяется. Не связано ли с этим универсальное господство латыни в средневековой Европе?» [Там же]. «...и старославянского языка в статусе официального – в России», – можно дополнить мысль исследователя. Вероятно, именно стремление к полисемантичности языкового знака обуславливает обилие в книжном языке того периода слов, образованных способом сложения с корневым элементом *ум*, ср.: *великоумие*, *высокоумный*, *готовоумие*, *двуумие*, *детскоумный*, *доблеумный*, *доброумный*, *единоумие*, *жидовцеумец*, *злоумие*, *крепкоумный*, *малоумный*, *мужеумный*, *небоумный*, *нищетоумие*, *слабоумный*, *скудноумный*, *умовредный*, *умодвижение*, *умодельник*, *умодивный*, *худоумный*, *целоумный* и мн. др. Это позволяет обеспечить корневой морфеме *ум* максимальную значимость, позволяет актуализировать разные компоненты или оттенки значения слова.

Ум не мыслится человеком средневековой Руси без Бога-Творца. С одной стороны, ум дается человеку Богом (ср.: *...Тогда открылся им ум, чтобы они разумели писание...; Ум свой имел от Бога...*), с другой стороны, только постигающий Бога человек (а в этом ему помогает ум, *как светлое око*) считается умным, ср.: *Будь понижен главою, высок умом, очи имея в земле, умнея в небесах* (т. е. опуская глаза в землю, умнея в небесах – о смирении, покорности, отсутствии гордыни, высокомерия для обретения высшей милости). В языке того времени активно использовались, судя по «Материалам...» И.И. Срезневского, и слова *небоумный*, т. е. ‘возвышенный, небесный, божественный’, ср.: *Небоумного разума Исайя носит образ...* (см. статью *небоумный* в «Материалах...» И.И. Срезневского), *богомудрый*, т. е. ‘мудрый, как Бог’ и др.

А.Я. Гуревич подчеркивает, что некий «перводвигатель, высший разум, Бог, Творец, как бы эту сверхприродную силу ни называть, ...был ... постулатом, настоятельнейшей потребностью всего видения мира и нравственного сознания» средневе-

кового человека, без Бога «он был неспособен объяснить мир и ориентироваться в нем. То была – для людей средневековья – высшая истина, вокруг которой группировались все их представления и идеи, истина, с которой были соотнесены их культурные и общественные ценности, конечный регулятивный принцип всей картины мира эпохи» [Гуревич 1984: 6].

Все важные для средневекового человека категории мыслятся им сквозь призму религиозной нравственности. Так и ум может быть основой нравственности: ум может нести добро или зло, быть добрым или злым, быть достоянием Бога или сатаны, беса, что также реализуется в языке с помощью экспрессивно окрашенных лексических элементов сложных слов, ср.: доброумие, доблеумьнии (от умьнии и доблевание, то есть доблесть) – с одной стороны, и зьлоумие (то же, что *греч.* δυσβουλία – дурное решение или дурной совет, неблагоразумие), высокоумие ('гордость, заносчивость'); умоврэдънии ('вредоносный', т. е. 'несущий вред уму' (ср.: *Кроплением честной твоей крови скверная, умовредная вода, бесом приносимая, становилась*), суеумьнии ('лжемудрый'), суемудрънии ('лжеумствующий, лжемудрый') – с другой стороны. При этом уму, который осмысляется как часть души человека, отводится важнейшая роль: он отвечает за нравственный выбор человека в пользу Божьей истины, ср. контексты в «Материалах...» И.И. Срезневского: *...человек умом ложь от истины отсекает, ...умом пишу грамоту душевную*. В народно-разговорной речи, точнее – в русских поговорках, также встречаются выражения, в которых ум или разум, голова ('вместилище ума'), предстает как «повелитель», ум руководит всей деятельностью человека, ср.: *Свой ум – царь в голове; Хвост голове не указка; Голова всему начало; Ни небо, ни земля, видением бела, трое по ней ходят, одного водят, два соглядаяют, один повелевает* (загадка о письме: бумага, пальцы, перо, глаза, ум) и др. [Даль 1996].

Лексическое значение 'способность мыслить, познавать, разум' занимает вторую позицию в «Материалах...» И.И. Срезневского, однако во многих контекстах сам процесс познания трактуется не столько как интеллектуальная процедура получения нового знания, как это представляется современному человеку, сколько как постижение Бога, постижение миропорядка,

устроенного Богом, ср. контексты: *Тогда отверзся им ум, чтобы они понимали писание; Взглянув в небо умными очами, вздохнув из глубины сердца, произнес речь псаломскую* (см. дефиниции *умъ, умъный*), см. также лексемы *богоразумие* и *богоразумение* (лат. *cognition Dei*), т.е. познание Бога. Даже слово *философ* имеет значение не просто ‘ученый муж’, но именно ‘богослов’.

Однако это не означает, что в древнерусских текстах не используется понятие *ум* как собственно интеллектуальная категория. Концептуальный смысл ‘знание, ученость, приобретенные в результате образования, постижения наук’, также оказывается актуальным. Так, в «Материалах...» И.И. Срезневского слово-концепт *умъ* оказывается эквивалентным греческому *ἐπιστήμη* (ср.: «ἐπιστήμη – знание, умение, наука» [Вейсман 1995]) и латинскому *sapientia* (ср.: «*sapientia* – 1) благоразумие, рассудительность, ум; 2) мудрость, знание; 3) философия» [Дворецкий 2006]).

Интересно, что семантический компонент ‘знание’, как это видно в «Материалах...» И.И. Срезневского, этимологически объединяет лексемы *ум* и *уметь*. *Умение* становится одним из значений (а именно: пятым по очередности в «Материалах...» И. И. Срезневского) слова *умъ*; собственное значение слова *умѣти* также связано с пониманием, знанием, ср.: «*умѣти* – 1) понимать, 2) знать; *умѣние* – 1) понимание, разумение; 2) разум...; *умѣтельство* – знание; *неумѣние* – незнание, неопытность; *неумѣтель* – несведущий, неопытный; *недоумѣти, недоумѣю* – 1) не постигать, не понимать; 2) не знать, не уметь»). У слова *умѣтель* первым фиксируется значение ‘знающий, опытный человек’, вторую позицию занимает значение ‘мастер’, третью – ‘ученый’. Лишь у слова *умодѣльникъ* в первую очередь актуализируется компонент значения практического действия, производимого руками, ср. дефиницию и контекст: «*умодѣльник* – мастер, художник: ...*дело рук умодельника*...»).

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера также устанавливается этимологическая связь лексем *ум* и *уметь*, ср.: «*уметь, умею, укр. уміти, умію, болг. умея ‘умею, могу’, сербохорв. умјети ‘знать, уметь’, словен. уме□ti, чеш. uměti, umím ‘уметь, знать’, словц. умеť, польск. umieć, в.-луж.*

uměť, н.-луж. huměš. || **Праслав. *uměti связано с ум**» [Фасмер 1973]. В поздние времена эта связь утратится, под умением будут понимать лишь наличие навыка, опыта в чем-либо, обученности какому-либо делу, чаще производимому руками; ср. данные словаря С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой: «*умение* – 1. см. Уметь. 2. Навык в каком-нибудь деле, опыт; *умелый* – обладающий умением, обнаруживающий умение, искусный (*Умелые руки*); *умелец* – умелый и искусный работник, человек с умелыми руками». Таким образом, в древнерусский период умение в первую очередь предполагает интеллектуальную, когнитивную процедуру понимания, приобретения знания ('сначала понимаю, как сделано, устроено'), и только потом – умение как практический навык, опыт. Сама категория ума, тем не менее, в древнерусский период была также связана с наличием опыта, отсутствие ума – с отсутствием опыта в чем-либо (ср.: «смысленно-умный – благоразумный, опытный, неумэние – незнание, неопытность; неумэтель – несведущий, неопытный).

Частотным является и компонент значения 'признак меры, степени, объема ума'. Однако этот компонент реализует не столько концептуальный смысл качества интеллекта как мыслительной и, главное – генерирующей, способности ума человека, сколько нравственную идею (ср.: «великоумие, великоумити, то же, что *греч.* μεγαλοφρονειν – имеющий возвышенный образ мыслей, великий духом, мужественный») или идею умственного здоровья, то есть здравомыслия, разумности, рассудительности (ср.: «малоумъ, малоумьство, то же что *лат.* amentia – безумие, отсутствие ума; скудоумьство – скудоумие, безрассудство; скудноумьный – неумный, неразумный; нищетоумие – слабость ума, неразумие»).

Исследователь О.Н. Кондратьева отмечает, что в древнерусских летописях и деловых документах «отчетливо просматривается представление о здоровом как сохраняющем свою первозданную целостность объекте и о болезни как его разрушении, повреждении одного из элементов» [Кондратьева 2004б: 160–161]. Так, в упомянутых текстах, как утверждает исследователь, часто встречается выражение цѣлый умъ в значении 'в полном разуме', 'в здравом рассудке'. Следует добавить, что в «Материалах...» фиксируется лексика словообразовательного

гнезда с корневыми элементами цэлоум- с иным значением: 'целомудрие', или 'телесная чистота' (ср.: цэлоумие, цэлоумный, цэлоумьнэ, цэлоумьство), т. е. непорочность, телесная чистота сопрягается с нравственным и духовным здоровьем.

Идея умственного здоровья поддерживается также смысловыми компонентам силы или слабости ума (ср. лексемы крэптькоумьный, слабоумь), а также компонентом 'возраст человека' (ср.: старьчьскыи – 2) стариковский, безрассудный, глупый»).

Наличие у концепта *ум* признака 'возрастные особенности' можно подтвердить и другими контекстами, ср.: «дэтьскоумьный, то же, что *греч.* νηπιόφων», т.е. 'детский ум' (о слабоумном, неразумном человеке, нередко уже выжившем из ума, например: *детскоумный старец...*). В отношении признака 'возраст' ум противопоставляется душе и духу. Как отмечает, О.Н. Кондратьева, «у человека возраст определяется через понятия года, месяца, что невозможно для «внутреннего человека» (ср.: *человек сорока лет, ему сорок лет, но не душа сорока лет, не душе сорок лет*)» [Кондратьева 2004б: 162]. Однако употребляются слова *детскоумный* и *старческий*, если речь идет о неразумности и слабоумии.

Крайняя степень слабоумия, безрассудства оборачивается безумием, которое в русской культурной традиции может трактоваться двойственно. Во-первых, безумие отождествляется с душевным расстройством, болезнью. В «Материалах...» И.И. Срезневского слово *безумьникъ* тождественно латинскому *insanus* ('нездоровый'). Душевное расстройство, как известно, часто проявляется во внешней агрессии, эмоциональной несдержанности, импульсивном поведении. Эта идея реализуется в следующих дефинициях: «помамление – обуяние, безумие; сьмутънэ – безрассудно; неистовьный – безумный; необузданный; жестокий; неистовый – безумный; жестокий; сильный; изумитися – лишиться ума, обезуметь; буеть – безумие; нечестие; тщеславие, заносчивость; угроза; запальчивость, смелость, храбрость; обуродэти / обьуродэти – обезуметь; обуеный – безумный; буи – глупый, бессмысленный; дикий; дерзкий; сильный, смелый; блудьство – безумие, глупость». Следовательно, неумен тот, кто не сдержан, тот, кто *буйнит*, находится в

буйстве, т. е. не умеет подчинять свои чувства сдержанному разуму. Соответственно: умный человек представляется сдержанным, смиренным. В этом смысле понятие *ум* близко *благо-разумию*, которое «было связано с целомудрием, здравомыслием и сдержанностью...», т. е. «с таким состоянием духа человека, когда он ради сохранения внутренней гармонии способен подавить наплыв душевных чувств» [Вендина 2002: 233].

Значение *безумия* как ‘психического нездоровья’ оказывается актуальным и в настоящее время, ср. данные одного из современных словарей: «БЕЗУМИЕ, -я, ср. 1. То же, что сумасшествие (*устар.*). 2. Безрассудство, полная утрата разумности в действиях, в поведении. Любить до безумия (очень сильно). СУМАСШЕСТВИЕ, -я, ср. 1. Психическое расстройство, умопомешательство. Внезапное с. 2. *перен.* Неистовство, истступление. С. страсти. 3. *перен.* То же, что безрассудство (*разг.*)» [Ожегов, Шведова 1999].

Однако в древнерусский период идея безумства имела культурологическую значимость, безумство было тождественно юродству. В «Материалах...» И.И. Срезневского слово *обезуметь* является синонимом лексемам *обуродэти / обьюродэти*. В «Этимологическом словаре...» М. Фасмера указывается, что до XIV в. используется слово *уродивъ*, позже – *юродивъ*. Очевидно, что *юродивый* и *урод* – однокоренные слова (ср.: «...др.-русск. уродъ ‘слабоумный, юродивый’»). Они же восходят и к словам *рожа*, *урожай*, *родиться*, *род*, ср.: «рожа I. ‘физиономия, морда’, *диал.* ‘лицо, вид’, *яросл.* ‘красота’..., рожаистъ ‘красивый, видный’..., *лтиш.* *gaža* ‘многочисленное семейство, урожай’, далее связано с род ‘род, вид, лицо, видение’, урода ‘рост, осанка’, ср. *лит.* *gūmis* ‘рождение, лицо’; *gemù, gimstu* ‘рождаться’...» [Там же]. Таким образом, юродивый – это безумный, сумасшедший лишь с точки зрения внешней характеристики. Так и *уродливый* в русском языке означает отсутствие внешней красоты, в некоторых диалектах русского языка и в некоторых славянских языках, например, польском, *уродливый* также относится к характеристике внешности, правда с положительной оценкой, в значении ‘красивый’. Иными словами, юродивый – это безумец с точки зрения лишь обыденного, мирского

сознания, так как поведение и внешний облик блаженного далеки от принятого в обществе.

По данным православной энциклопедии «Древо», аналогом слова *юродивый* было греческое *σαλός*, что означает 'глупый, безумный'. Юродивыми считался «сонм святых подвижников, избравших особый подвиг – юродство, подвиг изображения внешнего, т.е. видимого безумия с целью достижения внутреннего смирения. Юродивые отказывались ради Христа не только от всех благ и удобств земной жизни, но также часто и от общепринятых норм поведения в обществе. Зимой и летом они ходили босиком, а многие и вообще без одежды. Нарушали часто юродивые и требования морали, если смотреть на нее как на выполнение определенных этических норм» [Древо...].

Г.П. Федотов отмечает, что существует «три обязательных условия добровольного юродства: аскетическое поправление тщеславия..., в этом смысле юродство есть притворное безумие или безнравственность с целью поношения от людей; выявление противоречия между глубокой христианской правдой и поверхностным здравым смыслом и моральным законом с целью посмеяния миру; служение миру в своеобразной проповеди, которая совершается не словом и не делом, а силой Духа, духовной властью личности, нередко облеченной пророчеством» [Федотов 1985: 192]. «Необычное обилие *Христа ради юродивых*, или *блаженных*, в святцах русской церкви и высокое народное почитание юродства до последнего времени, действительно, придает этой форме христианского подвижничества национальный русский характер. Юродивый так же необходим для русской церкви, как секуляризованное его отражение, Иван-дурак, – для русской сказки. Иван-дурак, несомненно, отражает влияние святого юродивого, как Иван-царевич – святого князя», – поясняет исследователь [Там же].

Таким образом, добровольное юродство являлось лишь видимым безумием, оно было необходимо блаженному для посмеяния со стороны окружающих людей и давало возможность разоблачать пороки властьпридержащих. Это, вкупе с крайне аскетическим образом жизни (нищетой, наготой и т. п.), становилось особой формой смирения и гарантом спасения души. «В русской православной среде, – пишет в статье «Русские юроди-

вые» Преподобный Феодосий Кавказский, – юродивых почитали как *Божиих людей, блаженненьких*, на которых лежит особая Божественная благодать. «Голеньких ох, а за голеньким Бог», – как говорит русская пословица» [Преподобный Феодосий Кавказский].

Описание смыслового содержания концепта ум будет неполным, если не отметить еще некоторые признаки. Так, например, человек средневековой Руси приписывал уму гендерный признак. Мужской ум, в отличие от женского, считался более развитым, расчетливым, глубоким. В «Материалах...» И.И. Срезневского об этом свидетельствуют не только лексемы *мужеумьнии* и *умьникъ* (ср.: *мужеумьнии* – равный мужу по уму; *умьникъ* – умный человек), при этом существительное общего рода, относящееся и к женщине, и к мужчине, *умница* не представлено), но также слова *мужемудрьно*, *мужьскъ-мудрьно*, *мужемысльно*, ср. также контекст: *И, одетая в женсколепное одеяние, (стала) мужемысльно нетленную одежею облеченная* (см. слово *мужемысльно*), т. е. одетая в женское платье своим глубокомыслием, мудростью, духовным подвигом, какие свойственны мужчинам, оказалась облеченной в нетленную одежду, иными словами – стала святой.

Исследование концептов *душа*, *сердце* и *ум* в древнерусских летописях, проведенное О.Н. Кондратьевой, дало основание отметить разницу женского и мужского ума в средневековых представлениях: «...эталоном интеллектуальной деятельности является мышление мужчины, отличающееся логикой. Это подтверждается тем фактом, что прилагательное *мужеумьный* стоит в одном ряду с другими прилагательными положительной оценки – терпеливостью, храбростью, непобедимостью: *бе же добръ Цимисхий, доброзраченъ, тръпеливъ, храбросрьдъ, мужеумен, ратник непобедим* (Хроника Константина Манассии). Женский ум воспринимался зачастую как неспособный к здравому мышлению, так как женщина отличается нелогичностью и повышенной эмоциональностью» [Кондратьева 2004а: 165].

Важно отметить, что *ум*, *душа*, *дух*, *сердце* мыслились средневековым человеком как физически существующие, опредмеченные. А.Я. Гуревич видит эту особенность в работах художников тех времен: «...средневековые мастера не различа-

ли четко мир земной и мир сверхчувственный, — оба изображаются с равной степенью отчетливости, в живом взаимодействии и опять-таки в пределах одной фрески или миниатюры... Реалиями в ту эпоху считали такие категории, которым мы теперь в реальности отказываем» [Гуревич 1984: 8]. «Разве не удивительно с современной точки зрения, например то, что слово, идея в системе средневекового сознания обладали той же мерой реальности, как и предметный мир, как и вещи, которым соответствуют общие понятия, что конкретное и абстрактное не разграничивались или, во всяком случае, грани между ними были нечеткими?» — продолжает рассуждение исследователь [Там же]. Именно поэтому *ум, дух, душа, сердце* представлялись человеку средневековья живущими в нем самом, в его теле. При осуществлении ментальной процедуры выбора какого-либо решения, ум мог раздваиваться, а при наличии у двух разных людей одного решения, или мысли, сливаться в одно, в единую самостоятельную существующую мысль. Так актуализируется числовой признак ума (ср.: «единоумие, единоумьствовати, то же что ομόνοια — единомыслие, согласие», то есть ‘люди разные — ум один’ (о единомышленниках); «двоумие — сомнение», то есть ‘человек один — ума два’ (о сомневающемся человеке). Склонность к сомнению как способность к анализу, размышлению, рассуждению также является одной из сторон думающего человека (ср.: «двоумие, то есть сомнение, Безъ дъвоумия — без сомнения; двоумитися — сомневаться; умынѣтися — сомневаться»).

Итак, изучение единиц с корневой морфемой *ум* и слов одной с ними лексико-тематической группы по «Материалам...» И.И. Срезневского позволило выявить следующие признаки рассматриваемого концепта. В древнерусский период все важные для человека категории мыслились сквозь призму религиозного сознания, вес подчинялось идее о том, что человек есть божественное творение. Ум для средневекового человека является не только собственно интеллектуальной, но в первую очередь духовно-нравственной категорией. Ум, вкупе с душой, духом, эмоциями, всецело подчинен религиозному чувству. Умом человек должен постигать Бога, отделять от истины ложь, чтобы в конечном итоге спасти душу. Для этого нужен здоровый ум, то

есть сдержанный, неимпульсивный, способный подавить стихийные чувства.

Такое нерасчлененное представление об этической, эмоциональной и интеллектуальной сферах позволяет средневековому человеку использовать языковые категории в самом широком контексте, обеспечивая языковому знаку предельную полисемантичесность, т. е. способность максимально охватить смысловое поле того или иного слова-концепта.

Ум для средневекового человека является также основой нравственности, он может быть добрым или злым, может быть нравственно возвышенным, божественным или испорченным бесом.

Смысловой компонент 'знания, приобретенные в результате процесса обучения' в структуре концепта *ум* также оказывается актуальным. Знание в какой-либо области обеспечивает своего рода *уметельство*, какие-либо умения. Однако, как показало исследование «Материалов...» И.И. Срезневского умение предполагает в первую очередь мыслительную процедуру понимания процесса изготовления чего-либо, а затем – навык в каком-либо деле. В современном понимании умение предполагает прежде всего обученность какому-либо практическому делу, чаще производимому руками.

В структуре концепта *ум* отмечается также признак меры, степени, объема ума. Этот компонент в древнерусский период реализует в первую очередь нравственную идею (ум как величие духа) или идею умственного здоровья, разумности, рассудительности. При этом истинным здравомыслием отличаются мужчины, слабоумием – старики и дети.

Крайняя степень слабоумия в сознании средневекового человека отождествляется с безумием, которое в русской культуре понимается двойственно: как отсутствие здравомыслия, рассудка, т. е. сумасшествие – с одной стороны, как юродство, т.е. внешнее, видимое, реализуемое в крайней аскезе безумие ради Христа, которое представляет собой духовный подвиг.

Ум, как и многие другие абстрактные категории, мыслится средневековым человеком опредмеченно, что позволяет объяснить наличие в структуре данного концепта числового

признака: ум может раздваиваться в ситуации сомнения, но может и объединять разных людей, единомышленников.

В целом, концептуальное поле ума, сформировавшееся в древнерусский период, безусловно, отличается от системы представлений об уме современного человека, что объясняется влиянием особого типа культуры (культуры Средневековья), характеризующегося духовно-религиозной доминантой.

Несколько иной подход в трактовке концепции ума, обусловленный веяниями эпохи Просвещения, наблюдается в **«Словаре Академии Российской (1789 – 1794 гг.)»**.

В Предисловии к «Словарю Академии Российской» указано, что главной задачей авторов является следующее: «собрать всевозможные слова в употреблении бывшие и ныне находящиеся. При малых пособиях, каковые отыскать можно в печатных и письменных сего рода собраниях, Академия для достижения своего намерения почла за лучшее средство дополнить оные из всех известных книг церковных и лучших светских сочинений, летописей разных, законодательств как древних, так и новейших, записок путешественников, речениями в науках, художествах, ремеслах и проч. употребительными» [Предисловие к «Словарю Академии Российской»]. «Сим способом, – продолжают авторы, – собрано было толикое обилие слов, какового доселе никогда в одном составе не бывало, и Академии уже не о словах, но о выборе оных пеших оставалось, который она следующими изъятиями облегчить предположила: 1) исключить все те слова, кои к составлению языка не способствуют, куда относятся имена людей, земель, городов, морей, рек, озер и проч.; 2) слова и речения наук и художеств, которые не входят в общее употребление, но единственно ученым и художникам известны...; 3) все слова и речи благопристойности противные; 4) все слова старинные, вышедшие из употребления; удерживая однако же те, которые к разумению древних деяний, обрядов и обычаев способствуют или которые заключают в себе корень ныне употребительных; 5) все областные слова...; 6) все иностранные слова» [Там же]. Иными словами, это словарь русского литературного языка на этапе конца XVIII века. Однако здесь нередки, как отмечают составители, элементы церковнославянского и древнерусского языков (особенно это касается контекстов).

Первым значением слова *ум* является следующее: «способность понимать вещи и судить об оных». Интересно, что компонент значения ‘делать выводы, принимать решения’ и т.п. включается только в лексическое значение слова *разум* (ср.: «*разум* – 1) способность души, посредством которой человек, обдумывая, сравнивая предметы, может их понимать, об оных судить и выводить по рассмотрении и соображении следствия»). Как было ранее замечено, представители научных школ по изучению умственной деятельности человека именно так трактуют интеллект (IQ). В данном словаре предлагается научная трактовка ума: ум практически отождествляется с понятиями разума и рассудка (ср.: «*умный* – благоразумный, имеющий здравый рассудок, или основанный на здравом рассудке, рассудительный; *умно* – разумно, рассудительно»).

В словарных дефинициях представляется нерелигиозное понимание ума: указан результат умственной деятельности – постижение истины, однако под истиной не подразумевается Божественное начало, как это было в средневековый период (ср.: «*умствую* – посредством соображения в уме стараюсь постигнуть истину»). Истине придается научное значение: истина – это единственно верное решение. Тем не менее, поскольку контексты взяты авторами словаря и из церковной литературы, смысловой компонент ‘божественное происхождение разума / мудрости’ так или иначе присутствует, ср. контексты к слову *мудрость*: Мудрость человеческая есть ничто предъ Богомъ; Мудрость низпосланная от Бога и др. Смысловой компонент ‘постижение Бога’ в словаре фиксируется как единица значения слов *богоразуміе* (ср.: «*богоразуміе* – познание о Боге, богопознание»), *богомудріе* (ср.: «*богомудріе* – просвещение божественной мудростью»), *богомудрый* (ср.: «*богомудрый* – одаренный мудростью свыше»). Таким образом, ум относится к духовному началу (ср. контекст к слову *умозрение*: «Зрю духомъ, умомъ, умными очами») и понимается как способность постигать истину в ее научном понимании. Однако это не исключает и собственно христианского понимания ума как Божественного дара.

В рамках христианской традиции оцениваются и такие качества человека, как смирение, кротость, чистота, непороч-

ность и т.п. (ср.: *«смирennemудрие* – некичение разума, смирение, кротость; *смирennemудренный* – кроткий, смиренный, униженный, невозносящийся разумом; *смирennemудренно* – кротко, униженно, не кичася разумом; *целомудрие* – невинность, непорочность, чистота, стыдливость» и др.).

Смысловой компонент 'ум как способность к отвлеченному, умозрительному, априорному познанию' поддерживается лексемами *умозрение* (ср.: *«умозрение* – внимательное рассматривание качества и свойства вещи: умственное созерцание чего-нибудь; или проницание в общие истины»), *умозрительный* (ср.: *«умозрительный* – умственный, теоретический; к проницанию, к познанию общих истин служащий, относящийся»), *умозрительно* (ср.: *«умозрительно* – умственно, теоретически»), *умственный* (ср.: *«умственный* – основанный на умствовании, на рассуждении»), *умственно* (ср.: *«умственно* – посредством рассуждения, умствования»).

В структуре концепта *ум*, по данным названного словаря, фиксируется нравственный признак: ум может быть носителем и добрых, и злых намерений человека, ср. с одной стороны: *«благоуміе* – здравый, неповрежденный рассудок (контекст: *«Мудрость Христіанская есть печаль и благоуміе»*); *благоумный* – благоразумный, основанный на здоровом рассудке (контекст: *«Сими словесы и благоумными совѣты сѣрдца на подвигъ укрѣпи»*); *благоразуміе* – плод разума, способствующий к познанию и расположению поведения нашего в жизни; *благоразумный* – 1) одаренный благоразумием, 2) основанный на благоразумии»; с другой стороны: *«умничаю* – употребляю ум в худую сторону; стараюсь показать ум и знание свое из тщеславия; *переумничать* – от излишней замысловатости сделать что худшим; *высокоуміе* – высокомерие, самомнение, превозношение; высокие о себе мысли, высокое о себе мечтание (контекст: *«Быть заражену высокоуміемъ»*); *высокоумный* – высокомерный, высокомечтающий о себе; *высокоумно* – высокомерно, имея о себе высокие мысли; *высокоумствую* – высоко о себе думаю, мечтаю; *злоумный* – употребляющий во зло разум; *зломудрый* – имеющий злое, противное умствование» и др.). Интересно, что контексты, взятые из христианской литературы, указывают на религиозные истоки нравственного осмысления

ума: позитивная направленность мыслительной деятельности представляется связанной с христианской этикой (христианской мудростью, христианским подвигом и т.д.), негативное развитие ума (высокоумие, злоумие) ассоциируется с болезнью (высокоумием можно заразиться, болеть). Таким образом, нравственный признак оказывается прочно закрепленным в смысловой структуре концепта.

В представлениях об уме укоренен архетипический ориентир вертикали как этико-аксиологической шкалы: верх оценивается как нравственно позитивная категория, низ – негативная, что отражено в устойчивом выражении *возвышение ума*, зафиксированном в словаре. В этом выражении ум понимается онтологически. Однако существует и обратная сторона нравственного осмысления возвышения ума, связанная с гордыней и высокомерием (ср.: «*высокоумие* – высокомерный, высокомерчающийся о себе»).

В данном словаре отражено восприятие ума как дара, не зависящего от воли человека (ср.: «*велеумный* – великим, отменным умом одаренный; *мудрый* – много знающий, превосходным умом одаренный»). Этот смысловой компонент реализуется и в наличии особой грамматической формы глагола *уметь*, ныне ненормативной – *уметься* (ср.: «*умэется* – есть способность, знание делать что» (контекст: «Какъ умэлося, такъ и сдэласть»)).

Смысловой компонент ‘ум как образованность, багаж знаний’ фиксируется в словаре крайне непоследовательно: в контексте к слову *ум* (ср.: «Великий, пронизательный, просвещенный умъ») и в толковании лексем *мудрый* (ср.: «*мудрый* – много знающий...») и *мудрец* (ср.: «*мудрец* – искусный в науках»).

Идея цельности ума, его полноты и силы как признак здравомыслия, разумности воплощается значением лексемы *благоуміе* (ср.: «*благоуміе* – благоразумный, основанный на здоровом рассудке») и фразеологизма *в полном уме* (ср.: «*в полном уме* – имея в целости, неповрежденный ум»). Кроме того, ум может обладать признаком меры и степени. Данный смысловой компонент фиксируется в значениях лексем *премудрость* (ср.: «*премудрость* – великая мудрость»), *премудрый* (ср.: «*пре-*

мудрый – мудростью превосходящий»), *велемудрый* (ср.: «*велемудрый* – весьма мудрый, мудростью своей отличающийся от прочих мудрых») и др.

Идея интеллектуальной слабости, недостатка ума трактуется как болезнь (ср.: «*безуміе, безумство* – ... состояние того, кто имеет недостаток или повреждение рассудка») или как глупость, тупость (ср.: «*малоуміе* – недостаток ума, рассудка; *малоумный* – недостаточествующий в уме, в рассудке; *полоуміе* – слабый, помешанный ум; *полоумный* – малоумный, недостаточный, поврежденный умом; *слабоуміе* – слабый ум; *скудоуміе* – недостаток в уме, глупость; *тупоуміе* – непонятность, тупость ума»). Следует, однако, уточнить, что лексема *тупоумный* предполагает не только значение ‘непонятливый, т.е. не имеющий достаточно ума для понимания чего-либо’, но также значение ‘непонятный, т.е. сложный для восприятия’.

В данном словаре, в отличие от «Материалов...» И.И. Срезневского, фиксируется смысловой компонент ‘скорость мыслительных процессов’, отраженный лексемами *быстроуміе* (ср.: «*быстроуміе* – быстрый, проницательный, острый ум»), *быстроумный* (ср.: «*быстроумный* – одаренный проницательным, острым, быстрым понятием, умом»), *быстроумно* (ср.: «*быстроумно* – остроумно»). Следует заметить, что значение данных лексем отражает связь ума и речи, так как под быстроумием понимается остроумие, которое в свою очередь часто трактуется как острословие (ср. контексты к словам *остроумный, остроумно*: «*Остроумныя слова, рэчи. Остроумной отвэт. Остроумно сказать что, отвэчать на что*»).

Гендерных предпочтений в отношении ума в данном словаре не выявлено. Если в «Материалах...» И.И. Срезневского такой компонент поддерживается лексемами *мужеумно, мужеумдро*, то в данном словаре дается переосмысленное значение лишь лексемы *мужемудренный* (ср.: «*мужемудренный* – умом мудрому мужу подобящийся»), то есть не просто ‘подобный мужчине по уму’, но ‘подобный умному мужчине’ (ср.: «*мужемудренный юноша, отрок*»). При этом интеллектуальное равенство мужчины и женщины зафиксировано грамматически, оно отражено в наличии лексем и мужского, и женского родов, ср.:

«умникъ – м., умница – ж. Кто умен, разумен, в рассуждении других рассудительнее; *разумникъ – м., разумница – ж.* В просторечии тот, кто разумен»).

Интересный факт обнаруживается при анализе значения слова *уметь* в данном словаре: авторами фиксируется основание для переноса значения от абстрактного знания к практическому действию), ср.: «*умение* – знание чего, понимание; *уметельный* – благоразумный, рассудительный, смысловый; *умею* – знаю; имея о чем сведение, могу делать, производить в действо».

Как и «Материалы...» И.И. Срезневского, данный словарь фиксирует значительное количество (правда не столь обильное, как в «Материалах...») сложных слов со словообразовательным элементом *ум*: *умовредие, умовредный, умодельник, умозрение, благоумие, быстроумие, быстроумный, быстроумно, велеумный, велеумие, високоумие, високоумный, високоумно, злоумный, малоумный, малоумие, остроумие, слабоумный, тупоумие* и др. Как было отмечено, это явление связано со стремлением средневекового человека наделить языковой знак максимальной значимостью.

Итак, «Словарь Академии Российской» предлагает научное понимание ума, который отождествляется с понятиями разума, рассудка, интеллекта. Результатом умственной деятельности является постижение истины как единственно верного решения какого-либо вопроса. Тем не менее, осмысление ума как важной составляющей духовности человека, его связь с нравственностью сохраняются. Фиксируется смысловой компонент 'ум есть результат образованности, учености'. Идея полноты, цельности ума связывается со здравомыслием, безумие – с болезнью, которое понимается как утрата рассудка, повреждение ума (при этом христианское понимание безумия как особой формы служения Богу не обозначено). Гендерных предпочтений в отношении качества ума в данном источнике не выявлено.

Интересный материал для изучения концепта *ум* предлагает «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, составленный в конце XIX века. Как подчеркивают исследователи, В. И. Даль осознавал отрыв книжно-письменного языка его времени от народной основы, от живого

русского языка, указывал на обильное засорение книжной речи «чужесловами», то есть словами, заимствованными из западно-европейских языков [Бабкин 1955: 4]. В.И. Даль видел единственный путь обновления языка того времени – в обильном введении в литературный язык средств разговорной речи. Таким образом, данный словарь отражает состояние русского языка в его письменном и разговорном (отчасти диалектном) варианте на конец XIX века. Эта стилистическая неоднородность языкового материала не мешает, скорее – способствует более полному отражению специфики концептуального содержания тех или иных лингвокультурных феноменов, поскольку они репрезентируются разными с точки зрения стилистической окраски языковыми средствами.

Если в церковнославянском языке концепт *ум* отождествлялся с нравственной и эмоциональной сферами, а первым значением слова *ум* было ‘дух’, то в более поздний период формируется научное определение ума, *ум* отграничивается от нравственной и эмоциональной сфер духовности человека, делается акцент на уме как на способности к абстрактному мышлению. Так, в «Словаре...» В.И. Даля первичным значением слова *ум* становится следующее: «*ум* – м. Общее название познавательной и заключительной способности человека». Этот же смысловой компонент фиксируется и в определениях других лексем, ср.: «*умозаключение* – вывод из рассуждений или силлогизм; *умствовать* – мыслить, размышлять, думать, об(раз)думывать, соображать в уме, в мыслях, думою, выводя заключение; философствовать; мечтать».

Если ранее способность к особому, умозрительному видению, неэмпирическому восприятию чего-либо (сути вещей, проблем и т.п.) в основном понималось как способность постигать Божественную истину, то в поздний период стали акцентироваться иные смысловые компоненты, актуализирующие идею абстрактного и научного мышления, ср.: «*умозоркий, умозорный* – человек, который видит умом, духом далее, глубже других, остроум; *умозрение* – заключение умственное, по умствованию, догадка ума, мыслительный вывод, теория (противоп. *опыт, дело, практика, насущность*); *умозрительные, умозорные* науки, метафизика; *умозритель, умозрительница* – теоретик,

строящий заключения свои на умственных догадках; *умно*, *умнее* – церк. умственно, духовно; мысленно, умозрительно; а *prigî*, то есть по одному лишь заключению ума».

Однако нельзя утверждать, что в этот период развития языка утрачивается связь умственной способности с духовностью. В.И. Даль четко разграничивает сферы духовности и подчеркивает принадлежность ума именно к духовной сфере, ср.: «ум – м. Общее название познавательной и заключительной способности человека, это одна половина духа его, а другая нрав, нравственность, хотенье, любовь, страсти; *умовая*, *умственная* (работа) – труд ума, духовный, вообще не телесный; *умственный* – относящийся к уму, к духовной части человека и притом к мыслительной способности, а не ко нравственной, не к воле. // Мыслимый, воображаемый, представляемый или созидаемый умственно, мысленно, в уме, не на деле». Так, В.И. Даль утверждает наличие двух разных, но взаимосвязанных сторон духовной сферы человека: интеллектуальной – с одной стороны, и эмоционально-нравственно-волевой – с другой стороны.

При этом В.И. Даль разделяет в интеллектуальной сфере две степени: высшую, предполагающую отвлеченное мышление (разум, рассудок), и низшую, т.е. прикладную, обиходную, ср.: «ум –... в тесном (то есть в *узком* – Е.Д.) значении ум или смысл, рассудок есть прикладная, обиходная часть способности этой (*ratio*, *Verstand*), низшая степень, а высшая, отвлеченная: разум (*intellectus*, *Vernunft*). Низшей степенью ума наделены и животные, высшей – только человек». Таким образом, В.И. Даль высказывает мысль о признании ума в каждом живом существе. Составитель уточняет: «В животном умственные и нравственные способности, спорующие в человеке, слиты в одно, ... животному, с одной стороны, нравственные, а с другой, отвлеченные понятия недоступны, и сверх того, оно не может улучшать данного ему природой искусства (постройку логова, гнезда, сотов и пр.); не менее того низшая степень ума должна быть признана за некоторыми животными, но разума нет ни в одном». Таким образом, низшим В.И. Даль считает прикладной, бытовой ум, ум в его прагматическом смысле, им обладают и человек и животные; высшим автор словаря называет абстрактный, теоретический ум, которым наделен только человек.

При этом такая высшая способность человека к абстрактному мышлению, по материалам словаря В.И. Даля, дарована свыше, Богом. Эта способность может отличать более одаренных в интеллектуальном плане людей от менее одаренных, ср.: *«умный* – человек, кому Бог дал ясный, проницательный ум, понимающий, постигающий не всякому доступное; *умозоркий*, *умозорный* – человек, который видит умом, духом далее, глубже других, остроум». Вряд ли такая идея о божьей избранности в отношении ума могла быть зафиксирована ранее с положительной оценкой, так как любое проявление гордыни было греховным. В средневековые времена считалось, что были люди, скорее желающие или нежелающие постигать Бога, нежели способные или неспособные к умозрительному мышлению.

В.И. Даль подчеркивает также связь умственной способности с нравственным обликом человека. Умом человек может хвалиться, излишне полагаться на него (ср.: *«умокичение* – зазнавшийся ум, самонадеянное умствование»; *«умничать* – считая себя умнее других, пересудачивать мнения, распоряженья их, а на деле переиначивать все по-своему; перехитрить в деле, исказить его по самоуверенности; мудровать); чрезмерное умствование может навредить человеку или окружающим (ср.: *«умобредовать, умобредствовать* – сумасбродить; *умовредовать* наущениями»).

В «Словаре...» указана также обязательная составляющая ума – образованность, ср.: *«умник* м., *умница* общ. – Умный человек, образованный науками, ученый, с проницательным умом и даром слова // рассудительный, разумный, опытный и смысленный человек, со здравым смыслом». Особое внимание следует обратить на смысловой компонент 'обладание даром слова'. В.И. Даль фиксирует распространенное у русского народа и, вероятно, справедливое представление о красноречии как об отличительной особенности именно умного человека.

В структуре концепта *ум* прослеживается также смысловой компонент 'наличие / отсутствие силы', ср.: *«умодержавное* владычество (*умодержавие*) – власть ума, разумная сила».

У слова *ум* было и самое обобщенное значение, которое предполагало способность к осуществлению любого абстрактного действия, результатом которого могла быть мечта или не-

что воображаемое, ср.: «*умствовать* – способность к мечтательности, мечтать».

Этимологическая связь лексем *ум* и *уметь* отражается и в словаре В.И. Даля, ср.: «*уметь* – знать, понимать, разуметь; мочь, быть способну, сведущу в чем, иметь навык, быть чему выучену, знать делать что, работать, быть в чем искусну (Грамоти ты умеешь?); *уменье* – способность, опытность, знание, усвоенье дела, работы; *умеющий* / *умелый* / тул. *уметельный* / ряз. *умельный* / *уметель*, *умелец* – знающий, сведущий, искусный и опытный, дошлый».

Гендерные характеристики в словаре В.И. Даля уже не имеют той специфики, которая отмечалась И.И. Срезневским: не высказаны предпочтения тому или иному полу в отношении ума. В словаре четко выстраиваются гендерные параллели, встречаются лексемы и мужского, и женского рода, ср.: *умозритель* – *умозрительница*, *умник* – *умница*, *умствователь* – *умствовательница* (о тех, «кто умствует; о мудреце, философе, умозрителе, теоретике, мечтателе»).

Итак, как было установлено ранее, в «Материалах...» И.И. Срезневского концепт *ум* тесно связан с понятием духовности, нравственности и эмоциональности. Ум для древнерусского человека – это основа нравственности и духовности вообще; это то, что приближает человека к божественному: ум может быть нравственно возвышенным, божественным. В словаре В.И. Даля намечилось четкое разделение ума и нравственности, В.И. Даль ум и нравственность относит к духовной сфере, но не отождествляет их, напротив, разделяет как две составляющие духовности.

Интересно, что В.И. Даль не связывает понятие ума лишь с человеком, в уме он не отказывает также животным, что, вероятно, позволяет четко разграничить понятия ума и разума. Прагматическим (бытовым, житейским) умом обладают и животные, абстрактным – только человек.

Составитель рассматриваемого словаря указывает также на прямую связь ума и образованности, наличие определенного багажа знаний, обладание даром слова.

2.2. Концепт «ум» в словарях XX века

Лингвистические словари советского периода имеют некоторые общие черты. Во-первых, очевидно влияние советской идеологии, что отражается на эмоционально-оценочных компонентах значений некоторой группы лексики, на формулировках некоторых дефиниций и т.д. Во-вторых, в сравнении с «историческими» словарями формулировки лексических значений предельно кратки и обобщенны: в словарях дается только понятийная составляющая. В-третьих, материал в данных словарях строго ограничен рамками литературного языка. Все это затрудняет восстановление реального концептуального содержания некоторых ментальных единиц, поэтому при анализе содержания концептуальных структур на материале современных источников специалисты предлагают привлекать более разносторонние данные для определения прежде всего образной и ценностной составляющих концептов (ассоциативные, фразеологические, паремиологические и другие словари).

Анализ единиц концептосферы *ум* в «Словаре русского языка» Д.Н. Ушакова показал, что наиболее актуальными являются следующие смысловые компоненты.

Ум представляется в первую очередь как вид деятельности человека (ср.: «*ум* – мыслительная способность, лежащая в основе сознательной, разумной деятельности; *умственный* – 1) прил., связанный с деятельностью ума, сознания, интеллектуальный; *умозаключение* – 1) логический процесс выведения из двух суждений заключения, силлогизм»). При этом специфика данной деятельности определяется в виде процесса движения, развития мысли, ср.: «*умствовать* – 2) размышлять, действовать, пускаясь в ненужные или слишком отвлеченные рассуждения, мудрить...; *умственный* – 2) протекающий в сознании, мысленный (*книжн.*)»).

Направление движения определяет направление развития ума, соответственно – способности человека в какой-либо интеллектуальной сфере (ср.: «*умонастроение* – направленность ума, совокупность интересов в области интеллектуальной деятельности»).

Общеизвестно, что у любой деятельности должен быть результат. Результатом умственной деятельности является вывод, умозаключение и т.п. (ср.: «умозаключать – сделать умозаключение, прийти к выводу, сделав умозаключение»).

В данном словаре утверждается смысловой компонент ‘ум как способность к абстрактному познанию, не основанному на опыте’ (ср.: «умозрение – 1) познание действительности путем созерцания и теоретического размышления, в отрыве от практики и опыта; 2) абстрактное, не основанное на опыте рассуждение»).

Анализируемый лексикографический материал показал, что в структуре концепта ум актуальны и другие признаки.

Темпоральный признак: ум – это не только сама мыслительная способность, но также скорость ментальных процедур (ср.: «умнеть – становиться умнее; *тяжелоумный* – медленный в решениях, не скоро соображающий»). Соответственно человек не только более глубокого, но и более «быстрого» ума отличается от других и наделяется особым статусом, ср.: «умница – 2) умный, выдающийся по уму человек».

Эмотивный признак: состояние ума является свидетельством определенного эмоционального состояния человека (ср.: «*умопомрачительный* – чрезвычайный, крайний, такой, что трудно представить»). Активизация эмоциональных процессов в сознании человека подавляет интеллектуальные, что связано с повреждением ума, потерей ясности мысли (умопомрачением).

Оценочный признак: ум нередко становится объектом хвастовства, ср.: «*умничать* – говорить, стараясь выказать свой ум (*ирон.*); *умник* – умничающий, старающийся выказать свой ум человек (*ирон.*)»; ум выступает как ненужное рассуждение, ср.: «*умствование* – 2) ненужное или слишком отвлеченное размышление, рассуждение (*разг. неодобр.*)».

Признак меры, степени, объема ума, ср.: «*умище* – увелич. к ум. Незаурядный умище; *умишко* – уничижит. к ум в 1 знач. (*разг. пренебр.*)».

Возрастной признак (ср.: «*умник* – рассудительный послушный ребенок; употр. как ласковое обращение к взрослому (*разг.*). *Будь умником!*»).

Признак наличия / отсутствия силы (ср.: «слабоумие – недостаточность умственных способностей, пониженная умственная деятельность как хроническая болезнь, идиотизм»).

Анализ данных словаря Д.Н. Ушакова позволил выявить некоторые изменения в содержании концепта *ум* в сравнении с лексикографическим материалом прежних эпох. Так, например, словарь Д.Н. Ушакова не фиксирует смысловой компонент ‘ум как критерий нравственности’, слово *высокоумный* перестало быть носителем нравственной оценки, перестало иметь религиозную окраску, но приобрело иронический оттенок, ср.: «*высокоумный* – старающийся показаться очень умным (*книжн. иронич.*)». Не фиксируются некоторые смысловые компоненты, которые отмечались в более ранних словарях: 1) принадлежность ума к духовной (нравственной и эмоциональной) сфере; 2) гендерные характеристики (у слова *умник* появились новые значения, ср.: «*умник* – 1) рассудительный послушный ребенок; употр. как ласковое обращение к взрослому (*разг.*). *Будь умником!*; 2) умничающий, старающийся выказать свой ум человек (*ирон.*)»); 3) ум как совокупность знаний, как образованность / грамотность».

Актуальными в данном словаре оказались такие компоненты: 1) ум как признак, отличающий его носителя от других людей; 2) направление развития умственных способностей (ср.: *умонастроение*); 3) темпоральный признак, определяющий скорость мыслительных процессов; 4) ум как достоинство человека и/или предмет возможного хвастовства; 5) признак меры, степени ума, его объема.

Современные нормативные словари, изданные после 1956 года (после орфографической реформы), во многом продолжают традицию Д.Н. Ушакова и фиксируют в основном понятийные компоненты тех или иных концептов. Ограничимся перечислением этих смысловых компонентов.

Данные «**Словаря русского языка**» в 4-х т. под ред. **А.П. Евгеньевой (МАС)** представляют концепт *ум* следующими смысловыми компонентами.

1. Ум – это деятельность, процесс получения нового знания, процесс мышления (ср.: «*умственность* – *прост.* 1) ум-

ственная деятельность, мыслительная способность; умственный – 1) относящийся к деятельности ума, сознания, работе мысли, связанный с ними...; *умозаключение* – 1) логический процесс выведения из двух или нескольких суждений заключения; *ум* – 1) познавательная и мыслительная способность человека, способность логически мыслить»).

2. Интеллектуальная деятельность направлена на получение результата (ср.: «*умозаключить* – сделать умозаключение, прийти к выводу на основании умозаключения; *умозаключение* – 2) вывод, основанный на рассуждении, размышлении»).

3. Ум – это способность к абстрактному познанию (ср.: «*умозрение*, *книжн.* – рассуждение, основанное на созерцании, абстрактном размышлении; *умозрительный* – основанный на умозрении; абстрактный, отвлеченный»).

4. Ум – результат образованности, учености (ср.: «*умный* – 2) порожденный умом, свидетельствующий о рассудительности, разумности или образованности, учености»).

5. Умственная деятельность имеет направление движения (ср.: «*умонастроение* – направленность ума, интересов»).

6. Состояние ума часто является показателем эмоционального состояния (ср.: «*умопомрачительный* – превышающий обычную меру в чем-либо; поразительный, необычайный»).

7. Темпоральный признак ума (скорость мыслительных процессов), ср.: «*умнеть* – становиться умнее; *тугодум* – разг. человек, который не умет быстро думать, соображать; *тяжелодум* – то же, что тугодум»).

8. Оценочный признак: ум как источник ненужных рассуждений, ср.: «*умствование* – 2) ненужное или слишком отвлеченное размышление, рассуждение (*разг. ирон.*)»).

9. Возрастные характеристики ума (ср.: «*умник*, *разг.* – 2) рассудительный, послушный мальчик; *умница* – разг. м. и ж. 2) рассудительный, послушный ребенок; *умник* – рассудительный послушный ребенок»).

10. Признак 'наличие / отсутствие силы ума' (ср.: «*слабоумие* – пониженная умственная деятельность как результат болезни или недоразвития мозга»).

11. Гендерные признаки ума (ср.: «*умник*, *разг.* – 1) умный, толковый человек; 2) рассудительный, послушный маль-

чик; *умница* – разг. м. и ж. 1) умный, рассудительный, толковый человек; 2) рассудительный, послушный ребенок»).

Следует отметить, что в данном «Словаре...» к представленному во всех изучаемых лексикографических источниках смысловому компоненту концепта *ум* ‘способность познавать, мыслить’ добавляется еще один – ‘логически мыслить’.

В рассматриваемом источнике не представлено значение ‘ум как способность, отличающая ее носителя от других’.

В данном словаре у лексемы *ум* в значении ‘ум как объект хвастовства’ (ср.: «*умничать* – говорить, стараясь выказать свой ум (*ирон.*)») нет такой оценочной коннотации, как в словаре Д.Н. Ушакова. Указанное значение приводится в МАСе, однако пометы *ирон.* нет, представлена лишь помета *разг.* У слова *умник* значение ‘умничающий, старающийся выказать свой ум человек’ не отражено вовсе, как и нет пометы (*ирон.*). Это нейтральная с точки зрения оценочности лексика. Не представлен в данном словаре признак меры, степени, объема ума; в словаре нет слов *умище* (увелич. к *ум*. Незаурядный умище), *умишко* (уничижит. к *ум* в 1 знач. (*разг. пренебр.*)). В данном лексикографическом источнике появляется отсутствующий в словаре Д.Н. Ушакова компонент значения ‘ум как результат образованности, ум как багаж знаний’.

Лексемы *умелый*, *умелец*, *умелость* утратили связь со словом *ум*, они стали более связаны с понятиями опыта, обученности, навыком, искусным владением каким-либо чаще практическим делом.

Данные «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой представляют концепт *ум* следующими смысловыми компонентами, обозначающими сущностные и характерные признаки рассматриваемого феномена:

1) ум как способность мыслить, познавать (ср.: «*ум* – 1) способность человека мыслить, основа сознательной, разумной жизни»);

2) ум как способность осуществлять деятельность (ср.: «*умственный* – относящийся к деятельности ума, сознания, мысленный; *ментальный* – относящийся к уму, к умственной деятельности; *умствовать* – заниматься умствованиями»);

3) наличие результата умственной деятельности (ср.: «*умозаключение* – вывод, заключение»);

4) ум как способность к абстрактному познанию (ср.: «*умозрение* – мыслительное представление, основанное на пассивном созерцании, не опирающееся на опыт; *умозрительный* – отвлеченный, не опирающийся на опыт, на практику»);

5) ум как процесс движения, развития мысли (ср.: «*уметь* – становиться умнее»);

6) наличие признака направления движения умственной деятельности (ср.: «*умонастроение* – направленность ума, интересов»);

7) скорость мыслительных процессов (ср.: «*тугодум* – медленно соображающий человек»);

8) неразличение гендерных характеристик (ср.: «*умник* – 1) умный человек, умница (во 2 знач.); *умница* – 2) м. и ж. умный, способный человек»);

9) отнесенность ума к духовной сфере (признак не отмечен как компонент значения лексем, однокоренных слову *ум*, однако опосредованно (у иных лексем) отмечается, ср.: «*бездуховный* – лишенный интеллектуального, духовного содержания; *интеллектуальный* – 2) умственный, духовный; с высоко развитым интеллектом»);

10) наличие признака оценочности: ум может выступать объектом хвастовства, ср.: «*умничать* – стараться выказать свой ум (*разг. неодобр.*); *умник* – 2) человек, который умничает, старается выказать свой ум»); ум как ненужное рассуждение (*умствование* – ненужное или крайне отвлеченное рассуждение (*книжн.*))»;

11) ум как наличие способностей / одаренности (ср.: «*умница* – умный, способный человек»);

12) состояние ума как показатель эмоционального состояния человека (ср.: «*умопомрачительный* – необычайный по силе, степени, чрезвычайный; *умопомрачение* – потеря способности понимать окружающее, умственное расстройство»).

Анализ собранного в данном словаре материала показывает, что этот лексикографический источник представляет в основном общие концептуальные смыслы феномена *ум* и, таким образом, дает весьма скудную информацию о рассматриваемом

понятии. Дефиниции из «Словаря...» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой мало отличаются от соответствующих им единиц, приведенных в словаре Д.Н. Ушакова.

2.3. Концепт «ум» в словарях начала ХХI века

В «Толковом словаре русского языка начала ХХI века: актуальная лексика», опубликованном под редакцией Г.Н. Складневской, лексическая единица *ум* представлена лишь в устойчивом сочетании *утечка умов* (=утечка мозгов). Автор фиксирует наиболее актуальную лексику в период конца ХХ – начала ХХI века, подчеркивая главным образом изменения в языке и специфику функционирования имеющихся единиц в указанный период. Очевидно, что концепты интеллектуальной сферы (*ум, мудрость, глупость* и под.) являются константными в русском языковом сознании, и вряд ли представление об уме, мудрости и глупости принципиально меняется с развитием жизни общества. Однако та или иная эпоха способна вносить свои, возможно, незначительные изменения и в константные ментальные образования либо акцентировать те или иные аспекты (компоненты) устоявшихся значений. Так, выражение *утечка умов (мозгов)* актуализирует по крайней мере два смысловых компонента: оценочный и прагматический (*ум* является безусловной ценностью, результаты умственной деятельности одаренных людей приносят пользу обществу, потеря умов – метонимически: умных людей – есть потеря возможности развития жизни общества в разных сферах, главным образом – в сфере научного знания).

В «Русском толковом словаре», составленном В.В. Лопатиным и Л.Е. Лопатиной, предлагается такая формулировка значения слова *ум*: «*ум* – 1) способность мыслить, основа сознательной, разумной жизни; 2) такая способность, развитая в высокой степени, высокое развитие интеллекта». Из толкования видно, что понятие *ум* отождествляется с понятиями разума и интеллекта. Интересно то, что *ум* представляется некоей отвлеченной от человека субстанцией, как объективно суще-

ствующее явление (ср.: «ум – основа сознательной, разумной жизни»).

В словаре фиксируются также следующие смысловые компоненты: ‘способность к абстрактному познанию’ (ср.: *умозрительный* (книжн.) – абстрактный, отвлеченный); ‘направления движения мыслительной деятельности’ (ср.: *умонастрое* (книжн.) – направленность ума, интересов»).

Находит свое отражение смысловой компонент ‘степень развития ума’, связанный с оценочной вертикалью *высокий – низкий*, ср.: «ум – это такая способность (способность мыслить, основа сознательной, разумной жизни), развитая в высокой степени, высокое развитие интеллекта».

Актуализируются также возрастной признак (ср.: «умник – 2) тот, кто поступает хорошо, разумно (обычно о детях), а также оценочный (ум нередко становится причиной гордыни, ср.: *умничать* – 1) стараться выставить напоказ свой ум (*ирон.*)»), темпоральный признаки (ср.: *умнеть* – становиться умнее; *тугодум* – разг. медленно соображающий человек) и признак степени эмоционального состояния человека (усиление эмоциональной стороны сознания приводит к ослаблению рациональной, ср.: *умопомрачительный* – превышающий обычную меру в чем-либо; поразительный, необычайный»).

Нечетко в словаре представлена лексика, актуализирующая смысловые компоненты ‘интеллектуальная деятельность и ее результат’ (не представлены такие единицы, как *умозаключать*, *умственность* и др.); ‘ум как результат образованности, учености’; ‘наличие / отсутствие интеллектуальной силы’ (не зафиксированы слова *слабоумие*, *скудоумие*).

Безусловно, отсутствие лексем, репрезентирующих своими значениями названные смысловые компоненты, свидетельствует вовсе не об отсутствии последних в репрезентативном лексическом поле концепта, выбор представленных в словаре единиц может определяется исследовательскими намерениями составителей, степенью актуализации определенных единиц в сознании современных носителей языка и другими факторами.

Изучение единиц с корневой морфемой *ум* и слов одной с ними лексико-тематической группы по материалам «исторических» и современных словарей позволило выявить следующие когнитивные признаки концепта *ум*.

Поскольку изучаемый ментальный феномен является константным в русской культуре, в его смысловой структуре следует отметить элементы, ставшие традиционными, сложившиеся еще в средневековый период, и элементы, появившиеся в более поздние времена.

Традиционно в русской культуре *ум* является неотъемлемой частью духовной жизни человека. Это связано в первую очередь с исторической памятью народа: для средневекового человека было характерно нерасчлененное представление об этической, эмоциональной, интеллектуальной сферах и подчинение интеллекта глубокому религиозному чувству, пронизывающему все стороны жизни.

Ум с древних времен воспринимается не только как собственно интеллектуальная, но и как нравственная категория: *ум* может быть источником как добрых, так и злых намерений человека; *ум* нередко становится причиной бахвальства, высокомерия, гордыни; излишнее *умствование* часто вредит в решении важных вопросов и т.д.

В структуре концепта *ум* традиционно отмечается признак меры, степени, объема ума. Этот компонент реализует в первую очередь нравственную идею (*ум* как величие духа) или идею умственного здоровья, разумности, рассудительности. При этом в древности считалось, что истинным здравомыслием и рассудительностью отличались лишь мужчины, слабоумие считалось участью стариков и естественным свойством детей. Крайняя степень слабоумия отождествляется с безумием, которое в русской культуре понимается двойственно: как отсутствие здравомыслия, рассудка, т.е. сумасшествие – с одной стороны; как юродство, т. е. внешнее, видимое, реализуемое в крайней аскезе безумие ради Христа, которое представляет собой духовный подвиг. Это уникальный, не имеющий аналогов в других культурах русский феномен восприятия безумия как добровольного отречения от материальных благ ради служения людям.

Ум считается обязательным следствием образованности и учености, часто находит свое отражение в речи как остроумие, острословие.

Безусловно, концептуальное поле ума, сформировавшееся в древнерусский период отличается от системы представлений об уме современного человека, однако многое в оценке ума как духовно-нравственной категории сохраняется и передается следующим поколениям в тех или иных явлениях духовной культуры (в первую очередь, это произведения художественной литературы).

В более поздний период формируется научное понимание ума, который отождествляется с понятиями разума и интеллекта (см. подробнее о различии понятий *ум*, *разум*, *рассудок*, *интеллект*: Голованивская 2009: 198–228). Результатом умственной деятельности является постижение истины как единственно верного решения какого-либо вопроса.

Высказывается мнение, что ум можно понимать двойственно: в низшем и высшем смысле. Низшим считается прагматический (бытовой, житейский) ум, которым обладают и животные, высшим называют абстрактный ум (разум), которым обладает только человек.

Актуальными в современных словарях оказались такие компоненты: 1) ум осмысливается как вид деятельности человека, представляющий собой абстрактное, априорное познание явлений мира и самого себя; 2) ум ассоциируется с векторным движением мысли, направление развития ума определяет наличие способностей в какой-либо интеллектуальной сфере; 3) ум наделяется темпоральным признаком, предполагающим высокую скорость мыслительных процессов; 4) ум нередко понимается как признак, отличающий его носителя от других людей, поэтому может восприниматься как достоинство человека и/или предмет возможного хвастовства, бахвальства.

В последние годы XX века особенно стали актуальными оценочный и прагматический смыслы концепта *ум*: ум является безусловной ценностью, результаты умственной деятельности одаренных людей приносят пользу обществу, потеря умов – метонимически: умных людей – есть потеря возможности развития жизни общества в разных сферах, главным образом – в сфере

научного знания. В России в период экономических неурядиц конца XX века сложилась такая обстановка, которая способствовала так называемой *утечке умов (мозгов)* за рубеж.

§ 3. Концепт «ум» в русской паремиологии

Исследователи отмечают, что для выявления определенной части смысловой структуры концепта и его национальной специфики особенно информативны паремии (см. работы А.П. Бабушкина, В.А. Масловой, И.А. Стернина, В.Н. Телия, С.Т. Тер-Минасовой и др.). «В них, – отмечает И.А. Стернин, – мы находим застывшие осмысления того или иного концепта, сложившиеся на протяжении длительного времени и менявшиеся в зависимости от места, времени и условий проявлений концептуальных сущностей в жизни народа, отдельных групп людей, отдельного человека» [Стернин 2001: 63].

Описание концепта *ум* на основе анализа русских паремий позволяет определить специфику этнокультурных представлений о данной сущности.

Материалом для исследования являются пословицы и поговорки, представленные в следующих источниках:

1. Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки. М., 1988.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. В 2-х т. М., 1984.
3. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991.
4. Симони П.К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVI—XVIII столетий. СПб. 1899.
5. Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок; Русские в своих пословицах. Н. Новгород, 1996.
6. Старинные русские пословицы и поговорки / Сост. В.П. Аникин. М., 1988.
7. Уваров Н.В. Энциклопедия народной мудрости. Пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, сравнения, устойчивые словосочетания, встречающиеся в русском языке во второй половине XX – начале XXI веков. М., 2009.

Всего было проанализировано 459 паремий смыслового поля «Интеллект» (далее в скобках будет отмечено процентное соотношение пословиц и поговорок, репрезентирующих определенный смысловой компонент концепта *ум*, из общего числа собранных единиц данного тематического поля).

В пословицах и поговорках русского народа разграничиваются понятия *ум* и *разум*, разум является отличительным признаком человека в сравнении с другими представителями животного мира, ср.: *Птице – крылья, человеку – разум* (1,92%). Как было указано ранее (см. Часть 2. § 2.), исследователи считают, умом обладают не только люди, но и животные, разумом наделен только человек.

Значительная часть пословиц и поговорок (13,2 %) содержит лексему *голова*, являющуюся заместителем слова *ум* / *разум*. Голова – вместилище ума, пустая голова – показатель отсутствия ума, глупости, ср.: *Богатый без ума – тело без головы; У него дупло в голове; Лоб широк, да мозгу мало; Если голова пуста, то голове ума не придадут места; Город хорош домами, да плох головами; Голова всему начало, где ум – там и толк. Ум (= разум / голова)* предстает в русских паремиях как «повелитель», ум руководит всей деятельностью человека, ср.: *Свой ум – царь в голове; Хвост голове не указка; Голова всему начало; Ни небо, ни земля, видением бела, трое по ней ходят, одного водят, два соглядаяют, один повелевает* (загадка о письме: бумага, пальцы, перо, глаза, ум) и др.

Очевидно, что умственная деятельность в сознании народа представляет собой мыслительный процесс, совершение некоего действия (ср.: *шевелить мозгами*), а также тесно связан с речемыслительной деятельностью человека (4,85%). Речь (письменная или устная) является средством предъявления интеллектуальных способностей человека, ср.: *Каков разум, таковы и речи; Язык – враг: прежде ума глаголет; Перо пишет, а ум водит; Не пером пишут, умом; Знать птицу по перьям, а человека по речам* и др.

Целый ряд пословиц отражает представление об уме как жизненном / бытовом опыте человека (13,5%), ср.: *Беда ум родит; Худа (глупа) тамыш, которая одну лазейку знает; Не вызнав броду, не суйся в воду; Знать сокола по полету* и др. При

этом опыт должен удачно сочетаться с полученным извне, готовым знанием, которое передается человеку в процессе обучения. Учение, таким образом, воспринимается как способ получения знания и приобретения ума / разума (6,7%), ср.: *От учителя – наука; Ученику – удача, учителю – радость; Яйца курицу не учат; Кабы все знал, так и не учился*. Учение, приобретение ума всегда понималось народом как особенно сложный процесс, требующий больших усилий от человека, ср.: *Аз, буки, ведаи страшат, что медведи; Азбуку учат, во всю избу кричат; Азбука – наука, а ребятам мука; Уела попа грамотка; Иди в науку – терпеть муку; Без муки нет и науки*. В силу такой особенности процесса приобретения знания (=ума) отмечается, что не каждый человек способен к преодолению связанных с обучением трудностей, ср. пословицы о наличии / отсутствии способности человека к учению, получению знания: *Неразумного учить – в бездонную кадку воду лить; Дурака учить, что решетом воду носить; Дурака хоть в ступе толки; Дураков учить, что мертвого лечить; Ни мертвеца рассмешишь, ни дурака научить; Тупо сковано – не наточишь, глупо рождено – не научишь; Глупому сыну не в помощь богатство; Выше головы не прыгнешь* и др.

Ум / разум, по мнению русского народа, обладает такими важными качествами, как полезность и абстрактность; отсутствие физического бремени отмечается как позитивный признак ума (27,47%), ср.: *Знания никому не в тягость; Знания не кошель: за плечами не носить*. Русским народом особенно подчеркивается прагматическая полезность ума: обладающему умом (=опытом / знаниями) легче жить, легче справляться с трудностями существования; от деятельности глупого никому нет пользы, ср.: *Грамоте учиться всегда пригодится; Кто грамоте горазд – тому не пропасть; Веревка крепка повивкой, а человек – знанием; С грамотой вскачь, а без грамоты хоть плачь; Умная голова сто голов кормит, а худая и себя не прокормит; Был бы ум, будет и рубль, не будет ума – не будет рубля; Башка чиста, так и мошна пуста; С умом – торговать, без ума – горевать; Без ума суму таскать, а с умом деньги считать; Ум там, где толк; Знай край, да не падай; Дурака пошли, да и сам за ним иди; Умному послу не велик наказ, а за глупым послом не ленись сам идти; Пошли Ивана, за Иваном болвана, за болваном*

еще дурака, так и сам иди туда (о бесполезности работы глупца).

Однако носителями русской ментальности осознается отсутствие всесильности ума / разума; ср. пословицы о наличии / отсутствии каких-либо ограничений возможностей человека как разумного существа, ср.: *На всякого мудреца довольно простоты*; *Чужую беду руками разведу, а к своей и ума не приложу*; *Выше своего носа (своей головы) не прыгнешь*; *Чужим умом умен не будешь* и др.

Парадоксально, но при осознании прагматической пользы ума / опыта / знания русские люди не всегда последовательны. Так, среди пословиц есть и такие, которые подчеркивают отсутствие прагматической пользы абстрактного знания в сравнении, например, с пользой физического труда, производством материальных ценностей, т.е. умом, приносящим конкретную прибыль (2,8%), ср.: *Ныне много грамотных, да мало сытых*; *Перо сохи легче. Грамотей – не пахарь (не работник)*; *Ума много, да вон нейдет (иноск.)* = не иметь силы, не уметь воспользоваться умом вовремя; *Ума палата, да не покрыта (=умен, но беден)*.

Интересно заметить, что в оценке зависимости ума от денег всегда бедный русский народ достаточно ироничен, ср.: *Ума на деньги не купит – у кого денег нет*; *Были бы деньги, и за умного сочтут*.

Результатом рассмотрения русских паремий тематического поля *ум* явилось также выявление дополнительных характеристик изучаемой ментальной единицы:

- количественные характеристики ума / разума (7,41%): ум предстает как нечто количественно измеряемое (ум можно накапливать, увеличивать или растерять, растратить по частям т.п.), ср.: *В умной беседе быть – ума прикупить, а в глупой – и свой растерять*; *Ум – хорошо, а два – лучше*; *Ум за разум зашел* (о чрезмерном мудрствовании); ум и глупость измеряются мерой и степенью, ср.: *Глуп, как бревно / как пень* (то есть «очень, в высшей степени глуп»); *Глуп как пробка*; *Глуп один, как пара купеческих лошадей*; *Глуп, как сивый мерин* (По некоторым данным, это выражение намекает на употребление старых, негодных для другой работы лошадей: они, например, водят колесо,

приводящее в движение механизм (на мельнице, каруселях и т. п.), действуя бессознательно и топчась на одном месте). Интересно и то, что глупость и тупость нередко ассоциируется с животными (лошадами, ослиами), ср.: *Осел на осле, дурак на дураке*;

- качественные характеристики ума (6,77%), ср.: *Незнайка лежит, а знайка далеко бежит* (ум как свидетельство трудолюбия человека); *Учить дураков, не жалеть кулаков* (о трудности учения); *И сила уму уступает; Видит око далеко, а ум еще дальше* (о неограниченных возможностях ума); *Быстрее мысли ничего нет*;

- темпоральные признаки ума (13,18%): ум связан с категорией времени, ср.: *Утро вечера мудренее* (о времени, когда легче и эффективнее мыслить, принимать решения и т.п.); *Ум бороды не ждет; Ум не в бороде, а в голове; Мал малышом, а мудрые пути кажет; Учиться никогда не поздно* (о вневозрастных характеристиках ума); *Молодому учиться рано, старому поздно; Чему смолоду не научился, того и под старость не будешь знать; Женатому учиться – времечко ушло* (о временных границах человеческого возраста, пригодного для учения);

- аксиологические признаки ума / разума (2,2%): позитивные, ср.: *Встречают гостя по платью, а провожают по уму; За ученого двух неученых дают; Не красна книга письмом, а красна умом; Умную речь хорошо и слушать*; негативные, ср.: *И сам тому не рад, что грамоте горазд*.

Вышеизложенные языковые факты свидетельствуют о крайне неоднозначном отношении русских людей к способности человека мыслить, рассуждать, получать знания. В какой-то мере преодолеть эти противоречия позволяет статистическое исследование. Однако необходимо уяснить более глубокую причину столь неоднозначных оценок: вероятно, эта причина кроется в неких закономерностях противоречивого русского сознания или во множественности жизненных ситуаций, в которых применимы разные фрагменты знания и накопленного народом опыта.

И.А. Стернин также отмечает полярность суждений, отраженных в пословичном фонде русского народа, приводя многочисленные примеры (ср.: *Деньги не приносят ума, Ума на деньги не купишь* – с одной стороны; *Деньги делают человека*

умным, *Богатство ум рождает* – с другой стороны). Исследователь аргументирует это следующим: «Один и тот же концепт как бы поворачивается разными сторонами к разным людям, и благодаря этому особенно хороша его многослойность и многоаспектность» [Стернин 2001: 64]. Именно эта противоречивость пословиц, по мнению И.А. Стернина, объясняется их «принадлежностью не к ядру, а к интерпретационному полю концепта, которое содержит «выводы» из разных когнитивных признаков, образующих структуру концепта. Интерпретационное поле концепта всегда слабо структурировано, образовано по принципу дополнительности образующих его предикаций» [Там же].

§ 4. Экспериментальное исследование концептов смыслового поля «Интеллект»

Метод ассоциативного эксперимента позволяет определить специфику содержания того или иного концепта в сознании современных носителей языка. Целью проведения данного эксперимента является определение смыслового наполнения концептов интеллектуальной сферы в русском языковом сознании современного человека.

Эксперимент проводился среди студентов Уральского государственного педагогического университета очного и заочного отделений факультета русского языка и литературы, факультета психологии, факультета юриспруденции, Института социального образования, Института иностранных языков. Возраст опрошенных: от 17 до 38 лет. Всего опрошенных – 166 человек.

Данное экспериментальное исследование основывается на методике, предложенной И.А. Стерниным и Л.А. Тавдгиридзе [Стернин 2005; Тавдгиридзе 2005; Попова, Стернин 2006] и включающей следующие этапы:

1) формулировка заданий эксперимента (студентам было предложено выполнить два задания: первое задание – задание свободного эксперимента, который не имел целью задать определенное направление ассоциаций опрашиваемых, ср.: *Ум – это...*; второе задание – задание направленного эксперимента,

при котором требовалось провести процедуру сравнения, ср.: *Умный, как...*);

2) обобщение ассоциатов по общности семантики (обобщению подлежали слова-синонимы (в том числе лексико-фразеологические), однокоренные слова, слова разных частей речи, используемые для номинации одного ассоциата и т.п.; например, в одну семантическую группу объединялись такие ответы: *рассудок – это умение мыслить* и *рассудок – это умение размышлять*; *рассудок – это умение сдерживать свои чувства* и *рассудок – это умение держать себя в руках*; *разум – это свойство высшей нервной деятельности человека* и *разум – это высшее свойство мозга человека* и т.д.);

3) распределение ассоциатов по количественному признаку (по степени уменьшения частотности вариантов);

4) распределение ассоциатов по семантическому признаку (объединение ассоциатов в группы по общности содержания);

5) установление коэффициента частотности для определения границ уровней в смысловом поле концепта;

6) распределение ассоциатов в смысловой структуре концепта (определение ядерных компонентов, смысловых единиц уровня ближайшей зоны, дальнейшей зоны и элементов крайней периферии).

Задания предложенной анкеты:

1. Закончите выражения: Ум – это... Интеллект – это... Разум – это... Рассудок – это...

2. Напишите первое, что придет Вам в голову при сравнении следующих понятий (нам интересны именно спонтанные реакции, а не обдуманные ответы!): Умный, как... Разумный, как... Рассудительный, как...

Распределение ассоциатов по количественному признаку:

Ум – это знания, полученные в специальных учреждениях / приобретенные знания – 27; способность мыслить / рассуждать – 21; нет ответа – 13; свойство головного мозга человека – 11; уровень интеллекта – 10; знания и умение использовать их в жизни – 8; сила – 8; то, что приобретается с годами / в ходе жизни – 7; дар (от бога / от природы) – 5; опыт – 4; умение анализи-

ровать факты, делать выводы и находить решение – 4; умение получать и обрабатывать информацию – 3; способность к познанию – 3; способность к логическому мышлению – 3; хорошо развитая память, внимание, интуиция и т.п. – 3; то, что есть только у людей – 3; свойство, которое дано не каждому – 3; врожденное качество человека – 3; наличие серого вещества в мозге – 2; совокупность знаний и умений – 2; способности, которые надо развивать – 2; разум – 2; совокупность навыков, которые помогают в жизни (в работе, учебе) – 2; золото – 2; то, что есть у каждого – 2; то, чего люди достигают путем длительной интеллектуальной работы / результат трудолюбия – 2; функционирование мозга – 1; способность человека реагировать на все жизненные ситуации – 1; хорошие данные – 1; истина – 1; то, что не показывают, это видно само – 1; самое главное в жизни – 1; то, что в голове – 1; способность думать о последствиях содеянного или сказанного – 1; способность понимать окружающий мир – 1; счастье – 1; человеческая гордость – 1; умение выйти из трудной ситуации без вреда для себя – 1; то, что есть у человека и животного – 1; преимущество человека, которым надо пользоваться – 1; знания из книг – 1; абстрактное понятие – 1; мудрость – 1; нужная вещь – 1; образованность – 1; книга знания – 1; рассудок – 1; свет – 1; клад – 1; хорошо – 1; голова на плечах – 1.

Интеллект – это знания / знания, полученные в процессе образования / уровень знаний – 42; нет ответа – 15; ум / степень развития ума – 14; врожденная способность человека – 13; уровень развития человека – 9; способность использовать знания в жизни – 8; уровень образованности – 7; коэффициент интеллекта / IQ – 5; способность логически мыслить – 5; уровень развития мышления – 5; способность человека мыслить и получать новые знания – 5; то, что отличает человека от других – 4; то, что нужно развивать – 4; скорость мыслительных процессов – 3; способности человека – 3; способность восприятия мира – 3; умственные способности человека – 3; разум – 3; взгляд на что-либо – 2; знания и умения – 2; сообразительность – 2; сила – 2; врожденная способность человека воспринимать информацию и использовать ее – 1; «Я» человека – 1; то, что есть у каждого – 1; то, к чему нужно стремиться – 1; понимание человека – 1; то,

что отличает человека от животного – 1; способность аналитически мыслить – 1; деятельность – 1; поведение человека – 1; способность развивать знания – 1; мозговая активность – 1; получение нового материала – 1; адекватность умственных процессов – 1; умение чего-либо от природы – 1; база умственных качеств – 1; интересно – 1; грамотность – 1; опыт – 1; когда человек говорит всем понятные и умные слова – 1; развитый ум – 1; способность найти выход из любой трудной ситуации – 1; то, что находится в голове – 1; хорошие умения – 1; то, чем пытаются блеснуть – 1; хитрость – 1; начитанность – 1; это круто – 1; осознание чего-либо – 1; мозг – 1; эрудиция – 1; замечательно – 1; чувства – 1.

Разум – это... нет ответа – 29; способность думать / рассуждать / размышлять – 19; физиологическое свойство человека, которое отличает его от животного – 14; способность мыслить (здро́во / трезво) – 12; ум – 7; способность объективно оценить ситуацию – 6; рациональность мышления – 6; правильный взгляд на жизнь – 5; свойство высшей нервной деятельности человекам – 5; сознание – 4; способность анализировать – 4; то, что есть у всех, но не у всех проявляется – 4; адекватная реакция на окружающий мир – 4; то, что нужно развивать – 3; умение соображать – 3; интеллект + ум + рассудок – 3; уровень знаний – 3; осознанность своих действий / поступков – 3; то, с помощью чего человек размышляет – 2; то, что не позволяет человеку совершать глупости – 2; наличие ума – 2; высшая сила – 2; то, что есть у *homo sapiens* – 2; здоровый ум – 2; мудрость – 2; то, что помогает человеку владеть чувствами – 2; это чувство – 2; рассудительность – 1; признание – 1; сообразительность – 1; деятельность мозга – 1; часть интеллекта, которая помогает здраво мыслить – 1; умение устанавливать причинно-следственные связи – 1; четкое восприятие действительности – 1; достоинство человека – 1; это хорошо – 1; то, что отсутствует у влюбленных – 1; это логично – 1; это не чувство – 1; умение четко и правильно выражать свои мысли – 1; умение обустроить свою жизнь – 1; восприятие и переработка информации – 1; способность найти лучший выход из сложной ситуации – 1; то, что находится в голове – 1; то, что приобретается после многих ошибок – 1.

Рассудок – это... нет ответа – 43; способность (здраво / трезво / адекватно) мыслить / рассуждать – 26; возможность / способность объективно оценивать реальность – 11; здравый смысл – 10; сознание человека – 6; адекватность человека – 6; качество ума, помогающие человеку делать выводы и принимать решения – 6; то, что руководит нашими действиями и поступками – 4; способность правильно рассуждать / мыслить – 4; умение держать себя в руках – 4; трезвость ума – 3; внутреннее «Я» – 2; основы мыслительных процессов – 2; основная часть разума – 2; голова, а не сердце – 2; мудрость – 2; степень обладания такими качествами, как стыд, совесть и т.п. – 2; ум – 2; вменяемость – 2; умение пользоваться имеющимися знаниями – 1; способность / возможность анализировать – 1; жизненный опыт – 1; умение понимать – 1; индивидуальная деятельность человека – 1; совокупность психических процессов – 1; синоним разума – 1; способность рассуждать логически – 1; сначала подумал – потом сделал – 1; умение верно ставить свои действия по порядку – 1; то, что есть у взрослых – 1; то, чем редко пользуются – 1; то, что надо развивать – 1; человеческое состояние – 1; образованность – 1; то, что между разумом и умом – 1; личность – 1; то, чего нет у психов – 1; разум – 1; то, что заставляет признаться в том, что ты совершил неверно – 1.

Результаты обработки материалов ассоциативного эксперимента в сокращенном виде приводятся в Таблице 1, где продемонстрированы лишь наиболее частотные и показательные ответы, количество которых обозначено цифрой.

Таблица 1.

**Обобщение результатов выполнения
первого задания анкеты**

| Наименование концепта смысло- вого поля «Интел- лект» | Ядерные компонен- ты (более 20 единиц) | Единицы ближай- шей зоны смыслово- го поля (от 10 до 20 единиц) | Единицы дальней- шей зоны смыслово- го поля (от 6 до 9 единиц) | Элементы край- ней периферии (от 1 до 5 единиц) |
|--|--|--|--|--|
| Ум | 27 – знания, полученные в специальных учреждениях / приобретенные знания 21 – способность мыслить, рассуждать | 13 – нет ответа 11 – свойство головного мозга человека 10 – уровень интеллекта | 8 – знания и умение использовать их в жизни; сила 7 – то, что приобретается с годами / в ходе жизни | 5 – дар (от бога / от природы) 4 – опыт; умение анализировать факты, делать выводы и находить решение 3 – умение получать и обрабатывать информацию; способность к познанию; способность к логическому мышлению; хорошо развитая память, внимание, интуиция и т.п. |
| Интел- лект | 49 – знания / знания, полученные в процессе образования / уровень знаний / уровень образованности | 15 – нет ответа 14 – ум / степень развития ума 13 – врожденная способность человека | 9 – уровень развития человека 8 – способность использовать знания в жизни | 5 – коэффициент интеллекта / IQ; способность логически мыслить; уровень развития мышления; способность человека мыслить и получать новые знания 4 – то, что отличает человека от других; то, что нужно развивать |

| | | | | |
|-----------------|---|--|---|--|
| | | | | 3 – скорость мыслительных процессов и т.д. |
| Разум | 29 – нет ответа 19 – способность думать / рассуждать / размышлять | 14 – физиологическое свойство человека, которое отличает его от животного 12 – способность мыслить (здро-во / трезво) | 7 – ум 6 – способность активно оценить ситуацию; рациональность мышления | 5 – правильный взгляд на жизнь; свойство высшей нервной деятельности человека 4 – сознание; способность анализировать; то, что есть у всех, но не у всех проявляется; адекватная реакция на окружающий мир 3 – то, что нужно развивать; умение соображать; интеллект + ум + рассудок; уровень знаний; осознанность своих действий / поступков и т.д. |
| Рассудок | 43 – нет ответа 26 – способность (здро-во / трезво / адекватно) мыслить / рассуждать | 11 – возможность / способность активно оценивать реальность 10 – здравый смысл | 6 – сознание человека; адекватность человека; качество ума, помогающее человеку делать выводы и принимать решения | 4 – то, что руководит нашими действиями и поступками; способность правильно рассуждать / мыслить; умение держать себя в руках 3 – трезвость ума и т.д. |

Результаты выполнения второго задания

Умный, как ... ученый – 30 (в т.ч. Эйнштейн – 10, Фрейд – 1, Ломоносов – 2, Менделеев – 2; А. Вассерман – 3); нет

ответа – 16; профессор – 15; собака – 11; сова – 8; философ (в т.ч. Сократ – 3, Аристотель – 1, Платон – 1) – 7; ботаник – 7; Ксения Собчак – 6; утка – 5; филин – 4; мудрец – 4; лев – 4; книга – 3; политик – 3 (в т.ч. Путин – 1, Президент – 1); преподаватель – 2; человек – 2; волк – 2; кот – 2; дурак – 2; студент – 2 (в т.ч. студент МГИМО – 1); вундеркинд – 2; обезьяна – 2; слон – 2; доцент – 1; гений – 1; Соломон – 1; Софокл – 1; черепаха – 1; гусь – 1; отличник – 1; лиса – 1; я – 1; немец – 1; китаец – 1; знаток – 1; енот – 1; змея – 1; тигр – 1; Чичиков – 1; бревно – 1; слово – 1; Кролик из м/ф «Винни-Пух» – 1; блондинка – 1; отец – 1.

Разумный, как... нет ответа – 47; человек – 44; обезьяна – 8; я – 4; взрослый человек – 3; преподаватель / учитель – 3; философ – 3; политик – 2 (в т.ч. Президент – 2, депутат – 1); писатель – 2 (в т.ч. Достоевский – 1, Маяковский – 1); ученый – 2; отец / папа – 2; трезвый человек – 2; лев – 2; муравей – 2; Черепаха Тортилла – 2; мысль – 2; собака – 2; Знайка – 2; мама – 1; скептик – 1; логик – 1; писатель – 1; Удав из м/ф «38 попугаев» – 1; Павел Воля – 1; тигр – 1; справочник – 1; крокодил – 1; Горацию – 1; не встречала таких – 1; вода – 1; Буратино – 1; дурак – 1; женщина – 1; телевизор – 1; ворон – 1; слон – 1; сова – 1; англичанин – 1; прорицатель – 1; петух – 1; медведь – 1; компьютер – 1; мозг – 1; природа – 1; Владимир Познер – 1; Ксения Собчак – 1; Владимир Соловьев – 1; суд – 1; судья – 1; Ослик Иа из м/ф «Винни-Пух» – 1.

Рассудительный, как... нет ответа – 42; юрист – 17 (в т.ч. судья – 10, адвокат – 3; детектив / следователь – 3); учитель / преподаватель – 11; философ – 9 (в т.ч. Платон – 1); старик / старуха / дед / бабушка – 7; политик – 6 (в т.ч. Президент – 3); родители – 6 (в т.ч. мама – 1; отец – 4); психолог – 5; Кролик из м/ф «Винни-Пух» – 4; змея – 4; сова – 3; медведь – 3; я – 2; человек – 2; взрослый человек – 2; царь Соломон – 2; Пушкин – 2; ученый – 2; математик – 2; лев – 2; Удав из м/ф «38 попугаев»; звездочет – 1; Александр Гордон – 1; американец – 1; еврей – 1; филин – 1; маленький ребенок – 1; умник – 1; тетерев – 1; друг – 1; начальник – 1; оратор – 1; книга – 1; теоретик – 1; профессор – 1; ботаник – 1; Эдвард Радзинский – 1; Владимир Познер – 1; физик – 1; немец – 1; мужчина – 1; кот – 1; крот – 1; дуб – 1.

Результаты обработки материалов ассоциативного эксперимента в сокращенном виде приводятся в Таблице 2, где продемонстрированы лишь наиболее частотные и показательные ответы, количество которых обозначено цифрой (см. Таблицы 2).

Таблица 2.

**Обобщение результатов
выполнения второго задания анкеты**

| Наименование концепта смыслового поля «Интеллект» | Ядерные компоненты (более 20 единиц) | Единицы ближайшей зоны смыслового поля (от 10 до 19 единиц) | Единицы дальнейшей зоны смыслового поля (от 6 до 9 единиц) | Элементы крайней периферии (от 1 до 5 единиц) |
|--|---|--|---|---|
| Умный, как... | 30 – ученый | 16 – нет ответа 15 – профессор 11 – собака | 8 – сова 7 – философ, ботаник 6 – Ксения Собчак | 5 – утка 4 – филин; мудрец; лев 3 – книга; политик 2 – преподаватель и т.д. |
| Разумный, как... | 47 – нет ответа 44 – человек | – | 8 – обезьяна | 4 – я 3 – взрослый человек; преподаватель / учитель; философ 2 – ученый; отец / папа; трезвый человек; лев; муравей; мысль; собака; Знайка; мама и т.д. |
| Рассудительный, как... | 42 – нет ответа | 17 – юрист 11 – учитель / препода- | 9 – философ 7 – старик / старуха / дед / ба- | 5 – психолог 4 – Кролик из м/ф «Винни-Пух»; змея 3 – сова; медведь |

| | | | | |
|--|--|--------|--------------------------------|---|
| | | ватель | бушка 6 – политик, родители | 2 – человек; взрослый человек; царь Соломон; Пушкин; ученый; математик и т.д. |
|--|--|--------|--------------------------------|---|

В сознании современных носителей языка понятие *ум* отождествляется с процессом получения знания, притом акцент делается не столько на самостоятельном процессе получения и обработки информации, сколько на приобретении готового знания в образовательных учреждениях. Можно предположить, что это обусловлено спецификой опрашиваемой аудитории (все респонденты – студенты вуза). Однако результаты данного опроса схожи с результатами анализа паремийного фонда русского языка. Так, *ум* предполагает наличие определенного багажа знаний. Кроме того, *ум* в сознании русских людей есть явление недискретное, но цельное: *ум* – это способность мыслить, рассуждать, размышлять, думать. Никто из участников опроса (даже студенты психологического факультета) не назвали определенных ментальных процедур, которые должен осуществлять *умный* человек. Нельзя назвать частотными такие ответы: *ум – это...* способность объективно оценивать реальность (11 ответов), умение применять знания в разных жизненных обстоятельствах (8), способность человека делать выводы и принимать решения (6), умение анализировать факты (4), умение получать и обрабатывать информацию (3), способность к познанию (3), скорость мыслительных процедур (3). Лишь очень незначительное число респондентов (3) отметили основные функции, которые обеспечивают развитие интеллекта: хорошую память, хорошо развитое внимание, воображение и т.д.

Результаты выполнения второго задания анкеты не противоречат вышеизложенным выводам. В сознании студентов понятие *умный* прочно ассоциируется с субъектами образовательной и научной деятельности (*ученый, профессор, философ, учитель, преподаватель*), реже – с представителями политической и юридической сфер (*политик, Президент, юрист*). Определенная часть респондентов (14 человек) связывает уровень

развития ума с возрастом человека, ср. ответы: *умный, как старик / старуха / дед / бабушка, взрослый человек* и т.д., что актуализирует смысловой компонент 'ум приобретается с жизненным опытом'.

Чрезвычайно редкими среди ответов оказались прецедентные имена, встречаются лишь такие: *Эйнштейн* (10), *Васерман* (3), *Соломон* (3), *Ломоносов* (2), *Менделеев* (2), *Сократ* (2), *Аристотель* (2), *Платон* (2), *Пушкин* (2), *Фрейд* (1), *Софокл* (1), *Чичиков* (1), *Достоевский* (1), *Маяковский* (1). Среди ассоциатов-имен собственных фигурируют и представители современной массовой культуры, ср.: *Ксения Собчак* (7), *Владимир Познер* (2), *Павел Воля* (1), *Владимир Соловьев* (1), *Александр Гордон* (1) и др.

Немногочисленны среди ассоциатов также этнические маркеры, ср. *умный, как немец* (1), *китаец* (1); *разумный, как англичанин* (1); *рассудительный, как американец* (1), *немец* (1), *еврей* (1).

Среди образных репрезентантов концепта *ум* отмечаются в основном зооморфные, ср.: *собака* (13), *сова* (11), *утка* (5), *филин* (4) и др.

Нельзя не заметить также, что опрошенные студенты не различают понятия *ум, интеллект, разум, рассудок*. И если сущность первых двух понятий в какой-то степени ими осознана, то понятия *разум* и *рассудок* большей частью респондентов вообще описаны не были, в то время как именно с данными понятиями как терминами сферы философии, психологии и других наук студентам приходится сталкиваться при получении знаний.

В наивной картине мира концепт *ум* воспринимается цельно и предполагает получение готового знания, передаваемого в процессе обучения, либо приобретение знания с жизненным опытом. При этом для носителей русской ментальности образованность и наличие богатого житейского опыта представляют особую ценность, так как обладают положительными качествами: знания и опыт не имеют физического бремени и помогают в трудных жизненных обстоятельствах.

Категория ума становилась предметом изучения многих исследователей – философов, психологов, лингвистов и др., что позволяет говорить о сложившейся научной концепции интеллекта человека. Однако в русском языковом сознании устойчиво и бытовое представление об уме, которое некоторым образом отличается от научного. Этим обусловлен сопоставительный аспект исследования, предполагающий сравнение концепта *ум* в научном освещении и наивном представлении русского народа.

Современные психологи установили, что к ментальным процедурам, определяющим уровень развития интеллекта человека, относятся следующие действия: сопоставление фактов разной природы (числовых, пространственных, языковых / речевых), выявление общего и различного, определение закономерностей в той или иной последовательности единиц, формулирование выводов, принятие решения (выбор варианта) и т.п. Перечисленные процедуры представляют процесс познания, т.е. самостоятельного получения знания путем проведения определенных интеллектуальных действий на основе полученных ранее знаний, умений, имеющихся способностей и определенных (заложенных генетически и/или развитых в процессе обучения) функций (специфики ощущений, восприятия, представлений, особенностей памяти и воображения).

Психологи указывают на такие важные характеристики интеллекта человека, как устойчивость интеллектуальных способностей; цельность и одновременно дискретность интеллекта; прагматическая полезность интеллекта (при наличии умения использовать полученные знания в разных / новых жизненных обстоятельствах); подверженность критерию эффективности; способность умственной деятельности обеспечивать успешность иных видов деятельности; зависимость уровня развития интеллекта от скорости протекания мыслительных процессов; отсутствие зависимости интеллекта от социального статуса, этнической принадлежности и в то же время наличие зависимости уровня развития интеллекта от социально-экономических условий существования.

Однако данные характеристики более касаются рационального мышления. IQ, как подчеркивают многие специалисты, может свидетельствовать о развитии логики, о скорости мыслительных процессов, но не всегда свидетельствует собственно об уме, под которым понимается не только логическое мышление, но также эрудиция, творческий потенциал, способность генерировать новые идеи в процессе длительного обдумывания, начитанность, уровень грамотности человека и другие качества.

Более разнообразный набор когнитивных признаков является при рассмотрении смысловой структуры концепта *ум* на материале лексикографии. Ум – это важнейшая ментальная единица в русском языковом сознании, формировавшаяся на протяжении многих столетий. Поскольку это «константная» единица культуры, в ее смысловом поле можно выделить инвариантные, «вневременные» компоненты и те составляющие, которые обусловлены исторически, социально, культурологически. Этим объясняется исторический подход к изучению данного феномена.

Изучение единиц с корневой морфемой *ум* и слов одной с ними лексико-тематической группы по материалам «исторических» и современных словарей позволило выявить следующие когнитивные признаки концепта.

Традиционно в русской культуре ум является неотъемлемой частью духовной жизни человека. Это связано в первую очередь с исторической памятью народа: для средневекового человека было характерно нерасчлененное представление об этической, эмоциональной, интеллектуальной сферах и подчинение интеллекта глубокому религиозному чувству, пронизывающему все стороны жизни.

Ум с древних времен воспринимается не только как собственно интеллектуальная, но и как нравственная категория: ум может быть источником как добрых, так и злых намерений человека; ум нередко становится причиной бахвальства, высокомерия, гордыни; излишнее умствование часто вредит в решении важных вопросов и т.д.

В структуре концепта традиционно отмечается признак меры, степени, объема ума. Этот компонент реализует в первую

очередь нравственную идею (ум как величие духа) или идею умственного здоровья, разумности, рассудительности. При этом в древности считалось, что истинным здравомыслием и рассудительностью отличались лишь мужчины, слабоумие был удел стариков или свойство неокрепшего детского сознания. Крайняя степень слабоумия отождествлялась с безумием, которое в русской культуре понималось двойственно: как отсутствие здравого мысля, рассудка, т. е. сумасшествие – с одной стороны, как юродство, т. е. внешнее, видимое, реализуемое в крайней аскезе безумие ради Христа, которое представляло собой духовный подвиг. Это уникальный, не имеющий аналогов в других культурах русский феномен восприятия безумия как добровольного отречения от материальных благ ради служения людям.

Ум считается обязательным следствием образованности и учености, часто находит свое отражение в речи как остроумие, острословие.

Безусловно, концептуальное поле ума, сформировавшееся в древнерусский период отличается от системы представлений об уме современного человека (это объясняется влиянием особого типа культуры, характеризующегося религиозной доминантой), однако многое в оценке ума как духовно-нравственной категории сохраняется и передается следующим поколениям в тех или иных явлениях духовной культуры (в первую очередь, это произведения художественной литературы).

В более поздний период формируется научное понимание ума, который отождествляется с понятиями разума, рассудка, интеллекта. Результатом умственной деятельности является постижение истины как единственно верного решения какого-либо вопроса.

Высказывается мнение, что ум можно понимать двойственно: в низшем и высшем смысле. Низшим считается прагматический (бытовой, житейский) ум, которым обладают и животные, высшим называют абстрактный ум (разум), которым обладает только человек.

Актуальными в современных словарях являются такие компоненты: 1) ум осмысливается как вид деятельности человека, представляющий собой абстрактное, априорное познание явлений мира и самого себя; 2) ум ассоциируется с векторным дви-

жением мысли, направление развития ума определяет наличие способностей в какой-либо интеллектуальной сфере; 3) ум наделяется темпоральным признаком, предполагающим скорость мыслительных процессов; 4) ум нередко понимается как признак, отличающий его носителя от других людей, поэтому может восприниматься как достоинство человека и/или предмет возможного хвастовства.

В последние годы XX века особенно становятся актуальными оценочный и прагматический смыслы концепта *ум*: ум является безусловной ценностью, результаты умственной деятельности одаренных людей приносят пользу обществу, потеря умов – метонимически: умных людей – есть потеря возможности развития жизни общества в разных сферах, главным образом – в сфере научного знания. Актуализация таких смысловых компонентов обусловлена тем, что в России в этот период сложилась специфическая экономическая обстановка, которая способствовала так называемой *утечке умов (мозгов)* за рубеж.

Описание «наивного» представления о сущности понятия *ум* основывается на анализе пословиц и поговорок русского народа и на результатах проведения ассоциативного эксперимента. Бытовым сознанием *ум* воспринимается цельно, недискретно; носители языка, как правило, четко не выделяют компоненты мыслительной деятельности (особенности мировосприятия, ощущений, воображения, памяти и т.д.) и специфические особенности интеллекта человека. Недостаточно четкими оказываются границы даже самих понятий *ум*, *разум*. Исследование показывает, что в понятие ума в русском национальном сознании включается не только природная способность человека мыслить и рассуждать, что отличает его от других представителей живого мира. Концепт *ум* включает смысловой компонент ‘приобретенные в процессе обучения (то есть от учителя) или в результате жизненного опыта знания’. Иными словами, понятие *ум* в первую очередь связывается в сознании русского народа с образованностью, ученостью, грамотностью – с одной стороны, с богатым жизненным опытом – с другой стороны. Удивительно, что столь распространенное в русском фольклоре (например, в сказках) представление об уме как смекалке, находчивости, изворотливости простого, малообразованного человека (русско-

го мужика) практически не отражено в паремийном фонде русского языка. Это, вероятно, свидетельствует об одной из устойчивых черт русского национального менталитета – о существовании некоего отвлеченного пиетета перед образованностью. Для русских людей образование – самоценность, они утверждают необходимость получения знания для преодоления жизненных трудностей.

Однако в ходе исследования обнаруживается масса противоречий. Так, существуют противоположные высказывания, в которых ум то представляется сущностью абсолютно бесполезной в сравнении с плодами физического труда, не приносящей быстрого материального результата, то становится необходимым советником в решении сложнейших жизненных вопросов. Многие из названных сегментов изучаемой концептосферы оцениваются русскими людьми одновременно и позитивно, и негативно (ср.: *За ученого двух неученых дают* и *И сам тому не рад, что грамоте горазд*) и т.д. Неоднозначны и возрастные признаки интеллектуальных способностей человека: с одной стороны – считается, что умом (собственно интеллектуальной способностью) одинаково может быть одарен и юный, и взрослый человек; с другой стороны – ум (в значении: ‘разум, рассудительность, верная оценка внешних обстоятельств’ и т.п.) признается как важное приобретение человека, его опыт, помогающий преодолевать многие жизненные трудности. Таким образом, в представлении русского народа об интеллектуальных способностях обнаруживается множество неоднозначных оценок, причина которых кроется и в закономерностях русского национального сознания, известного своей противоречивостью, и во множественности освоенных народом жизненных ситуаций, в которых применимы разные фрагменты знания.

В ходе сопоставления результатов научных исследований интеллекта человека и бытового представления об уме, отраженного в паремийном фонде и ответах опрошенных носителей русского языка, были выявлены некоторые различия научной и наивной картин мира. Во-первых, научное сознание оперирует терминами *интеллект* (психология, педагогика), *разум* и *рассудок* (философия), наивное сознание – словом *ум*. Во-вторых, концепт *ум* в научной картине мира предстает дискрет-

ным. Ядро изучаемой концептосферы в научной картине мира заполняют следующие смысловые компоненты: *Ум / интеллект* – это 1) способность мыслить, рассуждать; 2) способность к самостоятельному осуществлению познания на основе таких функций, как память, ощущения, восприятие, воображение и т.д.; 3) деятельность, предполагающая наличие движения, развития мысли; 4) умение быстро и успешно осуществлять определенный набор ментальных процедур: умение сопоставлять факты, выявлять закономерности, делать заключения и выводы, обобщать информацию, принимать решения и т.д. В наивной картине мира концепт *ум* воспринимается цельно и предполагает получение готового знания, передаваемого в процессе обучения, либо приобретение знания с жизненным опытом. При этом для носителей русской ментальности образованность и наличие богатого житейского опыта представляют особую ценность, так как обладают положительными качествами: знания и опыт не имеют физического бремени и помогают в трудных жизненных обстоятельствах.

ЧАСТЬ III. КОНЦЕПТ «УМ» КАК ПРЕДМЕТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИИ

§ 1. Сопоставительная лингвоконцептология как научное направление

Метод сопоставительного языкознания, как отмечают исследователи, возник задолго до того, как сопоставительная лингвистика выделилась в самостоятельное научное направление. Это вызвано тем, что многие национальные грамматики писались либо в сопоставлении разных подсистем одного языка (например, грамматика Панини содержала элементы сопоставления санскрита с разговорными пракритами), либо в сравнении изучаемого языка с другим – более престижным языком культуры (так, европейские грамматики эпохи Возрождения создавались по аналогии с латинской или греческой).

Становление сопоставительной лингвистики как отдельного научного направления пришлось на середину XX века (см. об этом: Гак 1989: 5–6). Основы теории данной дисциплины исследователи усматривают в работах Р. Ладо («Лингвистика поверх границ культур», 1957 г.), предложившего теоретическое обоснование и методику сравнения двух языковых систем по трем уровням (форма, значение, дистрибуция), и Ш. Балли («Общая лингвистика и вопросы французского языка», 1932 г.), который для выявления характерных черт французского языка сопоставлял его с немецким.

Удачное описание современного состояния сопоставительной лингвистики предложено Н.А. Солдатовой в диссертации «Сопоставительный анализ проблем культуры речи в России/СССР и Франции 1900-1940-х гг.». Исследователь отмечает прикладной характер сопоставительных работ таких англо- и немецкоязычных специалистов, как Г. Никкель, Р.Дж. Ди Пьетро, Л. Деже. В ряду работ по франкоязычной лингвистике автор выделяет аспектные исследования ученых, которые занимаются вопросами сопоставительной фонологии (Genevriev 1927; Wartburg 1958), грамматики (Tremblay 1972; Gniadek 1977; Guillemin – Flescher 1981), стилистики (Vinay, Darbelnet 1958;

Malblanc 1961), концептологии (Duchacek 1966, 1975; Mounin 1972) и т.д. [Солдатова 2004].

В отечественной лингвистике первым опытом создания сопоставительных описаний языков были «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком» Е.Д. Поливанова (1933 г.) и «Фонетика французского языка: Очерк французского произношения в сравнении с русским» Л.В. Щербы (1937 г.). В дальнейшем теорию сопоставительного языкознания развивали исследователи А.И. Смирницкий («Об особенностях изучения направления движения в отдельных языках», 1953 г.), В.Н. Ярцева («О сопоставительном методе изучения языков», 1960 г.), В.Д. Аракин («Типология языков и проблем методики преподавания русского языка как иностранного», 1969 г.), В.Г. Гак («Сопоставительная лексикология», 1977; «Русский язык в сопоставлении с французским», 1988) и др. Хорошо известны также многоуровневые сопоставительные исследования Р.А. Будагова [Будагов 1961, 1963], В.С. Степанова [Степанов 1972], Г.В. Степанова [Степанов 1978] и др.

В последние годы это направление филологической науки особенно активно развивается. Теоретические и практические вопросы сопоставительной лингвистики освещаются в работах С.Г. Воркачева [Воркачев 1991, 1995, 1996, 1997, 2002], М.К. Голованивской [Голованивская 1997, 2009], В.Б. Кашкина [Кашкин 2007], Н.А. Красавского [Красавский 2008], М.В. Пименовой [Пименова 2001], Т.А. Репиной [Репина 1996], И.А. Стернина [Стернин 2007], А.В. Широковой [Широкова 2000] и др. Целый ряд сопоставительных исследований проводится в рамках изучения метафорологии (Э.В. Будаев [Будаев 2006], М.В. Зацепина [Зацепина 2004], Е.В. Колотнина [Колотнина 2003], А.Ю. Перескокова [Перескокова 2006], А.М. Стрельников [Стрельников 2005], Н.Г. Шехтман [Шехтман 2006] и др.).

Современная сопоставительная лингвистика понимается как «наука, имеющая объектом исследования синхронное параллельное сравнение двух или нескольких языковых систем, с целью выявления их наиболее существенных сходств и различий» [Нерознак 1987: 21]. В данном определении одним из ключевых слов является *сравнение*, однако ученые предлагают стро-

го разделять понятия сравнения и сопоставления, методы сравнительного и сопоставительного анализа. Так, А.А. Реформатский дифференцирует эти два метода по двум параметрам: историчность и прагматичность. Исследователь отмечает: «Сравнительный метод направлен на поиск в языках схожего, для чего следует отсеивать различное. Его цель — реконструкция бывшего через преодоление существующего. Сравнительный метод принципиально историчен и апрагматичен. Его основной прием: используя вспомогательную диахронию, установить различного среза синхронии «под звездочкой». Сравнительный метод должен принципиально деиндивидуализировать исследуемые языки в поисках реконструкции протореалии» [Реформатский 1987: 43]. Сопоставительный метод, по мнению А.А. Реформатского, наоборот, «базируется только на синхронии, старается установить различное, присущее каждому языку в отдельности, и должен опасаться любого схожего, так как оно толкает на нивелировку индивидуального и провоцирует подмену чужого своим. Только последовательное определение контрастов и различий своего и чужого может и должно быть законной целью сопоставительного исследования языков» [Реформатский 1987: 44]. Ученый подчеркивает, что при параллельном синхронном изучении двух или нескольких языков следует использовать термин *сопоставление*, которое должно проводится с максимальным устранением возможностей давления системы родного языка. Кроме того, в отличие от сравнительного сопоставительный метод принципиально прагматичен: он направлен на определенные прикладные и практические цели, что отнюдь не снимает теоретического аспекта рассмотрения его проблематики [Там же].

Среди основных задач сопоставительного изучения языков специалисты отмечают следующие: 1) выявление схождения и расхождения в использовании языковых средств разными лингвистическими системами; 2) определение особенностей каждого из сопоставляемых языков, которые могут ускользать от внимания исследователя при одном лишь «внутреннем» изучении языка; 3) создание теоретической базы для разных областей прикладного языкознания, связанных с преподаванием неродного языка, а также с теорией перевода; 4) обеспечение материа-

лом для типологии, для выявления языковых универсалий [Гак 1989].

Важным для настоящего исследования является положение о том, что сопоставительная лингвистика тесно связана не только с разными разделами языкознания, но и с рядом неязыковедческих наук: психологией, этнопсихологией, культурологией и др. «Сопоставительное описание лексических единиц, отмеченных этнокультурной спецификой, – отмечает С.Г. Воркачев, – по существу принадлежит уже сопоставительной лингвоконцептологии, поскольку имеет дело с культурными, вернее, лингвокультурными концептами как некими вербализованными смыслами, отражающими лингвоменталитет определенного этноса» [Воркачев 2003: 7].

Взаимодействие сопоставительной лингвистики с неязыковыми дисциплинами имеет еще один важный прагматический аспект, который делает сопоставительную лингвоконцептологию все более актуальной. Наше многонациональное государство в ситуации нарастающих процессов глобализации становится еще более многоликим, поэтому в настоящее время в сопоставительном языкознании на первый план выходят не столько собственно лингвистические исследования (сопоставление грамматики, лексики, фонологии, стилистики разных языков и т.п.), сколько работы, посвященные изучению лингвокультурных особенностей представителей разных национальностей и анализу характера взаимоотношений разных народов в ситуации межкультурного диалога. Рассмотрение разных лингвокультур в сопоставительном аспекте позволит, по мнению многих специалистов (А. Вежбицка, Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова, Д.Б. Гудков, В.В. Кочетков, В.В. Красных, В.А. Маслова, А.П. Садохин, С.Г. Тер-Минасова, В. П. Фурманова и др.), выявить точки схождения и различия языковых и культурных систем, оказавшихся в одном социальном пространстве. Подробное изучение, описание, объяснение таких различий позволит максимально нивелировать возможные межкультурные конфликты.

Для представителя сопоставительной лингвоконцептологии первоочередным вопросом является такой: ЧТО сопоставлять? Концепты, как ранее было указано, могут быть универсальными и этноспецифичными. Так, С.Г. Воркачев замечает:

«Если отличительные признаки лингвокультурных концептов ограничиваются идеальностью как отнесенностью к области сознания, этнокультурной отмеченностью и вербализованностью, то в их число попадают весьма разнородные по своему семантическому составу единицы, требующие при межъязыковом сопоставлении различных исследовательских подходов. Под определение лингвокультурного концепта попадают имена конкретных предметов (например, *матрешка* – Карасик 2002: 145) и имена реалий при условии их включенности в ассоциативное поле определенной культуры, имена прагматических лакун в межъязыковом сопоставлении (*береза, черемуха, рябина, калина, журавль, mistletoe, holly, thistle* и пр.), имеющие созквивалентное предметное значение. К их числу относятся, естественно, имена национально-специфических понятий (*удаль, воля, privacy, efficiency, esprit, honor, saudade, ordnung* и пр.), находящие при межъязыковом сопоставлении лишь частичное соответствие, и, конечно, имена абеляровских духовных ценностей – мировоззренческих универсалий (*красота, свобода, вера, любовь, истина, справедливость, судьба* и пр.), лингвокультурная специфика которых в достаточной мере трудноуловима» [Воркачев 2003: 11]. Исследователь подчеркивает, что безэквивалентные концепты и «криптоконцепты», не имеющие в языке кодифицированного лексического воплощения, не являются продуктивными для анализа национальной специфики лингвоменталитета, поскольку сопоставлять можно только в достаточной мере сходные и вербально эксплицированные сущности, каковыми являются частично созквивалентные концепты.

С.Г. Воркачев разделяет простые и сложные для межъязыкового сопоставления единицы. «Наиболее простыми оказываются имена концептов-предметов, в семантике которых выделяются референциальная и прагматическая части, из которых первая созквивалентна для обоих языков, а вторая выступает носителем этнокультурной специфики и, соответственно, отличается от языка к языку. Наиболее сложный объект для сопоставительного семантического описания представляют концепты высшего уровня – мировоззренческие универсалии (*свобода, справедливость, судьба, счастье, любовь* и пр.), функционирующие в различных типах дискурса и в различных сферах об-

щественного сознания, что определяет необходимость предварительного создания исследовательского «прототипа прототипов» – внутриязыкового междискурсного эталона сравнения: наиболее признаково полной и наименее этнокультурно маркированной модели, которая чаще всего совпадает с прототипом концепта, полученного в результате анализа научного дискурса и научного сознания. ...Особенностью концептов-мировоззренческих универсалий, которая должна учитываться при создании признакового эталона сравнения, является способность к смене имени при переходе из одной дискурсной области в другую – их потенциальная разноименность: *счастье – блаженство, справедливость – правда, свобода – воля, любовь – милость* и пр. [Воркачев 2003: 14].

Таким образом, при сопоставлении лингвокультурных концептов на материале разных языков выявляется общее и различное в осмыслении разными народами неких универсальных феноменов. При этом общим является определенный набор базовых когнитивных признаков. Различия могут заключаться в следующем: 1) различными могут быть сферы употребления слова-концепта (в одном языке она может быть шире, в другом – уже; слово-концепт может в разных лингвокультурах употребляться в разных дискурсах и т.п.); 2) являясь принадлежностью разных дискурсов, концепт может приобретать разные имена; 3) национально специфичным может быть набор языковых и образных репрезентантов концепта, что позволяет ему реализовывать разные нюансы значений и разные коннотативные компоненты в разных лингвокультурах.

Такие отличия в осмыслении универсальных феноменов разными народами интересно проследить на примере сопоставления русского концепта *хитрость* и французского *ruse*, проведенного на материале толковых, синонимических и паремиологических словарей.

Для каждого из этих языков специфична вербализация изучаемых концептов: в русском языке данный концепт вербализуется главным словом *хитрость*, имеющим минимум синонимов; во французском языке представлен значительно более широкий синонимичный ряд; ср.: данные «Словаря синонимов русского языка»: «Хитрый – лукавый, хитроватый, плутоватый,

плутовской, продувной, с хитрецей, с хитринкой» [Словарь синонимов русского языка, 2002: 622] и словарную статью из французского словаря «Le Robert»: «*Rusé, -е* (хитрый, -ая) – *adroit, artificieux, astucieux, cauteuleux, chafouin, diplomate, ficelle, fin, finasseur, finaud, fourbe, futé, habile, inventif, loup, machiavélique, madré, malicieux, malin, matois, narquois, normand, perfide, politique, renard, retors, roublard, roué, subtil, tortueux, trompeur, vicelard*» [Le Robert 1993: 619]. Даже количественное сопоставление единиц в русском и французском языках свидетельствует о том, что французы выделяют больше нюансов значения слова-концепта *ruse*, чем русские отмечают у слова-концепта *хитрость*.

Интересно сопоставить также образные составляющие концептов *ruse* и *хитрость*, которые актуализируются с помощью антропоморфного, зооморфного и предметного кодов.

Концепт *хитрость* в русском языке более актуален в социальной сфере и связывается с образами лжеца и вора (ср.: *У него в серьгах не спи – позолота слиняет; Он тебя и обучет, и разует; Он тебя и напоит, и вытрезвит; Он тебя так угостит, что нагишом домой уйдешь; Ой-ой гуляю – грош меняю, алтын сдачи беру*). Если рассматривать профессиональную принадлежность хитреца, то в русской традиции это, как правило, нечистый на руку торговец (ср.: *Не обманешь – не продашь; Свиною за бобра продали; Он тебя и купит и продаст*) или мелкий ремесленник, которому без обмана не прожить (ср.: *Мастеровой не худ, да в душе плут; Приказчик – грош в ящик, пятак за сапог; Не тот писарь, что хорошо пишет, а тот, что хорошо концы подчищает; Не ворует мельник: люди сами несут; Это такой землемер, что подушку из-под головы отмежует; Нет воров супротив портных мастеров и др.*).

Во французском языке у названного концепта больше нюансов значения, поэтому слово-концепт *хитрость* используется в более широком контексте: так, «хитрыми по-французски» являются также политики и дипломаты (см. словарную статью слова *rusé* в «Le Robert»). При этом оценочная коннотация французского слова-концепта *ruse* не имеет той негативной окраски, которая присутствует в структуре русского концепта *хитрость*.

Анализ зооморфных образов-репрезентантов рассматриваемых концептов позволяет выявить следующие особенности. Концепт *хитрость* в русской и *ruse* во французской лингвокультурах традиционно ассоциируются с образами лисы, змеи, кошки и некоторых птиц. Тем не менее, с хитростью и обманом в сознании многих народов по всему миру связывается прежде всего лиса. Почему это происходит, остаётся загадкой для зоологов, ведь, по их наблюдениям, «в природе каждое животное хитро по-своему». Так, например, волк, по признанию А. Брема, «в хитрости, лукавстве, умении притворяться и осторожности нисколько не уступает лисице и, скорее, во многом превосходит её» [Брем 2004].

Французские и русские фразеологизмы отражают различные проявления лисьей хитрости:

- предусмотрительность (ср. фр.: *Le renard ne chasse jamais pres de sa tanière* [Maloux 1980: 615] и рус.: *Близ норы лиса на промысел не ходит* [Tougan-Baranovskaia 1970: 8]; а также фр.: *Un bon renard ne mange pas les poules de son voisin* [там же: 8], свидетельствующее о том, что хитрецы не заводят себе врагов по соседству, ср. рус. эквивалент: *Плохой вор тот, что возле себя грабит*);

- коварство и двуличие (ср. рус.: *Заговелась лиса, загоняй гусей* [Tougan-Baranovskaia 1970: 23] и фр.: *Quand le renard se met à prêcher, gare aux poules* [там же: 23], фр.: *Le renard prêche aux poules* (ср. русский эквивалент: *Нашли дурака*); фр.: *Se confesser au renard* (т.е. довериться вероломному) [Французско-русский фразеологический словарь 1963: 923]. Во всех выражениях при разоблачении лицемерия, способности на предательство упоминаются реалии церковной жизни: *поститься, говеть, проповедовать*. Тем самым подчеркивается, что плут не брезгует никакими средствами для достижения цели, участие во фразеологизмах религиозной лексики ярче обозначает порочную природу лиса, ср.: *À la fin le renard sera moine* [Montreynaud 1989: 23].

Однако во французской лингвокультуре более отчетливо прослеживается компонент ‘бессовестность лиса и его неискренность’ (ср.: *Le renard ne sent pas sa propre odeur* [Maloux 1980: 615]; *Le renard change de poil, non d’esprit; Le renard change de*

poil, non de naturel [Maloux 1980: 615]. У русских смысловой компонент 'неисправимость' передаётся с помощью образа волка, ср.: *Сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит*.

В обеих лингвокультурах закреплено представление, что с хитрецами можно действовать только хитростью, но во французской культуре эта идея прочно связана именно с образом лиса (ср.: *À malin – malin et demi, À renard – renard et demi* [Французско-русский фразеологический словарь 1963: 923], *Avec le renard on renarde* [Montreynaud 1989: 23]). В русском языке это снова образ волка (ср.: *С волками жить – по-волчьи выть*).

Французские и русские пословицы подчеркивают, что лис / лиса имеет преимущество перед другими животными, но в русском языке она сравнивается с волком, который считается недалёким (ср.: *Лиса семерых волков проведёт*, причем её хитрость имеет количественное выражение: *У лисоньки-плутовки сорок три уловки* [Проделки хитрецов 1972: 537]), во французской культуре лиса сравнивается со львом, при этом сила льва по своей эффективности в некоторых делах значительно уступает лисьей хитрости, ср.: *Ce que le lion ne peut, le renard le fait*.

У русских лиса более других связана с хитростью. В русском языке выражено представление о типичной внешности хитреца – у него, как правило, мелкие, острые черты лица и особая походка (ср.: *лисьи глаза, лисье лицо, лисья походка* и т.д.). Это животное – традиционный персонаж русского фольклора. В нём же она известна не просто как лиса, а как Лиса Патрикеевна, отчество которой восходит к имени реального исторического лица – литовского князя Патрикя, коварно и хитро посеявшего вражду между новгородцами [Бирх 1999: 340]. По данным «Славянского бестиария», это животное напрямую ассоциировалось с нечистой силой: «Лисица является 1) обозначением дьявола, 2) обозначением царя Ирода, 3) обозначением лукавого человека, 4) обозначением лживости» [Белова 2001:164].

Во французском языке и фольклоре лис тоже является одним из главных хитрецов. Своё имя *Renard* и многие свои качества французский лис унаследовал от персонажа средневековых романов о лисе. Они создавались в городской среде, но, по мнению В.Я. Проппа, «целиком созданы на народной основе» [Пропп 2000: 358]. Причём центр тяжести, приходившийся в

этом собрании сюжетов в предшествующей европейской традиции на других животных, и особенно на волка, переместился на лиса именно во французском «Roman de Renart» (ок. 1230 г.) [Пропп 2000: 363]. Возможно, это представление о лисе во французском фольклоре бытовало без особых изменений со времён античной басни [Пропп 2000: 362]. Доподлинно известно, что у древних греков уже было чётко сформировавшееся мнение на счёт этого хищника. Выражение *хитрее лисы* находим в ряду следующих: *светлее солнца, слаще мёда, легче пёрышка* [Снегирев 1996: 182].

Сказки с участием лисы / лиса очень распространены в фольклоре. Это, возможно, объясняется тем, что основным композиционным стержнем их является обман в разных видах и формах» [Пропп 2000: 370]. Следует указать, что, например, в мифологии этот образ практически не представлен.

Если образ лиса/лисы прочно связывается с лживостью, хитростью и лукавством в обеих рассматриваемых культурах, то только для французской культуры характерна реализация данного концепта в образе обезьяны. Для русских и англичан обезьяна является лишь символом ловкости [Nazarian 1978: 141]. Для русского фольклора обезьяна вообще животное довольно экзотическое, ср.: *Хитёр немец, обезьяну выдумал* [Даль 1996].

У французов обезьяна олицетворяет и хитрость, и лукавство. По их представлениям, для неё характерны такие черты: ловкость действий (ср.: *Adroit comme un singe* [Nazarian 1978: 141]); умение использовать других в своих целях (ср.: *Le singe tire les marrons du feu avec la patte du chat* [Maloux 2001: 145], *Payer en monnaie de singe* [Nazarian 1978: 141]); лукавство (ср.: *Malin comme un singe* [Назарян 1965: 158]). Этот образ, появляющийся во французских фразеологизмах, исключительно негативен. Обезьяна уродлива (ср.: *Laid comme un singe*), она кривляется и гримасничает (ср.: *faire le singe, singer, on n'apprend pas à un vieux singe à faire des grimaces*) [Гак 1995: 1016], её обвиняют в подражании человеку, а отсюда недалеко и до притворства. Обезьяна часто становится совершенно злодеем, ср.: *À force de caresser son petit le macaque le tue* [Montreynaud 1989: 21].

Вместе с этим образом в концепт *ruse* входит ещё один нюанс – внешнее уродство. И, несмотря на то, что в животном мире достаточно вполне отвратительных на взгляд человека существ, за эту характеристику «отвечает» именно обезьяна. Можно предположить, что подобное отношение к обезьяне явилось результатом того, что в её наружности, в её повадках человек смутно угадывал себя, но в искажённом, карикатурном виде, как в кривом зеркале. А в том, что древнему сознанию было достаточно только внешнего уродства или просто необычной внешности, чтобы приписать её обладателю связь с нечистой силой, сомневаться не приходится. Бог, как известно, шельму метит, чему служат подтверждением и следующие выражения: *Malin comme un bossu, Rire (se rigoler, se tordre) comme un bossu*, причём глагол *rire* здесь явно отдаёт чертовщиной, поскольку стоит в ряду следующих *rire comme un fou, rire comme un crevé* [Назарян 1965: 158].

Специфичным для французской лингвокультуры оказался предметный код репрезентации концепта *ruse*. Здесь отличительным признаком всех предметов является ‘тонкость, острота’, выраженная во французском языке словом *fin*, имеющим одним из своих значений ‘хитрый, лукавый’. С помощью этого определения в реализации концепта *ruse* оказываются имплицитно задействованными все пять чувств человека. В этом направлении французы с их обострённой способностью чувствовать далеко впереди. Так, представители этой нации воспринимают качество хитрости через визуальные образы (ср.: *cheveu fin, cheveu malin, fine mouche* [Montreynaud 1989: 108], т.е. предметы, которые человек видит маленькими и тонкими, кажутся ему связанными с хитростью); одорические образы (ср.: *fin comme l'ambre, fin comme le musc*); вкусовые образы (ср.: *fin comme de la moutarde*); тактильные образы (ср.: *fin comme un rasoir*). Все приведенные французские выражения переводятся на русский язык как *очень хитрый, хитрый как лиса* [Назарян 1965: 15].

То, что хитрость, по мнению французов, пахнет и имеет вкус, подтверждается и выражениями *Le renard ne sent pas sa propre odeur* [Maloux 1980: 615], *gout de queue de renard* [Фразеологический словарь французского языка 1963: 923].

У русских с признаком *острый (fin)* тоже связано немало денотатов: слух, зрение, нюх, ум, память, слово, пища, боль да и сам человек (ср.: *проницательный ум / взгляд, острая боль, остроумный человек, острослов* и мн. др.) [Фразеология в контексте культуры 1999: 78]. Но всё же именно французы с их обострённой способностью чувствовать в этом отношении далеко впереди, поскольку, помимо того, что их хитрецы имеют тонкий слух, нюх и «проникающий» взгляд (ср.: *avoir le nez fin* [Гак 1995: 668], *avoir l'oreille fine* [Гак 1995: 694], *les malicieux ont l'âme petite, mais la vue perçante* [Maloux 2001: 76]), само слово *le fin*, ставшее существительным, обозначает 'хитрец, хитрый, лукавый', (ср.: *jouer au plus fin* – пытаться перехитрить кого-либо) [Гак 1995: 460].

Итак, на примере сопоставления лексики и фразеологии смыслового поля *хитрость / ruse* в русской и французской лингвокультурах было показано, какими могут быть общие и различные компоненты смысловой структуры изучаемого феномена: при наличии некоторого набора общих когнитивных признаков концепты в разных языках имеют разные способы вербализации, разные образные репрезентанты, разные сферы употребления слов-номинантов концепта и т.д.

В следующем разделе будет более подробно рассмотрена структура концепта *ум* в сопоставительном аспекте: на материале паремиологии русского, английского и французского языков.

§ 2. Концепт «ум» в русском, английском и французском языках

Данные о системе представлений того или иного народа, особенностях его мышления фиксируются в национальном языке. Наиболее благодатным материалом в таком случае являются пословицы и поговорки, которые представляют собой своего рода «хранилище» житейского, социального, интеллектуального опыта народа и отражают систему представлений людей об окружающем мире, человеческих взаимоотношениях, системе ценностей. При работе с русскими, английскими и французскими пословицами и поговорками учитывается то, что часто точ-

ных эквивалентов в системах разных языков нет. Несомненно, встречаются схожие выражения, но они отличаются смысловым наполнением. И.М. Снегирев отмечает: «Как метафоры, так равно и пословицы одного языка не всегда можно перевести на другой теми же метафорами и пословицами, при переводе тех и других, подобно перекраске материи, естественный блеск, отлив и нежность исчезают или тускнеют, не оставляя следа своей оригинальности и настоящего цвета» [Снегирев 1996: 218].

Важно подчеркнуть, что основной упор в подборе материала делается не на универсальные крылатые выражения, которые были заимствованы многими народами у древних (ср., например, латинское выражение *Animus sanus in corpore sano*, французское *Ame saine dans un corps sain*, английское *A sound mind in a sound body*, русское *В здоровом теле – здоровый дух*). В основном рассматриваются те пословицы и поговорки, которые «неразрывно связаны с историей конкретного народа или этноса, его культурой, бытом, моралью и т.п.» [Маслова 2004: 43]. Поэтому и в данном исследовании особое внимание уделяется таким пословицам и поговоркам, которые являются собственно национальными, а не заимствованными из других, более древних языков. Такое частичное сопоставление лингвокультур позволит, с одной стороны – выявить универсальные смысловые компоненты названных концептов, с другой стороны – определить национальную специфику представлений трех народов о феномене *ум*.

Для определения соответствий в средствах номинации слов-концептов в разных языках целесообразно уточнить специфику подачи толкований в словарях – русских, английских, французских.

Концепт *ум* традиционно связывается в общественном сознании с мыслительной деятельностью человека. Это понимание отражено и в значениях соответствующих лексем в толковых словарях. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова лексическое значение слова-концепта *ум* таково: «*Ум* – 1) способность человека мыслить, основа сознательной, разумной жизни; 2) такая способность, развитая в высокой степени, высокое развитие интеллекта; 3) *перен.* О человеке как носителе интеллекта» [Ожегов 1988: 820].

В «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля представлено следующее определение: «Ум – общее название познавательной и заключительной способности человека, способность мыслить...» [Даль 1996].

Для анализа концептуального содержания того или иного культурного феномена возможно и рассмотрение дефиниции из энциклопедического словаря, ср.: «Ум – способность мышления и понимания. В истории философии то же, что разум, дух. В латинском языке этому слову соответствует *интеллект*» [Брокгауз 2005: 589].

Таким образом, можно выявить следующее: инвариантными семами слова-концепта *ум* являются такие: 'мыслительная способность', 'способность мышления и понимания'. Нередко ум, по данным словарей, отождествляется с понятиями *разум*, *сознание*, *дух*, *интеллект*.

В английском языке русскому слову-концепту *ум* соответствуют единицы *mind*, *wit*, *intellect*.

В словаре «Collins English Dictionary» мы видим следующие основные значения лексемы *mind*:

- 1) The human faculty to which are ascribed thought, feeling, etc.; often regarded as an immaterial part of a person;
- 2) Intelligence or the intellect, especially as opposed to feelings or wishes;
- 3) Recollection or remembrance; memory;
- 4) The faculty of original or creative thought; imagination;
- 5) A person considered as an intellectual being;
- 6) Opinion or sentiment;
- 7) Condition, state, or manner of feeling or thought;
- 8) An inclination, desire, or purpose;
- 9) Attention or thoughts;
- 10) Intelligence, as opposed to material things and others meanings [Collins English Dictionary 2006].

В «Oxford school dictionary» дается несколько иное толкование этого же концепта:

1. The ability to think, feel, understand and remember, originating in the brain.
2. A person's thoughts, opinion, or intention [Oxford school dictionary 2007].

Слово *wit* в «Collins English Dictionary» представлено следующими значениями:

- 1) The talent or quality of using unexpected associations between contrasting or disparate words or ideas to make a clever humorous effect;
- 2) Speech or writing showing this quality;
- 3) A person possessing, showing, or noted for such an ability;
- 4) Practical intelligence [Collins English Dictionary 2006].

Слово *intellect* имеет такие толкования:

- 1) The capacity for understanding, thinking, and reasoning, as distinct from feeling or wishing;
- 2) A mind or intelligence;
- 3) Informal a person possessing a brilliant mind; brain [Collins English Dictionary 2006].

В русском языке для всех представленных значений можно обнаружить следующие эквиваленты: ум, разум, умственные способности, мышление, память, намерение, остроумие. Таким образом, в английском языке нет абсолютного эквивалента слову *ум*, выявляется сразу несколько лексем, имеющих разные семы в том или ином сочетании, которые объединяются в значении слова *ум*. Однако нужно уточнить, что каждый из английских эквивалентов в свою очередь обладает более широкой значимостью. Так, помимо основных сем ('способность думать / think, понимать / understand'), в структуру английского концепта входят такие компоненты: 'способность чувствовать / feel', 'наличие мысли / thoughts', 'наличие своего мнения / opinion', 'наличие намерения / intention'. Эти компоненты не включены в структуру значения слова-концепта *ум* в русском языке, по данным лексикографии.

Во французском языке изучаемый феномен репрезентирован двумя эквивалентными лексемами *esprit* и *intelligence*. Очевидно, что второе наименование восходит к латинскому корню и вряд ли является специфичным только для французской культуры. Более интересные результаты приносит анализ значения слова *esprit*: в значении этого слова-концепта заложено понятие духовности: ум рассматривается как высшая способность человека, возможность души. Неслучайно в толковании

подчеркивается бестелесность данной субстанции, ее отвлеченность от всего бытового, ср.: «*Esprit – la faculté de l'âme qu'on nomme aussi entendement, et qui une sorte d'intelligence métaphysique, de faculté de connaître supérieure*» [Le Robert].

Таким образом, общим для рассматриваемых языков является представление об уме как о высшей человеческой способности мыслить и понимать. Однако в английском языке не отражена связь с категорией духовности (а следовательно – абстрактности, бестелесности); наоборот, указывается точное место возникновения, рождения мыслительного процесса: «*originating in the brain*». Во французском языке подчеркивается, что ум – это именно способность души, то есть для французского понятия актуальна духовная, абстрактная сторона явления. В русском и французском языках категория ума не имеет связи с чувствами и мнениями человека, что довольно четко выражено в английском языке. Значение 'ум как память, как воспоминание' также не находит отражения в русском или французском языках, в то время как для английского становится актуальным.

Во всех рассматриваемых языках важным оказался смысловой компонент 'ум как неотъемлемая составляющая жизни человека'. То есть ум – это не только приобретенная в процессе жизни, обучения способность, но и качество, данное каждому человеку от рождения. Причем в русском языковом сознании жизнь без ума считается очень тяжелой, даже мучительной, ср.: *С умом жить – тешишься, а без ума мучиться; Голова без ума, что фонарь без свечи; Всяк умен: кто сперва, кто опосля*. В английских паремиях также закреплено представление об уме как о прирожденной черте, только проявляется она время от времени, ср.: *No man is wise at all times (Никто не может быть мудрым все время); Wisdom is oft-time nearer when we stoop (Порой мудрость ближе, чем мы думаем)*. Во французском языке это явление тоже нашло отражение, ср.: *Quiconque a beaucoup vu peut avoir beaucoup retenu (Кем бы ты ни был, если много увидел, то можешь долго хранить это)*. При этом многие паремии, как русского, так и английского и французского языков, фиксируют значение 'ум дан человеку от природы'. Каждому присуще это свойство, и уже от самого человека зависит, когда, где и как он будет его проявлять, ср. русские выражения: *Птица красна*

пером, а человек умом; Брат-то он мой, а ум у него свой; Чужим умом жить – добра не нажить. В английских пословицах образы, используемые для сравнения, несколько другие, что отражает национальную специфику, ср.: *A bird may be known by its songs* (Птицу можно узнать по ее песням); *Every herring must hang by its own gill* (Каждая сельдь должна быть повешена за свои жабры); *Let every sheep hang by its own shank* (Позвольте каждой овце висеть на ее собственной ноге). Во французских паремиях мы видим следующее, ср.: *Au chant on connaît l'oiseau* (По пению узнается птица); *Aux tessons on connaît le pot* (По черепкам узнают горшок); *En vol on connaît l'oiseau* (По полету узнается птица); *Les meilleurs clercs ne sont pas les plus sages* (Лучшие ученые не всегда самые лучшие мудрецы); *Ce que pense l'âne, ne pense pas l'ânier* (То, что думает осел, не думает наездник). Для английской культуры значимым оказывается образ овцы, в то время как для французского народа символичным становится образ осла. Причем осел – это символ глупости, что дает возможность противопоставить его умному существу – человеку.

Таким образом, во всех рассматриваемых культурах подчеркивается прирожденная способность человека мыслить, рассуждать, однако образные репрезентанты концепта оказываются этноспецифичными.

Стоит отметить, что и смысловое наполнение концепта ум в разных языках не является тождественным. В ходе анализа русских, английских и французских паремий были выделены следующие особенности. В русских пословицах и поговорках более актуальным оказался смысловой компонент 'голова как вместилище ума', ср.: *Голова без ума, что фонарь без свечи; Без ума голова котел; Без ума голова – лукошко*. В этих паремиях подчеркивается ценность ума, без него голова человека представляется абсолютно ненужной и бесполезной частью тела. Голова осмысливается как источник любых начинаний человека, ср.: *Голова – всему начало; Где ум, там и толк*. Здесь важно подчеркнуть, что любое дело следует предпринимать обдуманно, тогда будет результат. При этом в некоторых пословицах и поговорках характеристика ума присваивается каждому человеку, обладающему головой, ср.: *Сколько голов – столько и умов*;

Что голова, то разум. Однако в русском языковом сознании существуют и такие паремии, которые отражают прямо противоположное значение, ср.: *Не всяк умен, кто с головою.*

В английском языке пословицы с таким смысловым компонентом менее частотны, кроме того, они носят подчеркнуто иронический характер, ср.: *A big head and little wit* (Большая голова, да маленький ум); *You have a head and so has a pin* (У тебя есть голова, но есть она и у булавки); *More wit in his little finger than in your whole body* (У него в мизинце ума больше, чем у тебя во всем теле); *Fat paunches have lean pates* (Толстое брюхо имеет тощую голову). Конечно, такие выражения являются собственными национальными. В русском языке подобных образных сопоставлений со значением интеллектуальной бесполезности (*пустая голова – головка булавки*) не встретишь, однако можно найти другие, не менее ироничные, ср.: *Лоб широк, да мозгу мало.* Важно отметить, что в английском языке актуализируется пренебрежительное отношение к глупости и на уровне выбора лексического употребления (это касается, например, выражений с актуальным компонентом ‘голова’, которая номинируется как *pate* – (разг.) *башка*).

Во французском языке подобные пословицы и поговорки встречаются еще реже, ср.: *Autant de têtes, autant d'avis* (Сколько голов, столько и мнений); *La sagesse n'est pas enfermée dans une tête* (Мудрость нельзя спрятать в голове). Таким образом, для французского народа смысловой компонент ‘голова как вместилище ума’ не имеет большой значимости. В проанализированных паремиях не было представлено ни одной пословицы, в которой бы отражалось положительное или отрицательное отношение к голове как источнику знаний. Во французских паремиях отражается лишь факт существования ума в голове.

Компонент ‘ум / разум как «повелитель, руководитель всей деятельности человека» чаще встречается среди русских и французских паремий, ср. рус.: *Свой ум – царь в голове; Хвост голове не указка; Голова всему начало; Царствует ум головою;* фр.: *Les astres peuvent l'homme incliner, le sage les peut dominer* (Небесные тела могут воздействовать на человека, мудрость может властвовать над ним); *Le sage seul s'appartient* (Лишь мудрец властен над собой).

Во французском языке мудрость признается высшей силой, которая может управлять человеком, неслучайно она сравнивается с могуществом небесных тел. Подчеркивается возможность мудреца управлять другими, но при этом недопустим факт манипулирования умным человеком.

В русском языке сила ума осмысливается не столь гиперболизированно, признается лишь его влияние. Интересно отметить, что если для французов важна сила ума над действиями и поступками людей как социально значимыми явлениями, то в русских поговорках голова как носитель ума «властвует» над другими частями тела, то есть управляет их действиями как таковыми.

В английской языковой картине мира пословицы с таким смысловым наполнением встречаются довольно редко, при этом они являются заимствованными, ср. англ.: *Knowledge is power* (Знания – сила). Следовательно, можно говорить о неактуальности данного смыслового компонента для носителей английского языка.

Общеизвестно, что речь, как устная, так и письменная, является средством предъявления интеллектуальных способностей. Качественные характеристики высказанного слова или его отсутствие становятся показателем уровня интеллектуального развития. Таким образом, можно выделить такой смысловой компонент: ‘речь как показатель наличия или отсутствия ума’.

Во всех рассматриваемых языках поговорки с таким смысловым содержанием получили большое распространение, ср. рус.: *Каков разум таковы и речи; Знать птицу по перьям, а человека по речам; В умной беседе быть – ума прикупить; Перо пишет, а ум водит; Не пером пишут, умом;* англ.: *Talking should be an exercise of the brain not of the tongue* (Речь должна быть упражнением головы, а не языка); *First think, then speak* (Сначала думай, затем говори); *A word is enough to the wise* (Для мудрого достаточно слова) и фр.: *A bon entendeur, demi-mot* (Хорошему слушателю достаточно полслова); *De l'abondance du coeur la bouche parle* (От высказывает то, что в изобилии на сердце); *La lettre tue et l'esprit vivifie* (Письмо убивает, а разум оживляет); *À bon entendeur peu de paroles* (Хорошему слушателю нужно немного слов). В русском и французском посло-

вичном фонде встречаются единицы, отражающие ценность не столько устной, сколько письменной речи, ср. рус.: *Перо пишет, а ум водит* и фр.: *Les paroles s'envolent, les écrits restent* (Слова улетают, а написанное остается); *Les bons livres font les bons clercs* (Хорошие книги делают хороших ученых).

Показателем интеллектуальности чаще всего становится краткая, лаконичная, содержательная речь, а порой и полное ее отсутствие. Молчание рассматривается как признак воспитанности, вежливости, ума, ср. рус.: *Знай больше, да говори меньше; Умный человек слова на ветер не пустит*; англ.: *A still tongue makes a wise head* (Неподвижный язык делает голову мудрой); *Brevity is the soul of wit* (Краткость – душа остроумия); *There is a time to speak and a time to be silent* (Есть время, когда нужно говорить, а есть время, когда стоит молчать); *He knows much who knows how to hold his tongue* (Много знает тот, кто знает, как нужно держать язык за зубами); *No wisdom like silence* (Нет большей мудрости, чем молчание); *Silence is wisdom* (Молчание – это мудрость); *Who knows most, speaks least* (Кто знает больше всех, тот болтает меньше всех); *He is wise who says nothing when he has nothing to say* (Умный молчит, когда ему нечего сказать); *It often needs an open mind to keep one's mouth shut* («Открытый» ум часто нужен для того, чтобы держать рот закрытым) и фр.: *Mieux vaut se taire que de parler mal* (Лучше молчать, чем плохо говорить); *Le silence vaut une réponse* (Молчание стоит ответа); *Ne sait parler qui ne sait se taire* (Не умеет говорить тот, кто не умеет промолчать); *Le plus sage se tait* (Молчание – это самая большая мудрость); *Il vaut mieux glisser du pied que de la langue* (Лучше поскользнуться на ногах, чем на языке). Долгие разговоры наоборот становятся проявлением глупости, бестактности и оцениваются неодобрительно, ср. рус.: *У короткого ума длинный язык; Язык – враг: прежде ума глаголет* и англ.: *Have too much tongue* (Слишком длинный язык).

Преобладание английских пословиц в данном случае можно объяснить национальными особенностями. Для англичан характерны сдержанность, склонность к недосказанности, немногословие, граничащее с молчаливостью, что приводит порой к замкнутости и необщительности. Так, например, специалисты

отмечают, что в переговорах англичане весьма гибки и внимательны к инициативам другой стороны. Их отличает умение терпеливо выслушать собеседника, не возражая ему, однако это не всегда означает согласие, а часто является проявлением важной черты их характера – самообладания, что находит свое выражение в умении молчать и не проявлять открыто своих эмоций.

Французы наоборот любят и умеют блеснуть словом, молчаливый человек социально себя убивает. Но при этом речь француза не должна быть пустословна, так как неумение высказать свою мысль и пустые фразы не получают поощрения. Ценность молчания для французов также актуальна, как и для англичан, ср. фр.: *La parole est d'argent, le silence est d'or* (Слово – серебро, молчание золото). Выражение *En bouche close, jamais touche n'entra* (В закрытый рот муха не залетит) носит ироничный характер и предупреждает, что «закрытый рот» позволяет не только избежать ошибок и промахов в речи, но и становится «защитником» от всевозможных проблем и неприятностей.

Для всех рассматриваемых языков особенно актуальны пословицы, отражающие связь между речью человека и его физическим состоянием. Так, например, употребление спиртных напитков делает человека более развязным, свободным от обязательств, пьяный теряет контроль над собой, а, следовательно, и над своей речью. Поэтому он может высказать все, что думает, не обращая внимания на последствия, ср. англ.: *When wine is in, wit is out* (Когда вино внутри, ум снаружи) и фр.: *Ce que le sobre tient au cœur est sur la langue de buveur* (Что трезвый держит на сердце, то у пьяного на языке); *Trop gratter cuit, trop parler nuit* (Слишком много говорить ночью – то же, что вразумить пьяного), а также рус.: *Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке*.

В этом смысле интересна английская пословица *Truth comes out of the mouth of babes and sucklings* (Правда исходит из уст младенцев и безумцев). Англичане стремятся подчеркнуть то, что дети и глупые люди не задумываются над тем, что говорят, высказывают то, что думают, что приходит им на ум. Но часто именно это является правдой. Умный же человек тща-

тельно оценивает ситуацию, анализирует свою речь, поэтому его высказывания всегда обдуманны.

Национально-культурные особенности англичан в оценке соотношения ума и речи проявляются в таких выражениях: *A clever man can always tell a woman's age – a wise one never does* (Умный мужчина всегда может сказать, сколько женщине лет, а мудрый – никогда этого не сделает); *A wise woman is one who has a great deal to say, and remains silent* (Умная женщина предпочитает молчать, даже если у нее есть что сказать). Если в русском языке важен сам факт, отраженный в пословице: *Слово – серебро, молчание – золото*, то в английском языке связь мысли и речи приобретает этическую (точнее – этикетную) окраску, что, несомненно, подтверждает идею о национальном своеобразии англичан, отражающемся в нарочитом следовании всем правилам речевого и поведенческого этикета.

Во всех языках широко представлены выражения со смысловым компонентом 'ум / разум как жизненный / бытовой опыт', ср. рус.: *Умный грешит, да поправить спешит; Не вызнав броду, не суйся в воду; Беда ум родит; Журавль межю не знает, а через ступает*; англ.: *Adversity is a good discipline* (Несчастье – это хороший урок); *Adversity is a great schoolmaster* (Несчастье – великий учитель); *Experience is the mother of wisdom* (Опыт – мать мудрости); *Experience teaches us wisdom* (Опыт учит нас мудрости); *It is not safe wading in unknown water* (Небезопасно переходить в брод неизвестную реку); *The wisest of the wise may err* (Мудрейшие могут ошибаться); *Second thoughts are best* (Вторые мысли самые лучшие) и фр.: *Experience est mere de science* (Опыт – мать науки); *C'est en faisant des fautes qu'on apprend* (Только совершая ошибки, мы учимся); *En une étroite couche le sage au milieu se couche* (В узком месте мудрец в середину ложится); *On risque de tout perdre en voulant tout gagner* (Рискуют всем, чтобы потом выиграть); *Mieux vaut la vieille voie que le nouveau sentier* (Лучше старый путь, чем новая тропинка); *Sage est qui fait de son tort droit* (Мудр тот, кто признает свои ошибки); *Mémoire et usage rendent l'homme sage* (Знание и опыт делают человека мудрым); *Après dommage chacun est sage* (После несчастья каждый становится мудрым). В анализируемых поговорках подчеркивается

ценность жизненного опыта. Несчастья, через которые проходит человек, совершенные ошибки становятся уроком, дают возможность извлечь новые знания, переосмыслить случившееся, не допустить подобных неприятностей в дальнейшем. Во французском языке отражено представление о том, что только тот признается мудрым, кто совершает ошибки, ср. фр.: *Il n'est si bon sage qui ne faille* (*Не тот мудрец, кто не ошибается*).

Однако в поговорках английского и французского языков к приобретению знаний путем накопления ошибок порой выражается негативное отношение, ср. английские поговорки: *If things were to be done twice all would be wise* (*Если бы все можно было делать дважды, то все были бы мудрецами*); *It is easy to be wise after the event* (*Легко быть умным после случившегося*) и французское: *Tout le monde sait être sage après coup* (*Все могут стать мудрыми после случившегося*). В русском языковом сознании подобного отношения не наблюдается, но встречается выражение, подчеркивающее, что на своих ошибках учатся только глупцы, ср.: *Дурак учится на своих ошибках, а умный на чужих*. У данного выражения существует и английский эквивалент, ср.: *Learn wisdom by the follies of others* (*Учись мудрости на глупостях других*). Для французов это значение оказалось менее актуальным.

Важно отметить, что представление о жизненном опыте у русских, англичан и французов разное. Так, например, во всех лингвокультурах отмечено, что опыт делает человека более умным, но только в английских поговорках более настойчиво подчеркивается, что опыт – это накопленные в процессе практической индивидуальной деятельности знания и умения, что этому нигде не учат, ср. англ.: *Experience keeps no school, she teaches her pupils singly* (*Опыт не преподают в школе, его обретают самостоятельно*); *Wit bought is better than wit taught* (*Практика учит лучше, чем наставление*).

Интересно, что общее значение поговорок о зависимости ума от опыта в русском и английском языках совпадают, но разные представления не являются изоморфными, ср. рус.: *Худатамышь, которая одну лазейку знает* и англ.: *Mouse that has one hole is quickly taken* (*Мышь, которая знает только одну лазейку, скоро будет поймана*); но только англ.: *It is a silly fish,*

that is caught twice with the same bait (Только глупая рыба попадается дважды на один и тот же крючок).

Приверженность англичан традициям отражается в соответствующих пословицах. Например, выражения *Know on which side bread is buttered* (Знать на какую сторону хлеб маслом намазывать); *The proof of the pudding is in the eating* (Подлинность пудинга проверяется во время еды); *Know where the shoe pinches* (Знать, где туфля жмет) отражают культуру и быт английского народа. Хлеб с маслом (bread with butter), знаменитый английский пудинг (pudding) становятся основанием для образной номинации явлений. В России и во Франции эти реалии также присутствуют, но для жителей этих стран они не являются столь значимыми, не имеют культурной ценности, поэтому в меньшей степени отражены в языковом сознании.

Осмысление прагматической полезности ума свойственно и русскому человеку, и британцу, и французу. По данным паремий, обладающему умом жить легче, легче справляться с трудностями существования, ср. рус.: *Умом наживают, а бездумием и старое теряют; Ум там, где толк; Видит око далеко, а ум еще дальше*; английские: *Knowledge is no burden* (Знания не ноша); *Idleness makes the wit rust* (Ум от безделья туснеет); *One good head is better than a hundred strong hands* (Одна хорошая голова лучше, чем сотня сильных рук) и фр.: *Un honnête homme trouve sa patrie partout* (Умный человек везде найдет себе место); *Bon compagnon de voyage fait les lieux courtes* (Хороший спутник в дороге делает путь короче); *Jeunesse paresseuse, vieillesse pouilleuse* (Ленивая молодость, убогая старость); *L'expérience rend maître* (Опыт обеспечивает хозяина).

Однако в русском языке пословицы с данным смысловым наполнением преобладают, ср. рус.: *Грамоте учиться всегда пригодится; Кто грамоте горазд – тому не пропасть; Веревка крепка повивкой, а человек – знанием; С грамотой вскачь, а без грамоты хоть плач; Умная голова сто голов кормит, а худая и себя не прокормит; С умом – торговать, без ума – горевать; Кто умнее, тот достанет поскорее; Кто грамоте горазд, тому не пропасть*. Знания помогают не только справляться с трудностями, но и способствуют материальному благополучию, с умом легче скопить капитал, заработать, хорошо устро-

иться в жизни. Во французском языке это также находит отражение, ср.: *L'expérience rend maître* (Опыт обеспечивает хозяина). Среди английских паремий такие выражения также довольно частотны, но они имеют несколько иное смысловое наполнение, ср. англ.: *He is not fit to command others that cannot command himself* (Тому, кто не умеет управлять собой, не стоит управлять другими); *If you command wisely, you'll be obeyed cheerfully* (Если вы будете мудро править, вам будут с готовностью подчиняться). Если для русских людей и французов знания – это залог успешной жизни, то для англичан наличие ума – это, в первую очередь, залог приобретения определенного социального статуса, возможность руководить, управлять другими людьми.

Наличие ума не осложняет жизни человека, а наоборот делает ее легче. Полезность знаний, отсутствие физического бремени актуально в русском и английском языковом сознании, ср. рус.: *Знания не кошель: за плечами не носить; Знания никому не в тягость* и англ.: *Knowledge is no burden* (Знания не ноша). И напротив, отсутствие ума требует большого количества физических усилий и затрат, ср. англ.: *Little wit in the head makes much work for the feet* (Мало ума в голове задает много работы для ног) и рус.: *Дурная голова ногам покоя не дает*. Среди анализируемых французских паремий данное смысловое наполнение не получило распространения.

Ум будет только тогда приносить пользу, если возможности будут правильно оценены. Не следует слишком много требовать от человека, интеллектуальные способности которого не соответствуют задуманному. Это суждение находит выражение в следующих пословицах, ср. рус.: *Усердие не по разуму только во вред* и англ.: *Zeal without knowledge is a runaway horse* (Старание без знаний, точно убегающая лошадь). Данное английское выражение интересно образным сравнением с убегающей лошадью (*runaway horse*). Английской национальной чертой является особая любовь к лошадям, что довольно часто отражается и в этноспецифичных пословицах этого народа.

Однако свойственная русским людям «диалектичность» сознания, отмеченная еще Н.А. Бердяевым, Н.И. Толстым и другими отечественными философами, позволяет существовать в

русском паремийном фонде и пословицам с противоположным значением – ‘отсутствие прагматической пользы ума’. Но смысловой компонент ‘отсутствие пользы’ в русском языковом сознании получает два направления. С одной стороны, наличие ума рассматривается как нечто бесполезное в быту, оно не избавляет от работы, от физического труда, от бедного существования и лишений, ср. рус.: *Ныне много грамотных, да мало сытых; Грамотей – не пахарь (не работник); Ума много, да вон нейдет; Ума палата, да не покрыта; Ума в долг не займешь; Есть ум, да пустосум, нет ума, да туга сума; Много на свете умного, да хорошего мало; Задним умом дела не поправишь; Задним умом заяц умен.*

С другой стороны, знания не только не облегчают жизнь, но и наоборот затрудняют ее. По народному представлению, кто умен, тот и должен решать все сложные вопросы, находить выход из трудных ситуаций, то есть на умного человека ложится большой груз ответственности и много работы, ср.: *Кто больше знает, тот меньше спит; Не умничай: умнее тебя в тюрьме сидят; Кто много знает, с того много и спрашивается; Кто больше знает, тому и книги в руки.*

Выражения с данным смысловым компонентом представлены в паремийном фонде и английского, и французского языков, однако их количество весьма незначительно. При этом в английских и французских выражениях отражен иной смысл. Оба этих народа несколько иронично относятся к знаниям, к интеллектуальным способностям человека. Они признают их значимость, но в то же время замечают, что они не всегда уместны, ср. фр.: *De jeune docteur argument corni (Молодому доктору мешает мысль).*

Таким образом, у разных народов сложились разные представления о пользе ума. Порой эти точки зрения абсолютно противоположны даже в языковой системе одного языка, что характерно, например, для русской лингвокультуры, ср. русские паремии: *Кто грамоте горазд, тому не пропасть* и *Грамотей не пахарь*, то есть не работник.

Интересно проследить, каково у разных народов представление о соотношении ума и материальных благ. О взаимозависимости ума и денег русский народ рассуждает иронически,

ср. поговорки со смысловым компонентом ‘зависимость ума от денег’: *Ума на деньги не купишь – у кого денег нет; Были бы деньги и за умного сочтут; Умом туп, да кошелек туг*. Большинство людей, тем не менее, больше дорожат знаниями и своими интеллектуальными достижениями, чем материальным достатком. Истинный ум, мудрость, знания, как утверждается в пословицах, нельзя купить за деньги, ср. рус.: *Ум и на золото не купишь; Денег много, да разуму мало; Ума за морем не купишь, коли дома нет; Ворона за моря летала, а ума не стало; Был бы ум, будет и рубль, не будет ума – не будет и рубля; Без ума суму таскать, а с умом деньги считать*.

Французские и английские выражения лишены иронического оттенка и акцентируют внимание на бережливости умного и его способности к рациональным тратам, ср. англ.: *A fool and his money are soon parted* (*Дурак и деньги быстро расстаются*). Бережливость является общеевропейской нравственной ценностью в отличие от присущей русским и поощряемой в русском обществе расточительности, называемой щедростью.

В сознании англичан и французов также осознается большая ценность личностных качеств человека, чем материальные ценности. Так, например, в английских поговорках большим богатством признаются знания, ср.: *Wisdom is a wealth of the wise* (*Мудрость – это богатство умного человека*). Таким образом, можно говорить о том, что для русских людей более актуально осмысление соотношения ума и денег как зависящих друг от друга составляющих, однако чаще поговорки с таким значением носят иронический характер. Для англичан и французов такие соответствия менее актуальны.

В пословичном фонде рассматриваемых языков частотны единицы со смысловым компонентом ‘количественные характеристики ума’. Ум в сознании русского, английского и французского народов – это нечто количественно измеряемое. В языковой картине русских людей отражена способность ума накапливаться, увеличиваться, человек может растерять разум, растратить его по частям, ср. русские поговорки: *В умной беседе быть – ума прикупить, а в глупой – и свой растерять*. Для русского народа важно количество, большой объем ума, ср.: *Ум – хорошо, а два – лучше; Сто голов – сто умов*. Среди английских

и французских паремий такие пословицы также встречаются довольно часто, ср. англ.: *Four eyes see more than two* (Четыре глаза видят лучше, чем два); *Two heads are better than one* (Две головы лучше, чем одна) и фр.: *Autant de têtes, autant d'avis* (Сколько голов, столько и мнений); *Un averti en vaut deux* (Знающий двоих стоит); *Deux avis valent mieux qu'un* (Два мнения лучше, чем одно); *Quatre yeux voient plus clair que deux* (Четыре глаза видят лучше, чем два).

В то же время чрезмерное мудрствование не всегда оценивается положительно. Данное понимание более характерно для русских и французов, ср. рус.: *Ум за разум зашел* (о чрезмерном мудрствовании) и фр.: *Trop penser fait rêver* (Слишком много думать – значит мечтать, т.е. 'быть все дальше от реальности'). Для английского же языка более актуальными оказались выражения, признающие силу большого количества мнений, ср.: *Everybody to his own opinions* (У каждого свое мнение); *It takes all sorts to make a world* (Чтобы сотворить мир, нужны разные люди); *So many wells, so many buckets* (Сколько колодезь, столько и ведер). Причем последняя пословица интересна своим образным сравнением: голова – колодезь, мысль – ведро. Для англичан вообще культурно значим образ воды в силу особого географического расположения и климатических условий.

Таким образом, представление о количестве ума, разума в культурах разных народов неоднозначно, но всеми названными народами наличие нескольких «голов» (т.е. мнений) оценивается положительно.

В паремийном фонде русского, английского и французского языков выделяется большое количество пословиц со смысловым наполнением 'ум как субстанция, связанная с категорией времени'. При этом следует разграничить собственно темпоральные характеристики и возрастные.

Во всех анализируемых языках начало дня считается наиболее благоприятным временем для умственных нагрузок, ср. рус.: *Утро вечера мудренее*; англ.: *Take counsel of one's pillow* (Брать мудрость от подушки); *An hour in the morning is worth two in the evening* (Один час утром стоит двух часов вечером) и фр.: *La nuit porte conseil* (Ночь приносит совет); *L'oreiller porte conseil* (Подушка приносит совет). Утро – это

время эффективной работы, когда легче мыслить, рассуждать и принимать решения.

О возрастных особенностях русские, англичане и французы рассуждают неоднозначно. Существуют пословицы и поговорки противоположные по своему наполнению. Так в сознании русских людей сложилось представление, что ум, опыт, мудрость приходят с возрастом, ср. рус.: *Век живи, век учись; Добрый разум наживают не разом.* С подобным мы сталкиваемся и во французском языке, ср.: *Avec l'âge on devient sage* (С годами приходит мудрость).

Однако возраст не всегда является показателем ума и выдающихся талантов человека. Особенно часто паремии с таким содержанием встречаются в русском языке, ср.: *Ум бороды не ждет; Борода уму не замена; До седой бороды дожил, а ума не нажил; Волосы долги да ум короткий; Борода выросла, а ума не вынесла; Чему смолоду не научился, того и под старость не будешь знать.* Интересно английское выражение, отражающее тот же смысл, ср.: *An old dog will learn no new tricks* (Старый пес не сможет выучить новых трюков). Однако в целом, для английской и французской культуры такие значения менее характерны.

Существуют разные точки зрения на то, в каком возрасте лучше всего учиться. В приведенных выше примерах ум приходит с возрастом. Другие пословицы указывают на более ранний период жизни, а именно, на детство, юность, ср. рус.: *Мал мальшок, а мудрые пути кажет; Женатому учиться – времечко ушло; Чему смолоду не научился, того и под старость не будешь знать* и фр.: *De ce qui s'apprend au berceau, l'on s'en souvient jusqu'au tombeau* (То, что выучил в колыбели, вспоминаешь до могилы). В русском пословичном фонде есть и такие выражение *Молодому учиться рано, старому поздно*, которое по значению эквивалентно обобщенному *Всему свое время*. С другой стороны, для трех народов являются актуальными суждения о вневозрастных характеристиках ума. Мудрость, разум – это категории, которые приобретаются человеком постепенно. Некоторые знания лучше усваивать в детстве, другие – в юности, а что-то приходит только с опытом, с возрастом. Поэтому частотны выражения такого характера, ср. рус.: *Век живи, век учись;*

Учиться никогда не поздно; английские: *It is never too late to learn* (*Никогда не поздно учиться*); *Never too old to learn* (*Никогда не стар, чтобы учиться*) и фр.: *On s'instruit à tout âge* (*Учатся в любом возрасте*); *On n'est jamais trop vieux pour apprendre* (*Никогда не поздно учиться*).

Смысловой компонент 'учение как способ приобретения знаний, ума, разума' наиболее актуальным оказался в русских и английских поговорках, во французском языке пословицы с таким значением менее частотны. Процесс передачи знаний от одного человека другому признается трудоемким и порой непосильным трудом. Наиболее четко это прослеживается в русской языковой картине мира. В русских поговорках учение представлено как сложный процесс, требующий больших усилий и даже приносящий мучительные страдания. Приобретение ума воспринимается носителями языка как тяжелый труд, но результат чаще всего оправдывает стремления обучающихся и приносит радость, ср.: *Корень учения горек, да плод его сладок; Многое учение трудов потребует; Идти в науку – терпеть муку; Труд при учении скучен, да плод от учения вкусен; Не трудно сделать, да трудно задумать; Аз, буки, веда страшат, что медведи; Азбуку учат, во всю избу кричат; Азбука – наука, а ребятам мука; Без муки нет и науки.*

О соотношении интеллектуальной и физической силы русские, англичане и французы судят по-разному. Русский народ признает ум более важным качеством в сравнении с другими, ср.: *Красота увянет, а ум не обманет; Красота приглядится, а ум пригодится; Не силою дерутся, умением; Сила уму уступает; Не копьём побивают, а умом; По одежке встречают, по уму провожают.* Пословицы, выражающие обратное соотношение, в русском языке менее частотны, ср.: *Сила есть – ума не надо; Умный не всегда развяжет, что глупый завяжет.*

Для англичан и для французов смысловой компонент 'преобладание силы и других качеств над умом', напротив, оказался более значимым. Эмоции и чувства вытесняют разумное, ср. англ.: *Hatred is blind, as well as love* (*Ненависть делает нас слепыми, так же как любовь*); *Might goes before right* (*Физическая сила идет впереди разума*); *When a man grows angry, his reason rides out* (*Когда человек сердится, разум покидает его*);

When wrath speaks, wisdom veils her face (Когда говорит гнев, мудрость закрывает лицо) и фр.: *Mieux vaut une once de fortune qu'une livre de sagesse* (Лучше капля удачи, чем книга мудрости); *Une once de bon esprit vaut mieux qu'une livre de science* (Капля здравого смысла лучше, чем пуды учености). В английских поговорках подчеркивается, что преобладание эмоций делает человека беззащитным, лишает его разума. Здесь отражена не столько сила чувств, сколько негативное отношение к проявлению этих эмоций. Англичане знамениты своей «холодностью», но многие исследователи, занимающиеся вопросами английской культуры, уточняют, что английская холодность на самом деле представляет собой доведенный практически до совершенства культ самоконтроля. Открытое и, тем более, раскованное проявление чувств считается у англичан признаком невоспитанности.

Пословицы, отражающие силу ума, единичны в английском и французском языках, ср. англ.: *Beauty is only skin deep* (Красота есть, но суть глубже); *Clothes do not make a man* (Не одежда красит человека) и фр.: *Il a plus d'heur que de sagesse* (Нет большего счастья, чем мудрость). Однако существует и такое английское выражение: *Clothes make the man* (Одежда красит человека), что говорит о противоречивости внутри самой культуры. А французы признают наличие ума великим счастьем, но предпочитают этому удачу, везение.

Итак, ум в русской культуре превозносится над всеми другими качествами человека, в то время как в сознании англичан и французов ум нередко уступает хитрости, силе, красоте. Однако и русские люди признают, что ум становится всесильным именно вкупе с хитростью, ловкостью, догадкой. Это особенно четко прослеживается в русских народных сказках, в которых главный герой наделен, как правило, всеми этими качествами и всегда оказывается победителем. Подчеркивается это и в пословицах, ср.: *Ум без догадки гроша не стоит; Смышленный лучше ученого; Не нужен ученый, а нужен смышленный; Думать хорошо, а отгадать и того лучше*. Во французских поговорках данное суждение также находит отражение, но победителем здесь выходит не ум, а хитрость, ср.: *Mieux vaut ruse que force* (Лучше хитрость, чем сила); *Quand on n'est pas le plus fort, il faut être le plus malin* (Когда не слишком силен, нужно быть

ximpre); *Ce que le lion ne peut, le renard le fait.* (То, что лев не может, лиса делает).

Во французском паремийном фонде встречается несколько пословиц о взаимосвязи ума и сомнения, ср.: *Le doute est le commencement de la sagesse* (Сомнение – начало мудрости); *Mal pense qui ne repense* (Плохо думает тот, кто переосмысливает). Именно сомневающийся человек по-настоящему умен, так как его не покидает работа мысли. В этом отношении русские и англичане более категоричны и реже меняют свое мнение, поэтому поговорки с таким значением в русском и английском языке менее частотны.

В английских паремиях об уме чаще, чем в других языках акцентируется внимание на сословных обозначениях, ср.: *There is no royal road to learning* (Нет королевской дороги к знаниям); *It's not the gay coat that makes the gentleman* (Не веселый пиджак делает мужчину джентльменом). Тем самым подчеркивается ценность ума и невозможность приобретения знаний никаким другим путем, кроме учения. Знатное положение в обществе, слава не могут сделать человека образованным, все зависит только от индивидуальных качеств и способностей человека. Интересно то, что джентльменом признается действительно умный, грамотный мужчина, который отличается своими интеллектуальными способностями, а не красивым внешним видом. В английской культуре внешней стороне воспитанности и образованности всегда придавалось большее значение. В русском и французском языковом сознании сословный компонент менее актуален, так как для этих народов в оценке интеллектуальных и нравственных качеств человека не важен статус и социальное положение. Часто в русских и французских фольклорных сюжетах именно бедный оказывается умнее знатного и богатого.

Во французских, русских и английских паремиях можно отметить наличие сакрального компонента, ср. рус.: *Всякая мудрость от Бога; Разум – душе во спасенье, Богу на славу; Все в мире твориться не нашим умом, а Божьим судом*; англ.: *Whom Gods would destroy, they first make mad* (Кого Бог хочет уничтожить, того делает безумным); *Whom God would ruin, he first deprives of reason* (Кого Бог хочет уничтожить, он лишает

его сперва разума) и фр.: *Quand Dieu quelqu'un veut châtier, de bon sens le fort varier* (Когда Бог хочет наказать кого-либо, того лишает здравого смысла); *Le diable sait beaucoup parce qu'il est vieux* (Черт знает много, потому что он стар); *La fortune rend fou celui qu'elle veut perdre* (Судьба делает сумасшедшим того, кого хочет уничтожить). Паремии с сакральным компонентом свидетельствуют о вере человека в высшие силы, разные народы одинаково стремятся объяснять некоторые явления своей жизни влиянием высшего разума.

В русских и английских выражения присутствует гендерный аспект, ср. русское: *Женский ум лучше всяких дум* и английское: *Need makes the old wife trot* (Нужда делает старую жену рысью). Здесь нет негативной оценки, в русском языке подчеркивается лишь своеобразие женского ума, а в английском выражении передается тот факт, что нужда всему научит, особенно женщину. Во французском языке ум не имеет отнесенности к тому или иному полу, поэтому и выражений с таким наполнением не встретилось.

Интеллектуальные способности человека в трех культурах имеют разную ценность, получают неодинаковое смысловое наполнение. На примере рассмотренных пословиц и поговорок можно выделить общие и различные черты.

В процессе работы было выявлено, что ум – это способность мыслить, рассуждать, присущая человеку. Именно наличие разума отличает его от других представителей живого мира. В то же время ум отличает людей друг от друга. И в русском, и в английском и во французском языковом сознании отражено то, что каждый человек обладает разумом, но проявляется он по-разному: у кого-то в большей степени, у кого-то – в меньшей. В ходе жизненного опыта человек может развивать умственные способности, накапливать, а может и наоборот – растерять. При этом знания рассматриваются и как врожденное качество, и как способность, приобретенная в процессе обучения.

Таким образом, во всех языках закрепилось представление о том, что каждый человек сам творит свою судьбу, сам распоряжается тем, что дала ему природа. И только от него самого зависит: будет он умен или глуп.

При изучении русских, английских и французских паремий обнаруживается и ряд отличий, обусловленных национальной спецификой.

Для английского и французского языкового сознания особенно актуален смысловой компонент 'соотношение ума и речи'. Речь становится показателем интеллектуальных способностей человека. Прежде всего, для европейцев характерно стремление к недосказанности, немногословию. Это является признаком хорошо воспитанного человека. Кроме того, английские пословицы отражают и этикетные формулы, регламентирующие правила поведения мужчины и женщины.

Русские пословицы также указывают на ум или глупость, грамотность или безграмотность человека в зависимости от того, что он говорит, но этикетной стороне этого вопроса русскими людьми не придается особого значения.

Бытовой опыт как способность приобретения и совершенствования знаний актуален в английском и французском паремийном фонде. Для русских же большую значимость приобретает обучение, получение образования.

Отношение русского народа к уму с точки зрения его прагматической пользы отличается от подобного у носителей английского и французского языков. С одной стороны, утверждается необходимость получения знания для преодоления жизненных трудностей, причем залогом успешности в этом смысле является именно владение грамотой (т.е. образованность); с другой стороны, для русских людей актуально и другое представление, предполагающее меньшую эффективность и значимость интеллектуального (т.е. теоретического) ума в сравнении с физическим, плоды которого более ощутимы и скоры.

Наиболее значимым смысловым компонентом для русского языкового сознания является 'зависимость ума от денег', причем отношение к деньгам неоднозначно: деньги могут выступать как помощь в приобретении знаний или наоборот быть абсолютно бесполезными. Английские и французские послови-

цы, актуализирующие значение ‘зависимость ума от денег, практически не встречаются.

Рассмотренные паремии английского, французского и русского языков отличаются не столько смысловыми нюансами, сколько образным воплощением рассматриваемого концепта. Интересно, что в анализируемых пословицах английского и французского языков чаще для обозначения ума используются зооморфные метафоры, в русской лингвокультуре образы животных чаще олицетворяют глупость (*осел, сивый мерин* и др.).

Кроме того, в ходе исследования было выявлено, что национально-специфическими особенностями в представлениях носителей русского языка о содержательном минимуме концепта *ум* является его смысловая близость с такими концептами как *мудрость, хитрость, сообразительность и обучаемость*. В языковой картине мира англичан налицо связь с концептами *талант, дар, интеллектуальность, вежливость*. А для французского языкового сознания свойственна связь с концептами духовного мира: *дух, душа, воля*. Для французского языка характерна взаимосвязь между умом и сомнением. Сомнение, по представлениям этого народа, – это начало мудрости.

Таким образом, концепт *ум* репрезентирует определенные умения, навыки и способности человека, связанные с мыслительной деятельностью, отличаясь тем самым от других концептов внутреннего мира человека своим ценностным статусом. Кроме того, *ум* является определяющим свойством человека, отличающим его от животных, и в то же время он отличает людей друг от друга, что является актуальным для всех исследуемых в данной работе языков. При этом численное преимущество паремических единиц об уме в русском языке над английским и французским указывает на то, что *ум* действительно является культурной доминантой для русского национального сознания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепт является ключевым понятием теории концептуальной лингвистики. В зависимости от аспекта и методов изучения концепта, в зависимости от рассматриваемых способов ре-

презентации концептуальных смыслов выделяют многочисленные направления изучения концептуальных структур, из которых наиболее актуальными в настоящее время являются лингвокультурологическое и когнитивное (в т.ч. когнитивно-семантическое и когнитивно-дискурсивное). При этом представители лингвокультурологического направления подчеркивают важность значимостной составляющей концепта, т.е. его ценности для той или иной культуры; когнитологов в большей степени интересуют общие процессы сохранения и структурирования в индивидуальном сознании информации о мире и самом себе в виде определенных структур представления знаний и оценок.

В данной работе изучение концепта *ум* проводилось с опорой на комплексную методику, включающую 1) изучение научного представления понятия *интеллект человека* с опорой на исследования современных психологов; 2) анализ лексико-графических источников (в том числе – «исторических»), представляющих смысловое поле «Интеллект»; 3) рассмотрение паремиологического фонда русского и других языков в сопоставительном аспекте; 4) анализ данных ассоциативного эксперимента.

Исследование показало, что концепт *ум* представляет собой уникальное явление, не имеющее точных аналогов в других культурах.

Безусловно, в структуре концепта *ум* можно выделить универсальные смысловые компоненты: 1) *ум* понимается как один из важнейших видов деятельности человека; 2) *ум* ассоциируется с векторным движением мысли, направление развития ума определяет наличие способностей в какой-либо интеллектуальной сфере; 3) *ум* наделяется темпоральным признаком, предполагающим скорость мыслительных процессов; 4) *ум* нередко понимается как признак, отличающий его носителя от других людей, поэтому может восприниматься как достоинство человека и/или предмет возможного хвастовства.

Однако все же можно утверждать, что данный феномен уникален для русской культуры в силу следующих его характеристик.

Традиционно в русской культуре *ум* является неотъемлемой частью духовной жизни человека. Это связано в первую

очередь с исторической памятью народа: для средневекового человека было характерно нерасчлененное представление об этической, эмоциональной, интеллектуальной сферах и подчинение интеллекта глубокому религиозному чувству, пронизывающему все стороны жизни.

Ум с древних времен воспринимается не только как собственно интеллектуальная, но и как нравственная категория: ум может быть источником как добрых, так и злых намерений человека; ум нередко становится причиной бахвальства, высокомерия, гордыни; излишнее умствование часто вредит в решении важных вопросов и т.д.

В структуре рассматриваемого концепта традиционно отмечается признак меры, степени, объема ума. Этот компонент реализует в первую очередь нравственную идею (ум как величие духа) или идею умственного здоровья, разумности, рассудительности. При этом в древности считалось, что истинным здравомыслием и рассудительностью отличались лишь мужчины, слабоумие – свойство неокрепшего детского сознания или удел стариков. Крайняя степень слабоумия отождествляется с безумием, которое в русской культуре понимается двойственно. С одной стороны – это отсутствие здравомыслия, рассудка, т. е. сумасшествие. С другой стороны безумие принимает форму юродства, т. е. это внешнее, видимое, реализуемое в крайней аскезе безумие ради Христа, которое представляет собой духовный подвиг. Это уникальный, не имеющий аналогов в других культурах русский феномен восприятия безумия как добровольного отречения от материальных благ ради служения людям.

Ум с древнейших времен в русской культуре считается обязательным следствием образованности и учености, часто находит свое отражение в речи как остроумие, острословие.

Несомненно, концептуальное поле ума, сформировавшееся в древнерусский период отличается от системы представлений об уме современного человека, однако многое в оценке ума как духовно-нравственной категории сохраняется и передается следующим поколениям в тех или иных явлениях духовной культуры (в первую очередь, это произведения художественной литературы).

В более поздний период формируется научное понимание ума, который часто отождествляется с понятиями разума, рассудка, интеллекта. Результатом умственной деятельности является постижение истины как единственно верного решения какого-либо вопроса.

Высказывается мнение, что ум можно понимать двойственно: в низшем и высшем смысле. Низшим считается прагматический (бытовой, житейский) ум, которым обладают и животные, высшим называют абстрактный ум (разум), которым обладает только человек.

Очевидно, что специфические социально-исторические изменения, происходящие в той или иной стране, накладывают определенный отпечаток на формирование тех или иных духовно-нравственных категорий, вследствие переоценки ценностей происходят изменения в сознании людей, т.е. в структуре тех или иных концептов одни смысловые компоненты становятся более важными, другие «затухают», могут появляться и новые значения или исчезать ранее существующие. Так, например, в постсоветское время на первый план выступили оценочный и прагматический смыслы концепта *ум*. Их актуализация обусловлена тем, что в России в этот период сложилась специфическая экономическая обстановка, которая способствовала так называемой *утечке умов (мозгов)* за рубеж. Ум является безусловной ценностью, результаты умственной деятельности одаренных людей приносят пользу обществу, потеря умов есть потеря возможности развития жизни общества в разных сферах, главным образом – в сфере научного знания. Беспокойство общества о таком социальном явлении, как эмиграция, выезд умных и одаренных людей в экономически более благополучные страны, породило такое выражение.

В русской лингвокультуре научное освещение интеллекта человека и «наивное» представление народа об уме не всегда совпадает. В ходе сопоставления результатов психологических исследований интеллекта человека и бытового представления об уме, отраженного в паремийном фонде и ответах опрошенных носителей русского языка, были выявлены некоторые различия научной и наивной картин мира. Во-первых, научное сознание оперирует терминами *интеллект* (психология, педагогика), *ра-*

зум и *рассудок* (философия), наивное сознание – словом *ум*. Во-вторых, концепт *ум* в научной картине мира предстает дискретным. Ядро изучаемой концептосферы в научной картине мира заполняют следующие смысловые компоненты: *Ум / интеллект* – это 1) способность мыслить, рассуждать; 2) способность к самостоятельному осуществлению познания на основе таких функций, как память, ощущения, восприятие, воображение и т.д.; 3) деятельность, предполагающая наличие движения, развития мысли; 4) умение быстро и успешно осуществлять определенный набор ментальных процедур: умение сопоставлять факты, выявлять закономерности, делать заключения и выводы, обобщать информацию, принимать решения и т.д. В наивной картине мира концепт *ум* воспринимается цельно и предполагает получение готового знания, передаваемого в процессе обучения, либо приобретение знания с жизненным опытом. При этом для носителей русской ментальности образованность и наличие богатого житейского опыта представляют особую ценность, так как обладают положительными качествами: знания и опыт не имеют физического бремени и помогают в трудных жизненных обстоятельствах.

Общеизвестно, что наиболее четко этнокультурная специфика прослеживается при сопоставлении разных языков. В данном исследовании сопоставлению подвергались единицы русского, французского и английского языков, репрезентирующих концепт *ум*.

Интеллектуальные способности человека в трех культурах имеют разную ценность, получают неодинаковое смысловое наполнение. В процессе работы было выявлено, что *ум* – это способность мыслить, рассуждать, присущая человеку. Именно наличие разума отличает его от других представителей живого мира, а разная степень интеллектуальных способностей отличает людей друг от друга. И в русском, и в английском и во французском языковом сознании отражено то, что каждый человек обладает разумом, но проявляется он по-разному: у кого-то в большей степени, у кого-то – в меньшей. В ходе жизненного опыта человек может развивать умственные способности, накапливать, а может и наоборот – растерять. При этом знания рассматриваются и как врожденное качество, и как способность,

приобретенная в процессе обучения. Таким образом, во всех языках закрепилось представление о том, что каждый человек сам творит свою судьбу, сам распоряжается тем, что дала ему природа, только от него самого зависит: будет он умен или глуп.

При рассмотрении русских, английских и французских паремий обнаруживается и ряд отличий. Так, например, для английского и французского языкового сознания более важным оказывается компонент 'соотношение ума и речи'. Речь становится показателем интеллектуальных способностей человека. Прежде всего, для европейцев характерно стремление к недосказанности, немногословию. Это является признаком хорошо воспитанного человека. Кроме того, английские пословицы отражают и этикетные формулы, регламентирующие правила поведения мужчины и женщины. Русские пословицы тоже актуализируют этот смысловой компонент, но этикетный аспект для русскоговорящих не столь важен.

Бытовой опыт как способность приобретения и совершенствования знаний актуален в английском и французском паремийном фонде. Для носителей русского языка большую значимость приобретает обучение, образование.

Отношение русского народа к уму с точки зрения его прагматической полезности отличается от подобного у носителей английского и французского языков. С одной стороны – утверждается необходимость получения знания для преодоления жизненных трудностей, с другой стороны – актуально и противоположное мнение, оценивающее интеллектуальный труд менее значимым, чем физический, ср.: *Грамотей – не пахарь* (т.е. плохой работник).

Рассмотренные паремии английского, французского и русского языков отличаются не только смысловыми нюансами, но и образным воплощением концепта. Интересно, что в анализируемых пословицах английского и французского языков чаще используются зооморфные метафоры, чем в русском. В русском языке зооморфные образы чаще встречаются для обозначения глупости (*мерин, осел* и др.), ум реже ассоциируется с животными.

В ходе исследования было выявлено, что национально-специфическими особенностями в представлениях носителей

русского языка о содержательном минимуме концепта *ум* является его смысловая близость с такими концептами, как *мудрость, хитрость, сообразительность, обучаемость*. В языковой картине мира англичан налицо связь с концептами *талант, дар, интеллектуальность*. Для французского языкового сознания свойственна связь с концептами духовного мира: *дух, душа, воля*. Для французского языка также характерна взаимосвязь между умом и сомнением. Сомнение, по представлениям этого народа, есть начало мудрости.

Таким образом, концепт *ум* репрезентирует определенные умения, навыки и способности человека, связанные с мыслительной деятельностью, отличаясь тем самым от других концептов внутреннего мира человека своим ценностным статусом. Кроме того, *ум* является определяющим свойством человека, отличающим его от животных, и в то же время степень развития интеллектуальных способностей отличает людей друг от друга. Эти компоненты смысла являются актуальными для всех рассмотренных здесь языков. При этом численное преимущество паремических единиц русского языка над английским и французским указывает на большую значимость концепта *ум* для русской языковой картины мира.

Концепт *ум* в русской лингвокультуре представляет собой уникальное явление, которому трудно подобрать аналог в другой культуре. Это «константная» ментальная единица, непрерывно формирующаяся на протяжении многих веков и прирастающая все новыми смыслами, которые нуждаются в описании и осмыслении.

ЛИТЕРАТУРА

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. *Аникин В.П.* Русские пословицы и поговорки. М., 1988.
2. *Бардоши В.* Фразеологизмы французского языка: словарь-практикум. Екатеринбург, 2002.
3. *Белова О. В.* Славянский бестиарий. М., 2001.
4. *Бирих А. К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология: историко-этимологический словарь. М., 2005.
5. *Бирих А. К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник СПб., 1999.
6. *Бирих А. К.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. Ростов н/Д., 1997.
7. *Бодрова Ю. В.* Русские пословицы и поговорки и их английские аналоги. М., 2007.
8. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. М., 2005.
9. *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. М., 1991.
10. *Гак В. Г.* Новый французско-русский словарь / В. Г. Гак, К. А. Ганшина. М., 1995.
11. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.: ТОО «Диамант», 1996.
12. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.
13. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991.
14. *Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Русский толковый словарь. М.: ЭКСМО, 2006.
15. *Модестов В. С.* Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия М., 2009.
16. *Назарян А. Г.* Образные сравнения французского языка. М., 1965.
17. *Назарян А. Г.* Почему так говорят по-французски? М., 1968.
18. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.
19. *Русские пословицы и поговорки:* Учебный словарь / Авт. В.И. Зимин, С.Д. Ашурова и др. М., 1994.

20. *Симони П.К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVI—XVIII столетий. СПб. 1899.

21. *Словарь Академии Российской 1789 – 1794 гг.* // URL: <http://www.philippovich.ru/Projects/ESAR/SAR/PDFSAR/Framesetpdf.htm> (дата обращения: 11.06.2010)

22. *Словарь пословиц на восьми языках* / Сост. Д. Сверчинская, А. Сверчинский. М., 2008.

23. *Словарь русского языка*: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981 – 1984.

24. *Словарь синонимов русского языка* / под. ред. А. П. Евгеньевой. М., 2002.

25. *Словарь употребительных английских пословиц*. М., 1988.

26. *Снегирев И. М.* Словарь русских пословиц и поговорок; Русские в своих пословицах. Н. Новгород, 1996.

27. *Современный толковый словарь русского языка* / Под ред. Т. Ф. Ефремовой. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006. URL : <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova> (дата обращения: 14.09.2009)

28. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3-х т. Санкт-Петербург, 1893.

29. *Старинные русские пословицы и поговорки* / Сост. В.П. Аникин. М., 1988.

30. *Толковый словарь русского языка*: В 4-х т. Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М., 1935.

31. *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика* / под ред. Г.Н. Складерской. М.: Эксмо, 2006.

32. *Туган–Барановская Б.* Русские и французские пословицы и поговорки / Под редакцией А. А. Рудникова. М., 1946.

33. *Уваров Н.В.* Энциклопедия народной мудрости. Пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, сравнения, устойчивые словосочетания, встречающиеся в русском языке во второй половине XX – начале XXI веков. М., 2009.

34. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. М., 1973.
35. *Французско-русский фразеологический словарь* / сост. В. Г. Гак; под ред. Л. И. Рецкера. М., 1963.
36. *Ascraft M.* Dictionnaire des expressions idiomatiques françaises. Paris, 1995.
37. *Collins English Dictionary.* 8th Edition, 2006.
38. *Dubois J., Mitterand M., Dauzat M.* Dictionnaire étymologique et historique du français. Paris, 1993.
39. *Le Robert Dictionnaire de la langue française:* en 8 t. Montréal, 1998.
40. *Le Robert Dictionnaire de proverbes et dictons.* Choisis et presentes par Florence Montreynaud, Agnes Pierron, Francois Suzzoni. La sagesse du monde entire. Paris, 1989.
41. *Maloux M.* Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes. Paris, 1980.
42. *22. Maloux M.* Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes. Paris, 2001.
43. *Montreynaud F.* Dictionnaire de proverbes et de dictons / F. Montreynaud, A. Pierron, F. Suzzoni. Paris, 1989.
44. *Nazarian A.* Curiosités de la phraséologie française. М., 1978.
45. *Oxford School Dictionary:* 45 000 слов и выражений / Под ред. А. Делаханты и Ф. Макдональда. М., 2007.
46. *Tougan-Baranovskaia B.* Proverbes et dictons russes. М., 1970.

ИССЛЕДОВАНИЯ

1. *Агаркова Н.Э.* Деньги // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 2. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 73 – 84.
2. *Агиенко М.И.* Теологические признаки концептов истина и правда // Концепт. Образ. Понятие. Символ: Коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. С. 190 – 209.
3. *Айзенк Г.* Новые тесты IQ. М., 2001.

4. *Аникин В.П.* Русские пословицы и поговорки. М., 1988.
5. *Антология концептов.* Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005.
6. *Антология концептов.* Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 2. Волгоград: Парадигма, 2005.
7. *Антология концептов.* Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 4. Волгоград: Парадигма, 2006.
8. *Антология концептов.* Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 5. Волгоград: Парадигма, 2007.
9. *Антология концептов.* Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 6. Волгоград: Парадигма, 2007.
10. *Антология концептов.* Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 7. Волгоград: Парадигма, 2009.
11. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995а.
12. *Апресян Ю.Д.* Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. М., 1992. № 3. С. 20–34.
13. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995б. № 1. С. 37–67.
14. *Апресян Ю.Д.* Основные ментальные предикаты состояния в русском языке // Славянские этюды. Сб. к юбилею С.М. Толстой. М., 1999. С. 44–57.
15. *Апресян Ю.Д.* Синонимия ментальных предикатов: группа *считать* // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 7–22.
16. *Аракин В.Д.* Типология языков и проблем методики преподавания русского языка как иностранного. М., 1969.
17. *Арапова О.А., Гайсина Р.М.* Дружба // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 58–80.
18. *Арутюнова Н.Д.* Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С.21–30.

19. *Арутюнова Н.Д.* От образа к знаку // Мышление. Когнитивные науки. Искусственный интеллект. М., 1988. С. 147–162.
20. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
21. *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–280.
22. *Бабенко Л.Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. М., Екатеринбург, 2004.
23. *Бабенко Л.Г., Васильев И.В., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста / Урал. ун-т. Екатеринбург, 2000.
24. *Бабкин А.М.* О словаре и его авторе (извлечения из предисловия к шестому изданию) // В.И. Даль. Словарь живого великорусского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
25. *Бабушкин А.П.* Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 52–58.
26. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1. Гуманит. науки. Воронеж, 1996. Вып. 2. С. 3–18.
27. *Бадмаева Т.И.* Концепт *вода* в английской лингвокультуре: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
28. *Балашова Е.С.* Концепт *бессмертие* в истории и теории культуры: Дис. ... канд. филос. Наук. Н.Новгород, 2005.
29. *Балашова Е.Ю.* Концепты *любовь* и *ненависть* в русском и американском языковых сознаниях. Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.
30. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
31. *Баранов А.Н.* Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике: Фреймы и сценарии. Научно-аналитический обзор. М., 1987.
32. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Постулаты когнитивной семантики // ИРАН СЛЯ. 1997. Т.56. № 1. С. 11–21.

33. *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.
34. *Бахвалова Т.В.* Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка (на материале орловских говоров): Учебное пособие. Орёл: Изд-во ОГПУ, 1993.
35. *Белая Е.Н.* Концепт «радость» в представлении русского и французского языков // Язык. Время. Личность: Материалы Междунар. науч. конф. (3-5 дек. 2002 г., Омск, ОмГУ) / Под ред. Л.О. Бутаковой. Омск: Омск. ун-т, 2002. С. 104–107.
36. *Беляевская Е.Г.* Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке: Сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1994.
37. *Бицилли П. М.* Элементы средневековой культуры, СПб: Мифрил, 1995.
38. *Благова Г.Ф.* Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М.: Восточная литература, 2000.
39. *Блинова Л.А., Купина Н.А.* Нравственные концепты в лексическом освещении // Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993. С. 20–31.
40. *Богуславская О.Ю.* Откуда ты знаешь, что она умная? // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 64–72.
41. *Богуславский В.М.* Национальный образ внешности в русской фразеологии // Русский язык за рубежом. 1993. № 3. С. 96–104.
42. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. Ун-та, 2001.
43. *Болдырев Н.Н.* Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 25–36.
44. *Болдырев Н.Н.* Концептуальные структуры и языковые значения // Филология и культура. Материалы международной конференции 12 – 14 мая 1999. Тамбов, 1999. С. 62–69.
45. *Болотнова Н.С.* Ассоциативное поле текста и слова // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте. Томск, 2000а. С. 9–22.

46. *Болотнова Н.С.* Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994.
47. *Болотнова Н.С.* О трех направлениях коммуникативной стилистики художественного текста и изучение текстового слова // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2000б. С. 4–8.
48. *Борискина О.О., Кретов А.А.* Теория языковой категоризации: Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж, 2003.
49. *Борисова М.Б.* Концепт «чужак» в художественном мире М. Горького // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: Материалы Междунар. науч.-метод. конф. СПб.: Изд-во «Союз», 2001. С. 362–370.
50. *Бочарова Е.Н.* Глупость // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 7. Волгоград: Парадигма, 2009. С. 164–175.
51. *Брагина Н.Г.* Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999б. С. 131–138.
52. *Брем А.* Жизнь животных / Предисловие и комментарии М. С. Галиной и М. Б. Корниловой. М., 2004.
53. *Бронник Л.В.* Природа концепта: «ментализм – дуализм – физикализм» или новый взгляд на проблему? // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 13–20.
54. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Польский язык сравнительно с русским и древне-церковно-славянским: Пособие для практических занятий по «сравнительной грамматике славянских языков» и для самообучения. СПб., 1912.
55. *Будаев Э.В.* Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
56. *Будагов Р.А.* Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки. М., 1963.
57. *Будагов Р.А.* Сходства и несходства между родственными языками. М., 1961.
58. *Будаев Э.В.* Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. Нижний Тагил, 2007.

59. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
60. Бурас М.М., Кронгауз М.А. Концептуализация в языке: всё или ничего // Язык и структура знания. М., 1990. С. 50–57.
61. Бурнос И.В. Некоторые вопросы лингвокультурологического анализа фразеологизмов, выражающих признаки интеллекта // Язык. Человек. Картина мира: Материалы Всероссийской научной конференции / Под ред. М.П. Одинцовой. Ч.1. Омск: Омск. гос. ун-т, 2000. С. 101–104.
62. Бусурина Е.В. Дурак // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 2. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 121–132.
63. Бутакова Л.О. Концептуально-смысловой анализ русских пословиц и поговорок о *чести* / *бесчестии* // Welt im der Sprache / Отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2005. 82–88 с.
64. Бухаров В.М. Концепт в лингвистическом аспекте // Межкультурная коммуникация: Учеб. Пособие. Нижний Новгород: Деком, 2001. С. 74–84.
65. Бычкова Т.А. Концепт «жизнь - смерть» в идиолекте Михаила Зощенко: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004.
66. Вежбицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке //Русский язык в научном освещении. 2002. №2 (4). С. 6–34.
67. Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. М.: «Языки русской культуры», 1999.
68. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. М., 1996.
69. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002.
70. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Приметы времени и места в идиоматике речемыслительной деятельности // Язык: система и функционирование. М., 1998. С. 54–61.

71. *Вильмс Л.Е.* Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь» (на материале немецкого и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997.
72. *Вершинина Т.С.* Метафорические модели с исходной биологической сферой в современном политическом дискурсе. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
73. *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997.
74. *Воркачев С. Г.* Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // ВЯ. 1997. № 4. С. 115–124.
75. *Воркачев С. Г.* Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003. С. 5–12
76. *Воркачев С.Г.* Концепт счастья в русской и английской паремиологии // Реальность этноса. Образование и проблемы межкультурной коммуникации. СПб., 2002. С. 145–148.
77. *Воркачев С.Г.* Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. Том 60, №6. М., 2001.
78. *Воркачев С.Г.* Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. С. 79–95.
79. *Воркачев С.Г.* Национально-культурная специфика концепта *любви* в русской и испанской паремиологии // Филологические науки. 1995. № 1. С. 56–67.
80. *Воркачев С. Г.* Речевые значения кванторных местоимений русского и испанского языков: контрастивный анализ // Филология. Краснодар, 1996. № 10. С. 37–40.
81. *Воркачев С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
82. *Воркачев С. Г.* Хотеть–желать vs *querer–desear*: сопоставительный анализ употребления русских и испанских глаголов // Русский язык за рубежом. 1991. № 3. С. 75–82.
83. *Воркачев С. Г.* Эталонность в сопоставительной семантике // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 25. М., 2003.
84. Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 13–20.

85. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология: Монография. М., 2008.
86. *Воробьев В.В.* Культурологическая парадигма русского языка: Теория описания языка и культуры во взаимодействии. М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1994.
87. *Воронина Т.М.* Интеллектуальная деятельность человека в образном представлении (на материале глагольной метафоры) // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2000. С. 298–306.
88. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Психологические исследования. М.: Лабиринт, 1996.
89. *Гаврилова М.В.* Пространство и время в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996.
90. *Гак В. Г.* О контрастивной лингвистике // НЗЛ. Вып. 25: Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 5–17.
91. *Гак В.Г.* Пространство мысли (Опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 22–29.
92. *Гак В.Г.* Русский язык в сопоставлении с французским. М., 1988.
93. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. М., 1977.
94. *Гак В.Г.* Судьба и мудрость // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 198–206.
95. *Гак В.Г., Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора (материалы к словарю) // Вопросы языкознания, 1993. № 3. С. 136–140.
96. *Глебов Р.* Интеллект: роль природных и социальных факторов // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня. Хрестоматия. Минск, 2004.
97. *Головенкина Н.В.* Метафорическое моделирование действительности в художественной картине мира М.А. Булгакова. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
98. *Головин С.Ю.* Словарь практического психолога. Мн.: Харвест, 1998.
99. *Гольдберг В.Б.* Ментальные пространства, отражающие биологическое существование человека // Концепт. Образ. Понятие. Символ: Коллективная монография / Отв. ред.

Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. С. 6–21.

100. *Гойман А.А.* Некоторые аспекты картины мира человека древней Руси: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001.

101. *Голованивская М.К.* Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских. М., 2009.

102. *Голованивская М.К.* Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. М., 1997.

103. *Григоренко Т.М.* Остроумие // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 6. Волгоград: Парадигма, 2007. С. 182–206.

104. *Григоренко Н.В.* Зависть // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 7. Волгоград: Парадигма, 2009. С. 154–164.

105. *Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество: Монография. Екатеринбург, 1996.

106. *Гришаева Л.И., Цурикова Л.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учебное пособие. Воронеж, 2004.

107. *Гришина О.А.* Актуализация концепта «АМЕРИКА» в современном русском языке // Концепт. Образ. Понятие. Символ: Коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. С. 209–222.

108. *Гудмен Н.* Метафора – работа по совместительству // Теория метафоры. М., 1990. С. 194–201.

109. *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.

110. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Gurev/01.php (дата обращения: 14.07.2009)

111. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.

112. *Гуревич А.Я.* Средневековье как тип культуры // Антропология культуры. Вып. 1. М.: ОГИ, 2002. С. 39–55.

113. *Гуревич А.Я.* Популярное богословие и народная религиозность средних веков // Из истории культуры средних ве-

ков и Возрождения. М., 1976. С. 65–91.

114. *Гусякова Л.Г.* Словарь основных понятий по социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями. Барнаул, 1997.

115. *Данькова Т.Н.* Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальном стиле А. Ахматовой: Автореф... дис. канд. наук. Воронеж, 2000.

116. *Дегтев С.В., Макеева И.И.* Концепт *слово* в истории русского языка // *Язык о языке: Сб. статей.* М., 2000. С. 156–171.

117. *Деева Н.В.* Модусы бытия человека: жизнь (попытка интерпретации концепта) // Концепт. Образ. Понятие. Символ: Коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. С. 141–157.

118. *Деева Н.В.* Концепты *жизнь* и *смерть* в русских фольклорных текстах // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2005. (Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 6») С. 70–87.

119. *Демьянков В.З.* Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // *Язык и структуры представления знаний: Сб. аналит. обзоров.* М.: РАН, 1992. С. 39–77.

120. *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // *Вопр. языкознания.* 1994. №4.

121. *Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии / *Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования.* № 3. М., 2002. С. 32–43.

122. *Демьянков В.З.* Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // *Вопросы филологии.* 2001. № 1. С. 35–47.

123. *Дзюба Е.В.* Концепт *инобытие* в поэзии М.И. Цветаевой // *Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества.* Т. 8 / Урал. гос. пед. ун-т, Екатеринбург, 2002.

124. *Дзюба Е.В.* Концепты *жизнь* и *смерть* в поэзии М.И. Цветаевой. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.

125. *Дзюба Е.В.* Концепты интеллектуальной сферы в русском и китайском языках (на материале пословиц и погово-

рок) // Россия и Китай в глобальном мире. Материалы международной научной конференции. КНР, Чань-Чунь, 2007.

126. *Дзюба Е.В.* Концепт *хитрость* в русской и французской языковых картинах мира: лексикографический аспект // Лингвокультурология. Выпуск 2. Екатеринбург: УрГПУ, 2008.

127. *Дзюба Е.В.* Концепт *ум* в научном освещении и наивном представлении русского народа // Известия УрГУ им. А.М. Горького. Серия 1. Екатеринбург: УрГУ им. А.М. Горького, 2009.

128. *Дзюба Е.В.* Некоторые проблемы описания концептов интеллектуальной сферы в русской языковой картине мира (на материале русских пословиц и поговорок) // Открытое образовательное пространство: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург: УРГПУ, 2007.

129. *Дзюба Е.В.* Особенности содержания концепта *ум* в языке Древней Руси // Известия УрГУ им. А.М. Горького. Серия 1. Екатеринбург: УрГУ им. А.М. Горького, 2010.

130. *Дмитриева О.А.* Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007.

131. *Добродомов И.Г.* Дубина стоеросовая // Русская речь. 1968. №5. С. 142–144.

132. *Донских О.А.* Методологический анализ понятия языковой картины мира // Методологические проблемы научных исследований. Новосибирск, 1984. С. 84–88.

133. *Дорофеева Н.В.* Реализация эмоционального концепта *удивление* в православном дискурсе (на материале акафистов) // Актуальные проблемы современной филологии: Языкознание. Киров, 2003.

134. *Древо. Православная энциклопедия.* URL : <http://drevo.pravbeseda.ru/index.php?id=8774> (дата обращения: 12.07.2009)

135. *Дубровская О.Г.* Русские и английские пословицы как лингвокультурологические единицы (фреймовая классификация пословиц об уме, глупости, любви, труде и лени). Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2002.

136. *Евтушок Ю.Г.* Преступление // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 2. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 215–222.

137. *Ермакова О.П.* Концепт *безумие* с точки зрения языка // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2003. С. 108–116.

138. *Жданова Л.А., Ревзина О.Г.* «Культурное слово» *милосердие* // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 56–61.

139. *Живов В. М.* Святость: Краткий словарь агиографических терминов. М.: «Гнозис», 1994. URL : <http://www.wco.ru/biblio/books/zhivov1/Main.htm> (дата обращения: 01.07.2009)

140. *Живов В. М.* Основные регистры книжного языка и процессы их формирования // Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 31–41.

141. *Живов В. М.* Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 73–115.

142. *Житков А.В.* Особенности организации функционально-семантического поля восприятия запаха в произведениях И.А. Бунина // Слово в языке, речи, тексте / Урал. пос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1999. С. 27–28.

143. *Журавлев А.Ф.* Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М., 1999. С. 7–32.

144. *Зайкина С.В.* Эмоциональный концепт *страх* в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект): Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.

145. *Зализняк А.А.* Метафора движения в концептуализации интеллектуальной деятельности // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 312–320.

146. *Заонегин Е.В.* Глаголы, выражающие понятие «думать» в романских языках (ономасиологический анализ). Автореф. дис. ...канд. ф. н. М., 1972.

147. *Заречнева Е.Н.* Социокультурный концепт *учитель*: когнитивно-дискурсивное исследование. Дис. ... докт. филол. наук. Барнаул, 2009.
148. *Зацепина Е.А.* Вежливость // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 5. Волгоград: Парадигма, 2007. С. 135–152.
149. *Зацепина М. В.* Концептуализация феномена отчуждение в русской и немецкой этноконцептосферах: Дис... канд. фил. наук. Екатеринбург, 2006.
150. *Зиновьев Е.И., Юрков Е.Е.* Лингвокультурология: Учебник. СПб., 2006.
151. *Зубкова Я.В.* Пунктуальность // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 203–229.
152. *Зусман В.Г.* Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация: Учеб. Пособие. Нижний Новгород: Деком, 2001. С. 38–53.
153. *Зусман В.Г.* Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. Армавир, 2005.
154. *Игнатова Е.М.* Родина // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 7. Волгоград: Парадигма, 2009. С. 93–108.
155. *Илова Е.В.* Театр // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 6. Волгоград: Парадигма, 2007. С. 289–307.
156. *Ипанова О.А.* Жизнь // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 2. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 146–166.
157. *Ипполитов О.О.* Дорога // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 2. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 101–121.
158. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики. Екатеринбург; Омск, 1999.
159. *Кабаченко Е.Г.* Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.

160. *Казакова А.Ю.* Русские глазами русских: ассоциативный портрет // *Язык, сознание, культура, этнос.* М., 1994. С. 72–73.

161. *Калуженина Д.В.* Художественный гиперконцепт *Пространство* в поэзии конца XX века: на материале лирики К. Кинчева, Д. Ревякина, Ю. Кузнецова и А. Кушнера Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008.

162. *Калужная И.А.* Концепт *детство* в немецкой и русской лингвокультурах. Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.

163. *Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарева Э.В.* Иная ментальность. М., 2005.

164. *Карасик В.И.* Категориальный оценочный концепт «подлинность» // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2005. (Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 6») С. 3–14.

165. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // *Языковая личность: культурные концепты:* Сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. Волгоград – Архангельск, 1996. С. 3–16.

166. *Карасик В.И.* Лингвокультурный типаж // *Язык. Текст. Дискурс.* Научный альманах. Вып. 5. Ставрополь – Пятигорск. 2007. С. 86–89.

167. *Карасик В.И.* О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс:* Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С.5–20.

168. *Карасик В.И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

169. *Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики.* Воронеж, 2001. С. 75–81.

170. *Карасик В.И.* Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010.

171. *Касевич В.Б.* О когнитивной лингвистике // *Общее языкознание и теория грамматики.* Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д.Кацнельсона. СПб., 1998. С.14–21.

172. *Касевич В.Б.* Язык и знание // Язык и структура знания. М., 1990. С. 8–25.

173. *Касевич В.Б.* Языковые структуры и когнитивная деятельность // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989. С. 8–18.

174. *Каслова А.А.* Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.). Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

175. *Катаева Н.М.* Воля // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 42–58.

176. *Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике: Фреймы и сценарии: Научно-аналитический обзор.* М.: ИНИОН РАН СССР, 1987.

177. *Кашкин В.Б.* Сопоставительная лингвистика. Воронеж, 2007.

178. *Керимов Р.Д.* Метафорические характеристики концептов «ЕВРОПА» и «ЕС» в немецкой публицистике // Концепт. Образ. Понятие. Символ: Коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. С. 222–237.

179. *Кибрик А.А.* Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания, 1994. N 5. С. 126–139.

180. *Кирияк О.А.* Воровство // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 5. Волгоград: Парадигма, 2007. С. 307–328.

181. *Кобозева И.М.* Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке: Сб. статей. М., 2000. С. 303–359.

182. *Кобозева И.М.* Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 95–105.

183. *Кобозева И.М.* Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2001. № 6.

184. *Кобрин Н.А.* Когнитивная лингвистика: Истоки становления и перспективы развития // Когнитивная семантика. Ч. 2. Тамбов, 2000. С. 170–175.

185. *Ковалева Т.Ю.* О содержательных контекстах понятия «концепт»: от В. Гумбольдта и А.А. Потебни к А. Вежбицкой и Ю.С. Степанову // *Язык. Человек. Картина мира: Материалы Всероссийской научной конференции* / Под ред. М.П.Одинцовой. Ч.1. Омск: Омск. гос. ун-т, 2000. С.16–18.

186. *Ковшова М.Л.* Роль концепта в семантической структуре фразеологических единиц // *Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии*. Ч. 2. Новгород, 1991. С. 19–21.

187. *Ковшова М.Л.* «Ум» и «голова» как ключевые слова в составе фразеологических единиц: Опыт сравнения // *Прагматика. Семантика. Грамматика: Материалы конф. науч. сотр. и аспирантов*. М., 1993. С. 60–63.

188. *Когнитивная лингвистика*. Современное состояние и перспективы развития. Ч. 1 и ч. 2. Материалы первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. Тамбов, 1998.

189. *Когнитивная семантика*. Материалы второй международной школы-семинара. Тамбов, 2000.

190. *Козина Н.О.* Грех // *Антология концептов*. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 2. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 59–73.

191. *Колесникова В.В.* Художественный концепт *душа* и его языковая репрезентация: на материале произведений Б. Пастернака. Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008.

192. *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2000.

193. *Колесов В.В.* Концепт “культуры”: образ, понятие, символ // *Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 2*. 1992. Вып. 3. № 16. С. 30–40.

194. *Колесов В.В.* Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // *Язык и этнический менталитет*. Петрозаводск, 1995. С. 13–24.

195. *Колесов В.В.* Отражение русского менталитета в слове // *Человек в зеркале наук*. Л., 1991. С. 106–125.

196. *Колотнина Е.В.* Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.

197. *Колианский Г.В.* Контекстная семантика. М.: Наука, 1980.

198. *Колианский Г.В.* О смысловой структуре текста // Лингвистика текста. Материалы научной конференции. Часть I. М., 1974. С.139–142.

199. *Колианский Г.В.* О языковом механизме порождения текста // Вопросы языкознания, 1983. N 3. С.44–51.

200. *Колианский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990.

201. *Кондаков И.* Иллюстрированный психологический словарь. СПб., 2000.

202. *Кондратьева О.Н.* Гендерная характеристика концептов *душа*, *сердце* и *ум* в древнерусских текстах. URL : <http://sofik-rgi.narod.ru/avtori/konferencia/kondratieva.htm> (дата обращения: 02.05.2009)

203. *Кондратьева О. Н.* Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов *душа*, *сердце*, *ум*) : Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004а.

204. *Кондратьева О.Н.* Особенности языкового воплощения концепта «внутренний человек» в русских летописях // Концепт. Образ. Понятие. Символ: Коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2004б. С. 157–174.

205. *Кондратьева О.Н.* Структура концепта *ум* в памятниках литературы Древней Руси // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2005. (Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 6») С. 177–203.

206. *Контримович А.А.* Наказание // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 2. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 183–197.

207. *Концепт. Образ. Понятие. Символ:* Коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2004.

208. *Концептуальное пространство языка:* Сб. науч. тр. / Под ред. Е.С. Кубряковой. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005.

209. *Концептуальные сферы «мир» и «человек»:* Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК

«Графика», 2005. (Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 6») С. 177–203.

210. *Копачевская С.М.* Из наблюдений над лексической и синтаксической сочетаемостью синонимической группы глаголов мыслительной деятельности со значением «реализовать в форме мысли потенциальную способность мозга к умственному труду» (по материалам литературных произведений II половины XVIII–XX веков) // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Выпуск 7. Томск, 1977. С. 62–66.

211. *Кормкова Е.В.* Концепт *труд* в немецких и русских пословицах // Языковая личность: вербальное поведение. Волгоград, 1998. С. 110–113.

212. *Костин А.В.* Способы концептуализации обиходно-бытовых понятий в разножанровых произведениях В.И. Даля (на материале концепта «Вода»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2002.

213. *Кочетков В.В.* Психология межкультурных различий: Учебник для вузов. М., 2001.

214. *Кошелев А.Д.* К эксплицитному описанию концепта «свобода» // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 61–64.

215. *Кравец А.С.* Типологическая структура смысла // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 17–25.

216. *Красавский Н. А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. М.: Гнозис, 2008.

217. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002.

218. *Кругликова Л. Е.* Синонимический ряд «глупый человек» в истории русского языка // Слово во времени и пространстве: К 60-летию проф. В.М. Мокиенко. Санкт-Петербург, 2000. С. 96–113.

219. *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5–12.

220. *Кубрякова Е.С.* Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова // Семантика языковых единиц: Доклады VI международной конф. Т. I. М., 1998. С. 47–51.

221. *Кубрякова Е.С.* О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 84–92.

222. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак-т МГУ им. Ломоносова, 1996.

223. *Куданкина О.А.* Актуализация концепта «Германия» через метафоры в русском языке // Концепт. Образ. Понятие. Символ: Коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. С. 237–254.

224. *Кузьмина Н.А.* Индивидуальный стиль сквозь призму концептуальных метафор (категория жизни – движения в творчестве Ф. Сологуба). Рукоп. деп. в ИНИОН РАН № 51729 от 12.03.96.

225. *Кусов Г.В.* Оскорбление // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 2. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 197–215.

226. *Ладо Р.* Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. М., 1989.

227. *Лакофф Дж.* Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М., 1996. С. 143–185.

228. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988. С. 12–51.

229. *Лакофф Дж.* О порождающей семантике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981.

230. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. Н.В. Перцова // Теория метафоры: Сб. М., 1990. С. 387–415.

231. *Левенкова Е.Р.* Концептосфера политического дискурса Великобритании на рубеже XX-XXI веков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11. № 4. 2009.

232. *Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Родные просторы // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 338–347.

233. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. Т. 1–2.

234. *Леонтьева Т.В.* Интеллект человека в зеркале русского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

235. *Ли Же.* Толерантность // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 7. Волгоград: Парадигма, 2009. С. 70–79.

236. *Лисицын А.Г.* К проблеме концептуального анализа // Язык и культура: III межвуз. конф.: Доклады и тезисы докладов. Киев, 1994. С. 98–100.

237. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Изд. РАН. Серия лит. и яз. М., 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.

238. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 280–288.

239. *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958.

240. *Логический анализ языка.* Избранное. 1988–1995 / Редколлегия Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Спиридонова. М., 2003.

241. *Логический анализ языка.* Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.

242. *Логический анализ языка.* Культурные концепты. М.: Наука, 1991.

243. *Логический анализ языка.* Ментальные действия. М., 1993.

244. *Логический анализ языка.* Семантика начала и конца. М., 2002.

245. *Логический анализ языка.* Языки динамического мира. Дубна, 1999.

246. *Логический анализ языка.* Языки пространств. М., 2000.

247. *Лукин В.А.* Концепт истины и слово «истина» в русском языке. (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) // Вопросы языкознания, 1993. № 4. С. 63–86.

248. *Лукин В.А.* Слово *противоречие*, одноименное семантическое поле и концепт противоречия в русском языке // Словарь. Грамматика. Текст: Сб. ст. / РАН. ОЛИА. Ин-т РЯ им. В.В. Виноградова / Отв. ред. Ю. Н. Караулов, М.В. Ляпон. М., 1996. С. 140–154.

249. *Лузина Л.Г.* Распределение информации в тексте (когнитивный и прагматический аспекты). М.: РАН, Ин-т научной информации по общественным наукам, 1996.

250. *Ляпин С.Х.* Концептология: к становлению подхода // Концепты, Архангельск, 1997. Вып. 1.

251. *Макеева И.И.* Исторические изменения в семантике некоторых русских ментальных глаголов // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 40–45.

252. *МакКормак Э.* Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 358–386.

253. *Макович Г.В.* *Мечта* в русском языке и в русском сознании // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2000. С. 96–99.

254. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. М.: Флинта, Наука, 2007.

255. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов. М., 2004.

256. *Мартьянова И.А.* Русский текст: концепт *Китай* // Русистика: Лингвистическая парадигма XX века. Сб. статей в честь профессора С.Г. Ильенко / РГПУ им. А.И. Герцена. Филолог. ф-т СПбГУ / СПб. ун-т. СПб, 1998. С. 290–300.

257. *Медведев Д.И.* Запрет // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 7. Волгоград: Парадигма, 2009. С. 124–138.

258. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М., 1997.

259. *Международный конгресс по когнитивной лингвистике:* Сборник материалов. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2008.

260. *Метафора в языке и тексте.* М., 1988.

261. *Методологические проблемы когнитивной лингвистики.* Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001.

262. *Мешкова Т.С.* Актуальные признаки в структуре концепта *князь* (на материале Новгородской 1 летописи) // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2005. (Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 6») С. 293–312.

263. *Мещеряков Б., Зинченко В.* Большой психологический словарь. М.: Олма-пресс, 2004.

264. *Мещерякова Ю.В.* Концепт *красота* в английской и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.

265. *Миронова И.К.* Концептосфера *еда* в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозиционные структуры и их лексические репрезентации. Дис.... канд. филол. наук, Екатеринбург, 2002.

266. *Михеев М.Ю.* Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 145–159.

267. *Мишин А.А.* Концепты *ум* и *глупость* в немецкой и английской языковых картинах мира: Автореф... канд. филол. наук, Владимир, 2007.

268. *Молоткова А.И.* Цветок // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 4. Волгоград: Парадигма, 2006. С. 343–356.

269. *Мостовая А.А.* Опыт сравнений научных и “наивных” толкований (на материале слов конкретной лексики) // Лингвистические и психолингвистические структуры речи. М., 1985. С. 35–54.

270. *Назин А.С.* Сопоставительное исследование метафор в романе Дж.Р.Р. Толкиена «Хоббит, или туда и обратно» и его переводах на русский язык. Дис. ... канд. филол. наук, Екатеринбург, 2007.

271. *Неровная Н.А.* Толерантность и терпимость // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 7. Волгоград: Парадигма, 2009. С. 79–93.

272. *Нерознак В. П.* О трех подходах к изучению языков в рамках синхронного сравнения (типологический–характерологический–контрастивный) // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М., 1987. С. 5–26.

273. *Никитина Л.Б.* Метафора как показатель степени интенсивности оценки в высказываниях об интеллекте человека // Язык. Человек. Картина мира: Материалы Всероссийской на-

учной конференции / Под ред. М.П. Одинцовой. Ч. I. Омск: Омск. гос. ун-т, 2000. С. 89–92.

274. *Никитина Л.Б.* Образ-концепт «HOMO SAPIENS» в русской языковой картине мира как объект антропоцентристской семантики. Автореф. ... канд. филол. наук. Омск, 2006.

275. *Никитина Л.Б.* Семантика и прагматика оценочных высказываний об интеллекте: (К проблеме образа человека в соврем. рус. яз.) Автореф. дис. ... канд. филол. н. / Алт. гос. ун-т. Барнаул, 1996.

276. *Никитина С.Е.* Концепт судьбы в русском народном сознании (на материале устно-поэтических текстов) // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 130–136.

277. *Никитина С.Е.* Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.

278. *Никитина С.Е.* Об уме и разуме (на материале русских народно-поэтических текстов) // Славянские этюды. Сб. к юбилею С.М. Толстой. М., 1999. С. 298–307.

279. *Одинцова М.П.* Вместо введения: к теории образа человека в языковой картине мира // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Ч. 1 / Под ред. М.П. Одинцовой. Омск: Омск. гос. ун-т, 2000. С. 8–11.

280. *Одинцова М.П.* Языковые образы «внутреннего человека» // Язык. Человек. Картина мира: Лингвоантропологические, философские очерки (на материале русского языка). Ч. 1. / Под ред. М.П. Одинцовой. Омск, 2000. С. 11–28.

281. *Одинцова М.П.* Критическая реплика по поводу попытки А.Вежицкой построить этнопсихолингвистический портрет русского человека по данным русского языка // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Ч. 1 / Под ред. М.П. Одинцовой. Омск: Омск. гос. ун-т, 2000. С. 79–82.

282. *Одинцова М.П.* Образные семантические категории субъекта, объекта, инструмента, пространства в грамматике «внутреннего человека» (на материале русского языка) // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс русистов-исследователей. (Москва, филол. фак. МГУ им.

М.В. Ломоносова, 13-16 марта 2001): Тр. и материалы / Под общ. ред. М.Л. Ремневой и А.А. Поликарпова. М.: Изд-во МГУ, 2001. С.77–78.

283. *Одинцова М.П.* Обитатели «духовной вселенной» в русской языковой картине мира // Филол. ежегодник. 2002. № 4.

284. *Онищенко М.С.* Свободная страна // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 6. Волгоград: Парадигма, 2007. С. 36–65.

285. *Опарина Е.О.* Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия // Язык и культура. М., 1999. Вып. 2. С. 27–48.

286. *Орлова О.Г.* Актуализация концепта *Russia* (Россия) в американской публицистике (на примере дискурса еженедельника “Newsweek”) // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2005. (Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 6») С. 247–264.

287. *Орлова О.С.* Место концепта *язык* в концептосфере И. Бродского и его лексическая интерпретация // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2000. С. 140–150.

288. *Ортони Э.* Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 219–236.

289. *Павиленис Р.И.* Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 380–389.

290. *Павиленис Р.И.* Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

291. *Павлова М.* Метафора и когнитивные науки // URL: www.ruthenia.ru (дата обращения: 22.11.2008)

292. *Панкрац Ю.Г.* Пропозициональная форма представления знаний // Язык и структуры представления знаний: Сб. аналит. обзоров. М.: РАН, 1992. С. 78–97.

293. *Панченко Н.Н.* Обман // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 174–192.

294. *Пеньковский А.Б.* О категории “чуждости” в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987. М., 1989. С. 54–82.

295. *Пеньковский А.Б.* Радость и удовольствие в представлении русского языка // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 148–155.

296. *Перескокова А.Ю.* Метафорическое моделирование образа российских и американских средств массовой информации: рефлексивный аспект. Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005.

297. *Петров В.В., Герасимов В.И.* На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 5–12.

298. *Петрова С.Н.* Когнитивная парадигма и семантика понимания // Мышление. Когнитивные науки. Искусственный интеллект. М., 1988. С. 119–130.

299. *Пименов Е.А.* Исследование концепта *Trauer* «печаль» посредством синонимического ряда // *Ethnohermeneutik und Antropologie* / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2004. С. 89–94.

300. *Пименов Е.А.* Религиозные и национальные признаки концепта *дух, spirit u Geist* // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Вып. 5. Ставрополь – Пятигорск. 2007. С. 105–112.

301. *Пименова М.В.* Антропоморфизм как способ объективации концепта сердце // *Welt in der Sprache* / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2005a. С. 119–126.

302. *Пименова М.В.* Коды культуры и принципы концептуализации мира // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М., 2006a. С. 172–186.

303. *Пименова М.В.* Коды культуры и принципы концептуализации мира (об основных структурных признаках базовых концептов культуры) // Введение в концептуальные исследования: Учебное пособие. Кемерово, 2006b. С. 88–119

304. *Пименова М.В.* Коды культуры и проблема классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Вып. 5. Ставрополь – Пятигорск. 2007. С. 79–86.

305. *Пименова М.В.* Концептуализация *рассудка* и способы объективации его признаков в русской языковой картине мира // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2005б. (Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 6») С. 121–143.

306. Пименова М. В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): Дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 2001.

307. *Пименова М.В.* Методология концептуальных исследований // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005в. С. 15–20.

308. *Пименова М.В.* Символы культуры и способы концептуализации внутреннего мира человека (концептуальная метафора дома) // Концепт. Образ. Понятие. Символ: Коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. С. 35–60.

309. *Пищальникова В.А.* Концептуальный анализ художественного текста. Учебное пособие / Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 1991.

310. *Пищальникова В.А.* Проблема лингвоэстетического анализа художественного текста. Учебное пособие / Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 1984.

311. *Пищальникова В.А., Герман И.А.* Метафора как компонент речемыслительной синэргетической деятельности // Единицы языка и их функционирование. Саратов, 1998. Вып. 4. С. 61–68.

312. *Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А.* Введение в психопэтику: Монография. Барнаул: Изд-во Алтайск. Ун-та, 1993.

313. *Плотникова А.А.* Лексика традиционной народной культуры в русских словарях // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М., 1995. С. 157–168.

314. *Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* БЕЗУМИЕ как лексикографическая проблема (К анализу прилагательных *безумный* и *сумасшедший*) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С.120–126.

315. *Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* «С чисто русской аккуратностью...» (к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке) // Моск. лингвистический журнал. Т. II. М., 1996. С. 340–351.

316. *Подюков И.А.* Народная фразеология в зеркале народной культуры: Уч. пособие. Пермь: ПГПИ, 1991.

317. *Покровская Я.А.* Метафора как средство обозначения концепта гнева // Языковая личность: Культурные концепты. Волгоград – Архангельск, 1996. С. 183–189.

318. *Поливанов Е. Д.* Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Ташкент; Самарканд, 1935.

319. *Поливанов Е. Д.* Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1934.

320. *Попова З.Д., Стернин И.А., Карасик В.В., Кретов А.А., Борискина О.О., Пименов Е.А., Пименова М.В.* Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово, 2004.

321. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

322. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999.

323. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: изд-во «Истоки», 2006.

324. *Поспелова Ю.Ю.* Концепт «интеллектуальное взаимодействие» в педагогическом дискурсе. Дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2009.

325. *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 9–47.

326. *Потапова Н.П.* Класс глаголов “интеллектуальная деятельность” в говоре деревни Акчим Пермской области // Доклады и сообщения VI российской науч.-практ. конф. «Российская деревня: история и современность». Нижний Новгород, ноябрь 1997. (Материалы для изучения селений России; Вып. 1). Ч. 2: Язык российской деревни: Говоры. Лингвофольклористика. Ономастика / Составитель и отв. ред. З.В. Рубцова. М., 1997. С. 28–31.

327. *Потебня А.А.* Из лекций по теории словесности // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 66–85.

328. *Потебня А.А.* Мысль и язык // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 51–66.

329. *Почепцов О.Г.* Языковая ментальность: Способ представления // Вопросы языкознания. 1990. №6. С. 110–122.

330. *Преподобный Феодосий Кавказский.* Русские юродивые. URL : http://pravorus.narod.ru/jitie_urodivie.htm (дата обращения: 15.05.2009)

331. *Проделки хитрецов* / сост., вступ. статья и общ. ред. Г. Л. Пермяков. М., 1972.

332. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 2000.

333. *Прохвачева О.Г.* Приватность // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 192–209.

334. *Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. М.: Флинта : Наука, 2008.

335. *Рабенко Т.Г.* Концепт *муж* в ассоциативном восприятии женщины / Ethnohermeneutik und Antropologie // Отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2004. С. 114–119.

336. *Рагузова Л.Н.* Метаязыковая концептуализация сферы «творчество» в эстетической и художественной системе В.В. Набокова: Автореф... дис. докт. наук. Краснодар, 2000.

337. *Радзиевская Т.В.* Слово *судьба* в современных контекстах // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 64–72.

338. *Рахилина Е.В.* О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой // Язык и когнитивная деятельность. М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1989. С. 46–51.

339. *Ретина Т.А.* Сравнительная типология романских языков (французский, испанский, итальянский, португальский, румынский). СПб, 1996.

340. *Реформатский А. А.* О сопоставительном методе // Лингвистика и поэтика. М., 1987.

341. *Рикер П.* Метафорический процесс как познание, воображение, ощущение // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 416–435.

342. *Розина Р.И.* Движение в физическом и ментальном пространстве // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 108–118.

343. *Розина Р.И.* ЧЕЛОВЕК и ЛИЧНОСТЬ в языке // Логический анализ языка. Вып. 4. Культурные концепты. М., 1991.

344. *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира.* М., 1988.

345. *Романова Т.В.* О содержании понятия *концепт текста* // Функциональная лингвистика. Язык. Культура. Общество. II: Материалы конф. Ялта. 2000. С. 296–300.

346. *Ромашко С.А.* “Язык”: структура концепта и возможности развертывания лингвистических концепций // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 161–163.

347. *Рут М.Э.* Русское диалектное *полубелый* ‘сумасшедший, ненормальный’ // Русская диалектная этимология. Тез. докл. межвуз. науч. конф. (10–12 октября 1991 года). Свердловск: УрГУ, 1991. С. 34–35.

348. *Русаков В.Г.* Концепт счастья в романах «Машенька» В. Набокова и «Вечер у Клэр» Г. Газданова // URL: www.ruthenia.ru (дата обращения: 22.02.2009)

349. *Рябцева Н.К.* «Вопрос»: прототипическое значение концепта // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 72–77.

350. *Рябцева Н.К.* Помехи, преграды и препятствия в физическом, социальном и ментальном пространстве // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 119–137.

351. *Ряпосова А.Б.* Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе российские федеральные выборы (1999 – 2000 гг.). Дис.... Канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

352. *Саварцева Н.В.* Предательство // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 6. Волгоград: Парадигма, 2007. С. 224–240.

353. *Савельева У.А.* Верность и предательство // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 6. Волгоград: Парадигма, 2007. С. 206–224.

354. *Сагдеева Ф. К.* Отражение концепта *труд* в лексико-фразеологических средствах // *Ethnohermeneutik und Antropologie* / Отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2004. С. 120–123.

355. *Садохин А.П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М., 2005.

356. *Садыкова М.А.* Свет и тьма // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 7. Волгоград: Парадигма, 2009. С. 4–18.

357. *Сергеев С.А.* Образные схемы восприятия концепта *мечта* в русской языковой картине мира // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2005. (Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 6»). С. 219–247.

358. *Сергеева Н.М.* «Вот разума великолепный пир!» // Концепт. Образ. Понятие. Символ: Коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2004а. С. 174–190.

359. *Сергеева Н.М.* Концепт *мозг*: понятийный и образный компоненты // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2005а. (Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 6»). С. 203–219.

360. *Сергеева Н.М.* Концепты *ум, разум* в русской языковой картине мира. Дис.... канд. Наук. Кемерово, 2004б.

361. *Сергеева Н.М.* *Ум и разум* // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005б. С. 286–305.

362. *Серебреников Б.А.* Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 70–87.

363. *Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб: Наука, 1993.

364. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

365. *Слышкин Г.Г.* Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса): Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград, 2000.

366. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 1.

367. *Смирницкий А.И.* Об особенностях изучения направления движения в отдельных языках. М., 1953.

368. *Смылова С.Л.* Концепт *учитель* в русском педагогическом дискурсе рубежа XIX – XX веков. Дис.... канд. филол. наук. Тюмень, 2007.

369. *Соколова М.А.* Выражение признаков интеллекта фразеологизмами русского языка (на фоне испанского языка): Автореф. дис. ...к. ф. н. СПб, 1995.

370. *Солдатова Н.А.* Сопоставительный анализ проблем культуры речи в России/СССР и Франции 1900-1940-х гг. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.

371. *Солоник Н.В.* Русский менталитет в зеркале русских пословиц: наблюдения и попытка верификации // Русский язык, культура, история: Сб. материалов II науч. конф. лингвистов, литературоведов, фольклористов. Ч. 1. М., 1997. С. 207–212.

372. *Солохина А.С.* Свобода // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 223–247.

373. *Соколовская Л.В.* Структура семантического поля СВЕТ // V Житниковские чтения: Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте: Материалы Всерос. науч. конф. Челябинск, 2001. С. 328–333.

374. *Сполохова Е.А.* Концепт истины в поэзии В.С. Высоцкого (к вопросу о языковой картине мира поэта): Автореф... дис. канд. наук. Череповец, 2000.

375. *Степанов В.С.* Сопоставительная грамматика испанского и русского языков. М., 1972.

376. *Степанов Г.В.* Грамматика и семантика романских языков: (К проблеме универсалий). (Совместно с Е.М.Вольф, Л.И. Лухт, А.В.Супрун.) М., 1978.

377. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.

378. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

379. *Степанов Ю.С.* Концепт «причина» и два подхода к концептуальному анализу языка – логический и сублогический // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С.5–14.

380. *Степанов Ю.С.* Слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 288–306.

381. *Стернин И.А., Быкова Г.В.* Концепты и лакуны // Языковое сознание: Формирование и функционирование. М., 1998. С. 55–67.

382. *Стернин И.А., Карасик В.И.* Как описывать концепты // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 6. Волгоград: Парадигма, 2007. С. 26–36.

383. *Стернин И.А.* Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. Воронеж, 2007.

384. *Стернин И.А.* Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 58–65.

385. *Стернин И.А.* Типы значений и концепт // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. / Под ред. Проф. Е.С. Кубряковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 257–282.

386. *Стрельников А.М.* Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России. Дис.... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

387. *Тавдигиридзе Л.А.* Концепт *русский язык* в русском языковом сознании. Автореферат дисс.... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.

388. *Тарасенко В.В.* Концепты *жизнь* и *смерть* в системе языка и сознании разноязычных носителей: на материале фра-

зеологизмов. Дис. ... канд. филол. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2008.

389. *Текст как явление культуры* / Г.А. Антипов и др. Новосибирск: Наука, 1989.

390. *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173–205.

391. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 13–24.

392. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

393. *Тер-Минасова С. Т.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004.

394. *Тимощенко С.А.* Дом // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 6. Волгоград: Парадигма, 2007. С. 269–289.

395. *Тихонова В.Я.* Концепт *борьба* в русской языковой картине мира. Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005.

396. *Тихонова С. А.* Концепты *зло* и *evil* в российской и американской политической картине мира. Дис... канд. фил. наук. Омск, 2006.

397. *Тихонова С.А.* Зло // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 5. Волгоград: Парадигма, 2007. С. 16–30.

398. *Толстая С.М.* Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. №1 (3). С. 112–127.

399. *Толстая С.М.* Слово в контексте народной культуры // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000. С. 101–111.

400. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 347–358.

401. *Толстой Н.И.* Мифологическое в славянской народной поэзии. 3. Месяц в горшке, звезды в посудине // Живая старина. 1996. №2. С. 40–41.

402. Толстой Н.И. Очерки славянского язычества (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования). М., 2003. – 624 с.

403. Толстой Н.И., Толстая С.М. Имя в контексте народной культуры // Язык о языке: Сб. статей. М., 2000. С. 597–624.

404. Туктангулова Е.В. Художественные концепты *жизнь* и *смерть* как репрезентанты словообраза *природа* в идиостиле Н.А. Заболоцкого. Дис... канд. филол. наук. Ижевск, 2007.

405. Тхорик В.И., Фанян Н.Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. М., 2006.

406. Тюленева Н.А. Лингвокогнитивные стратегии позиционирования и продвижения туристических услуг в российской и англо-американской рекламе. Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.

407. Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Функционально-когнитивный словарь. Уфа, 1998.

408. Урысон Е.В. Мысль, идея // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.

409. Урысон Е.В. Ум, разум, рассудок, интеллект // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997. С. 519–525.

410. Урусова О.А. Гендерные признаки концепта *Америка* // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2005. (Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 6»). С. 283–293.

411. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 11. С. 142–148.

412. Уфимцева Н.В. Образы обыденного сознания современных русских // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Материалы Междунар. конф. М., 1996. С. 402–406.

413. *Уфимцева Н.В.* Русские глазами русских // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995. С. 242–250.

414. *Уфимцева Н.В.* Этнические и культурные стереотипы: кросскультурное исследование // Изд. РАН. Сер. лит. и яз. 1995. Т. 54. № 3. С. 55–63.

415. *Уфимцева Н.В.* Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: Формирование и функционирование. М., 1998. С. 135–170.

416. *Ухина Т.Ф.* Национальная специфика наименований лиц (на материале русского и английского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. н. / Воронежский гос. ун-т. 1991.

417. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М.: Прогресс, 1973.

418. *Федотов Г.П.* Юродивые // Святые Древней Руси. Paris: YMCA-PRESS, 1985. С. 191–204.

419. *Феоктистова А.Б.* Когнитивные аспекты семантики идиом, обозначающих чувства-состояния: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М.: Моск. гос. открытый пед. ун-т, 1996.

420. *Фещенко О.А.* Концепт *дом* в художественной картине мира М. И. Цветаевой (На материале прозаических текстов). Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005.

421. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. XXIII. С. 52–67.

422. *Фомина Т.Д.* Динамика концепта в политическом дискурсе (на примере выступлений Дж. Буша и Т. Блэра, посвященных второй военной кампании в Ираке). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

423. *Фрумкина Р.М.* Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сб. обзоров. М., 1992. С. 28–44.

424. *Фрумкина Р.М.* Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // НТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. № 3. М., 1992. С. 1–8.

425. *Фрумкина Р.М.* Лингвист как познающая личность // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989. С. 38–46.

426. *Фурманова В. П.* Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. Саранск, 1993.

427. *Харитончик З.А.* Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // *Язык и структуры представления знаний.* М., 1992. С. 98–123.

428. *Харуллин В.И.* Картина мира и структурирование знания // *Язык, сознание, культуры, этнос.* М., 1994. С. 98–100.

429. *Хохлов Д.В.* Народ // *Антология концептов.* Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 7. Волгоград: Парадигма, 2009. С. 108–124.

430. *Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности.* М., 1991.

431. *Ченки А.* Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // *Вопр. языкознания.* 1996. № 2.

432. *Чернейко Л.О., Долинский В.А.* Имя судьба как объект концептуального и ассоциативного анализа // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология.* 1996. № 6. С. 20–41.

433. *Черняховская Л.А.* Смысловая структура текста и ее единицы // *Вопросы языкознания,* 1993. N 6. С. 117–126.

434. *Чудакова Н.М.* Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000 – 2004 гг.). Дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

435. *Чудинов А.П.* Метафора как средство представления знаний // *Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сборник материалов.* Тамбов: Изд-во ТГУ, 2008. С. 143–145.

436. *Чудинов А.П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.

437. *Чудинов А.П.* Национальная ментальность и метафорическое моделирование политической ситуации // *Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. / Под ред. Е.С. Кубряковой.* Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. С. 363–374.

438. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика: Учебное пособие. М., 2006.

439. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.

440. *Чудинов А.П.* Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования (регулярной многозначности) // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001. С. 38–53.

441. *Шабес В.Я.* Событие и текст. М., 1989.

442. *Шаова О.А.* Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских газет в сопоставлении с российскими). Дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

443. *Шевченко И.С., Змиева И.В.* Добро // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 5. Волгоград: Парадигма, 2007. С. 4–16.

444. *Шейгал Е.И.* Власть как концепт и категория дискурса // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/scheig_vlast.php (дата обращения: 15.06.2010)

445. *Шейгал Е.И.* Концепт и категории дискурса / Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс / Под ред. Е.И. Шейгал. Волгоград: ВГПУ, 2001.

446. *Шейгал Е.И.* Культурные концепты политического дискурса // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах. Пятигорск, 2002. С. 24–26.

447. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград, 2000.

448. *Шенделева Е.А.* Полевая организация образной лексики и фразеологии // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 74–79.

449. *Шестак Л.А.* Славянские картины мира: рефлексy исторических судеб и художественная интерпретация концептосфер // Языковая личность: Культурные концепты. Волгоград – Архангельск, 1996. С. 113– 121.

450. *Шехтман Н.Г.* Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе. Дис. ... канд. филол. наук, Екатеринбург, 2005.

451. *Шинкаренкова М.Б.* Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург 2005.

452. *Широкова А.В.* Сравнительная типология разноструктурных языков. М., 2000.

453. *Шмелев А.Д.* "Русская ментальность" в зеркале лексических данных // Этническое и языковое самосознание. М., 1995. С. 168–170.

454. *Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002.

455. *Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002.

456. *Щерба Л.В.* Фонетика французского языка: Очерк французского произношения в сравнении с русским. Л., М., 1937.

457. *Юрина Е.А.* Ассоциативно-образные характеристики человека (на материале морфологически мотивированных существительных, прилагательных и глаголов) // Культура. Отечество: прошлое, настоящее, будущее. Сб. тез. докл. IV Духовно-исторических чтений. Томск, 1995. С. 91–100.

458. *Юшкова Н.А.* Концепт *ревность* в художественной прозе Ф. М. Достоевского: Лингвокультурологический анализ. Дис.... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

459. *Язык о языке:* Сб. статей. М., 2000.

460. *Яковлева Е.А.* Этические концепты *правда, истина и ложь, обман* в макротексте живой речи // Культурные и духовные традиции русских Башкортостана: история и современность. Уфа, 1998. Ч. 2. С. 134–137.

461. *Ярцева В.Н.* О сопоставительном методе изучения языков. М., 1960.

462. *Bartmiński J.* Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji // Konotacja / Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1988. S. 169–182.

463. *Jakubowicz M.* Orientierungsmetaphern in der Konzeptualisierung seelischer Zustände // Die Welt der Slaven. Sammelbände (8). Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik. Band 3. München, 2000. S. 121–129.

464. *Rosh E.N.* Principles of categorization / Rosh E.N., Lloyd B.B. Cognition and Categorization. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27–48.

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|--|-----|
| <i>Предисловие</i> | 3 |
| Часть 1. Теоретические вопросы лингвоконцептологии | 8 |
| §1. Современные направления лингвоконцептологии | 8 |
| §2. Основные понятия лингвоконцептологии | 15 |
| §3. Методики концептуального анализа | 51 |
| Часть 2. Концепт ум в русской лингвокультуре | 75 |
| §1. Концепт «ум» в научной картине мира (психологический аспект) | 76 |
| §2. Концепт «ум» как предмет лексикографического описания | 81 |
| §3. Концепт «ум» в русской паремиологии | 120 |
| §4. Экспериментальное исследование концептов смыслового поля «Интеллект» | 125 |
| Часть 3. Концепт ум как предмет сопоставительной лингвоконцептологии | 142 |
| §1. Сопоставительная лингвоконцептология как научное направление (в соавт. с Ю.С. Вильдяевой) | 142 |
| §2. Концепт ум в русской, английской и французской лингвокультурах (в соавт. с Е.О. Тарасенко) | 153 |
| <i>Заключение</i> | 177 |
| <i>Литература</i> | 183 |

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДЗЮБА Елена Вячеславовна

КОНЦЕПТ «УМ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
Монография

Подписано в печать 17.01.2011. Формат 60х84 1/16.
Бумага для множ. ап. Гарнитура «Times New Roman»

Печать на ризографе
Усл. печ. л. 13,8. Уч.-изд. л. ____
Тираж 100 экз. Заказ ____

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620219 Екатеринбург, ГСП-135, проспект Космонавтов, 26



ISBN 978-5-7186-0452-8

© Дзюба Е.В., 2011